

**ФОНД РАЗВИТИЯ
ЛИБЕРАЛЬНОЙ
НАУКИ**

WWW. DLSFUND.COM

Фонд развития либеральной науки
Институт экономики и права им. Фридриха фон Хайека

'14 **КАПИТАЛИЗМ
И
СВОБОДА**

**Hayek
Institute**

Санкт-Петербург
Издательство «Нестор-история»
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
К 20

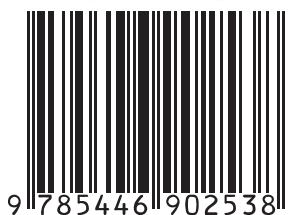
К 20

Капитализм и свобода : сборник статей / П.В. Усанов, Д.В. Нефедов [и др.]. — СПб., 2014. — 262 с.

ISBN 978-5-4469-0253-8

В сборник вошли работы участников II Международной конференции, организуемой ежегодно Институтом экономики и права им. Ф. фон Хайека, — «Капитализм и свобода». Все они посвящены актуальным вопросам современной науки и, несмотря на многообразие мнений, объединены общей темой, вынесенной в заглавие конференции, — развитие капитализма в России. Речь идет прежде всего о свободе экономической деятельности, защите частной собственности и отстаивании преимуществ частноправового регулирования.

ISBN 978-5-4469-0253-8

9 785446 902538

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

© Коллектив авторов, 2014
© Фонд развития либеральной науки, 2014

Введение

В сборник, который мы представляем вашему вниманию, вошли работы участников II Международной конференции, организуемой ежегодно Институтом экономики и права им. Ф. фон Хайека, — «Капитализм и свобода». Все они посвящены актуальным вопросам современной науки и, несмотря на многообразие мнений, объединены общей темой, вынесенной в заглавие конференции, — развитие капитализма в России. Речь идет прежде всего о свободе экономической деятельности, защите частной собственности, отстаивании преимуществ частноправового регулирования.

Указанные задачи невозможно было реализовать без прочной теоретической базы, построенной на принципах австрийской экономической школы и естественно-правовой доктрины. Они — основание современного либерализма. И несмотря на то, что большинство из высказанных авторами идей пока недостаточно популярны, мы все же надеемся на то, что эта ситуация временная и является следствием глубокого кризиса, который переживает сегодня русская наука. Десятилетиями насаждавшийся властью социализм сказывается на качестве как всего общества в целом, так и его науки, определяя ее современную тематику и приоритеты. Академический нигилизм, отрицание любого другого подхода, кроме марксизма, привели общественные исследования к печальному итогу. Современный дискурс, потеряв культуру спора из-за намеренного исключения из него либеральных взглядов, лишился своей живительной среды. В этом смысле настоящий сборник является, наверное, уникальным собранием идей, которые, хотя и контрастируют с общепринятой точкой зрения, но тем не менее представляют трезвый взгляд на вещи; не околонуточные домыслы, а реальные предложения, направленные на общественный прогресс в тех областях, где авторы, безусловно, являются специалистами.

Сборник начинается заглавной статьей директора Института экономики и права им. Ф. фон Хайека, кандидата экономических наук Павла Валерьевича Усанова «Что такое праксиология?», работы которого на протяжении многих лет посвящены экономической теории и популяризации идей австрийской экономической школы в России. Не стало исключением и это глубокое теоретическое исследование, проведенное им на стыке философии и экономики. В нем он оценивает преимущества праксиологии — науки, изучающей логику человеческой деятельности. Какую роль она играет в формировании выводов других социальных наук — вот основной вопрос, который ставит перед собой автор. Его мысли во многом перекликаются с идеями признанного лидера австрийской школы Л. фон Мизеса, рассматривавшего экономику как самую развитую из общественных наук. Вслед за Л. фон Мизесом П. В. Усанов обращается к необходимости открытия важнейших принципов праксиологии, предлагающих нам целостную теорию человеческой деятельности.

Вторая статья — «*Экономические и правовые отношения в свете идей laissez-faire*» — принадлежит мне, и ее главный вывод состоит в необходимости взаимодействия экономической и юридической науки. Предметом исследования здесь стали экономические отношения в разном ракурсе: сначала с экономической, а затем — с правовой точки зрения. Обращает на себя внимание то, что до сих пор обе эти науки видели предмет исследования одинаковым, что искажало смысл прежде всего экономических отношений, которые мы часто представляем слишком просто, копируя правовые. Такой подход в корне неверен, поскольку отношения в экономике возникают обычно естественно, в то время как правовые строятся искусственно, субъективно, являясь плодом усилий государства. Именно поэтому природное содержание экономических отношений часто отличается от той правовой формы, в которую власть их облакает, и для устранения этого противоречия законодателю следует иметь представление о собственном, экономическом смысле явлений, существующих вне их публичного регулирования.

Старший научный сотрудник Института экономики и права им. Ф. фон Хайека, кандидат экономических наук Юрий

Владимирович Кузнецов предложил в сборник интереснейшую статью на тему: «*Предпочтения и ценность: логическое разделение понятий*», которая является серьезным вкладом современного экономиста в систему классических представлений психологической экономической теории. В ней автор отмечает, что термины «предпочтения» и «субъективная ценность» ученые часто неверно используют как синонимы. На самом деле существует два типа оценок (valuations), каждый из которых логически независим. Предлагаемое их разделение способствует более убедительному доказыванию суждений, применяемых «австрийскими» экономистами.

Следующую статью — «*Идеи австрийской школы в советской экономической литературе 1920-х годов*» — представил заместитель директора Центра бизнес-образования Европейского гуманитарного университета (Литва, г. Вильнюс), кандидат экономических наук Александр Васильевич Ковалев. Его обстоятельный историко-экономический обзор основных научных направлений 20-х годов приводит к поразительному выводу о том, что преобладающими в то время были идеи австрийской экономической школы. При этом, явно доминируя в научных журналах, они по известным причинам не находили отклика в официальных университетах. Дальнейшие перспективы этого направления были еще печальнее. Принадлежность к крылу исследователей, симпатизирующих идеям свободного рынка, постепенно стала означать неизбежность физической расправы. Только с этим прессингом, далеким от этики научной жизни, было связано свертывание либеральной экономической теории в России и распространение марксизма. Благодаря такому выводу статья А. В. Ковалева, даже при трагизме описанной им исторической ситуации, внушает нам известный оптимизм, позволяя надеяться на то, что сегодня, после отказа власти от таких «аргументов», как расстрел ученых, наконец-то вновь возобладают идеи свободного рынка.

Статья известного петербургского экономиста, социолога, профессора Высшей школы экономики, кандидата экономических наук Андрея Павловича Заостровцева «*Россия: бегство от свободы*» посвящена выяснению причин крайне низкой конкурентоспособности российской экономики. По его мнению, это

связано с отсутствием реальных прав собственности, неуважением к закону, а также тотальной коррупцией, которую следует рассматривать не как отдельное преступление, а системное для хозяйственной жизни явление. Особенностью бизнеса в России является его ориентированность на силовое предпринимательство, целью которого стало обеспечение личных интересов чиновничества, что наносит непоправимый вред общему деловому климату. Ученый настаивает на том, что причина этого в значительной степени связана с кризисом науки, намеренным исключением из ее орбиты либеральных идей, в первую очередь принципов австрийской школы, использование достижений которой, по мнению А.П. Заостровцева, могло бы принести большую пользу современной экономике.

Известный публицист и историк, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, руководитель центра исследований модернизации, кандидат экономических наук *Дмитрий Яковлевич Травин* представлен в сборнике одной из последних своих работ — «*Ловушки модернизации*». В ней он обращает внимание читателей на то, что модернизация — это естественное состояние экономики, когда одним странам приходится догонять другие. Почему в одних случаях догоняющая страна быстро преодолевает различия и приближается к лидерам, в то время как другие долго не могут достичь поставленных целей и десятилетиями обречены на роль аутсайдера? Автор критикует тех, кто связывает проблему отставания с особенностями национальной культуры. Нет патологически непригодных для модернизации стран. Д.Я. Травин на примере опыта Испании, Германии, Франции и России раскрывает феномен «ловушек модернизации», при попадании в которую происходит естественная задержка развития. Причины социального торможения могут быть самыми разными, но одинаковой для таких стран является замена модернизации на имитацию прогресса.

Статья доцента МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидата экономических наук *Александра Александровича Раквиашвили* «*Либертарианская нетолерантность*» посвящена анализу важнейшего принципа либеральной этики — уважению свободы. В ней он отмечает, что отставание либертарианством прав чело-

века часто бывает противоречивым. А.А. Раквиашвили находит основы либертарианства произвольными и, анализируя работы Р. Нозика и Ч. Кукатаса, приходит к выводу о непригодности «использования концепции естественных прав для обоснования той или иной институциональной структуры общества». Именно поэтому, считает он, нетерпимость так распространена в среде либертарианства. Отрицая сомнительные аксиомы, автор утверждает, что в экономической теории необходимо соседство различных концепций, опирающихся на разные подходы, что позволяет повысить качество экономического анализа.

Развернутая, глубокая статья профессора Высшей школы экономики *Владимира Александровича Четвернина* «*Понятие права: конкурирующие парадигмы*» также вошла в этот сборник. В ней известный юрист-теоретик продолжает отстаивать преимущества либертарной правовой концепции. Находясь у истоков этого направления, В.А. Четвернин представил логичную модель либертарного права, противостоящую праву потестарному. Он обращает внимание на принципиальные различия в наших представлениях о правовом и неправовом или в понимании феномена нормативности в различных парадигмах права и рассматривает право с позиции либертарно-институциональной теории — как специфический социальный институт или систему институтов, важнейшим принципом формирования которой является принцип свободы. При этом различные социокультурные среды могут существенно отличаться друг от друга в понимании права, что приводит к их разному представлению об одном и том же явлении. Так, например, по мнению автора, либеральная логика неприменима к «природоресурсному» государству, существующему за счет перераспределения доходов от продажи ресурсов на внешнем рынке.

Завершают сборник статьи молодых ученых. Работы преподавателя юридического факультета, доцента Высшей школы экономики, кандидата экономических наук *Ирины Александровны Макаровой* «*Экономическая обоснованность правового регулирования налогов*» и *Кирилла Валерьевича Пестерева* «*Капитализм и налоги*» посвящены регулированию налоговых отношений. Законодательство о налогах — эпицентр современных

юридических и экономических проблем, одновременное средоточие известных достижений и явных провалов государственной фискальной политики. Профессиональная оценка содержания и перспектив развития этой сферы является главным в научной работе И. А. Макаровой и К. В. Пестерева, которые в своих сочинениях детально исследуют налоговое регулирование через призму либеральной экономической теории. *Александра Сергеевна Симонян* представила работу «*Критика бюрократии в истории политико-правовой мысли*». Автор обращает внимание на особенности российской бюрократии. Это явление существует долгие годы и, очевидно, будет существовать и далее, до изобретения обществом иного механизма управления. Тема данной работы представляется чрезвычайно актуальной, поскольку критика существующей бюрократии — первый шаг на пути к ее совершенствованию. Целью работы является рассмотрение основных концепций, критикующих бюрократию, проведение их анализа и выявление общих черт. Автор определяет понятие «бюрократия» и обнаруживает ее основные черты. В результате анализа форм и этапов развития этого института читателям предоставляется возможность определить его перспективы — как в России, так и для всего мира.

Подводя итог сказанному об этой совместной научной работе, следует заметить, что предлагаемый сборник уникален не только своей тематикой, но еще и тем, что является ярким примером конструктивного сотрудничества ученых из разных сфер общественных наук. Надеюсь, что выражу общее мнение, пожелав его авторам не останавливаться на достигнутом и продолжить работу над интересными статьями, книгами, монографиями, доказывая все новые и новые преимущества свободного общества и капиталистической экономики.

*Президент Фонда развития либеральной науки,
профессор НИУ ВШЭ, доцент, кандидат юридических наук
Д. В. Нефедов*

Introduction

The collection which we present to your attention, includes the works of participants of the II International conference, organized annually by Institute of economy and law of F. von Hayek — «Capitalism and freedom». All of them are devoted to actual issues of modern science and, despite the variety of opinions, united by the general subject which has been taken out to the title of conference — capitalism development in Russia. It is a question, first of all, of freedom of economic activity, protection of a private property, upholding of advantages of private-law regulation.

The specified tasks couldn't be realized without the strong theoretical base, constructed on the principles of the Austrian economic school and the natural and legal doctrine. They are the basis of modern liberalism. And in spite of the fact that the majority of the ideas stated by authors while are insufficiently popular, all of us hope that this situation is temporary and is a consequence of deep crisis which is endured today by the Russian science. For decades the socialism spread by the power affects the quality of all society as a whole, as well as its sciences, defining its modern subject and priorities. The academic nihilism, denial of any other approach, except marxism, led public researches to a sad result. Modern discourse, having lost culture of dispute because of an intended exception of liberal views, lost the vivifying environment. In this sense, the present collection is, probably, a unique collection of ideas which, though contrast with the standard point of view, but, nevertheless, represent a sober view on a thing; not pseudo-scientific conjectures, but the real offers directed on public progress in those areas where authors, certainly, are specialists.

The collection begins from the header article of the director of Institute of economy and law of F. von Hayek *P. V. Usanov* “*What is praxeology?*”, which works for many years are devoted to the economic theory and promoting of ideas of the Austrian economic school in

Russia. Didn't become an exception and this deep theoretical study conducted by him on a joint of philosophy and economy. In it he assesses the advantages of praxeology — science that explores the logic of human action. What role she plays in formation of conclusions of other social sciences — here is the main question which is raised by the author for himself. His thoughts have much in common with the ideas of the recognized leader of the Austrian School L. von Mises who consider the economy as the most developed of the sciences, exploring the human activity. Following L. von Mises, P.V. Usanov addresses to need of discovery of the major principles of the praxeology offering to us the complete theory of human activity.

The second work *“Economic and legal relations in the light of laissez-faire ideas”* belongs to me and its main conclusion is in need of interaction of economic and jurisprudence. The economic relations in a different perspective, at first from economic, and, then, from the legal point of view became an object of research here. The fact that both of these sciences still saw a subject of the research identical that distorted the sense, first of all, of economic relations which we often represent too simply, copying the legal, attracts attention. Such approach is quite misleading as the relations in economy usually arise naturally while legal, are constructed artificially, subjectively, being a result of efforts of the state. For this reason, the natural maintenance of the economic relations often differs from that legal shape which the power gives them and for elimination of this contradiction the legislator should have idea of own sense of the economic events existing out of their public regulation.

The senior research associate of Institute of economy and law of F. von Hayek, *Y. V. Kuznetsov* presented to the collection the article on the topic: *“Preferences and value: logical division of concepts”*. This interesting work is a serious contribution of the modern economist to the system of classical submissions of the psychological economic theory. In it the author notes that the terms “preferences” and “subjective value” scientists often incorrectly use as synonyms. In fact there are two types of assessments (valuations), each of which is logically independent. Offered their division, promotes more convincing proof of the judgments applied by “austrian” economists.

The next interesting article *“Ideas of the Austrian School in the Soviet Economic Literature of the 1920s”* the deputy director of the Center of business education of the European humanitarian university (Lithuania, Vilnius) *A. V. Kovalyov*. His detailed historical and economic review of the main scientific directions of the 20s, leads to an amazing conclusion that ideas of the Austrian economic school at that time were prevailing. Thus, obviously dominating in scientific journals, they, for the known reasons, didn't find a response in official universities. Further prospects of this direction were even more sad. Belonging to a wing of the researchers sympathizing ideas of the free market, gradually began to mean inevitability of physical violence. Only with this pressure far from ethics of scientific life, curtailment of the liberal economic theory in Russia and marxism distribution was connected. Thanks to such conclusion, *A. V. Kovalyov*'s article, even at tragedy of the historical situation described by him, inspires us known optimism, allowing to hope that today, after refusal of the power of such “arguments” as execution of scientists, at last ideas of the free market will prevail again.

The article of the known Petersburg economist, sociologist, professor of Higher School of Economy *A. P. Zaostrovsev* *“Russia: escape from freedom”* is devoted to clarification of the reasons of the lowest competitiveness of Russian economy. In his opinion, it is connected with lack of the real property rights, disrespect for the law, and also total corruption which should be considered not as a separate crime, but as a system phenomenon for economic life. Feature of business in Russia is its focus on the power business which purpose is providing of personal interests of officials that irreparable harm to the general business climate. The scientist insists that the reason of it is substantially connected with science crisis, an intended exception of its orbit of liberal ideas, first of all the principles of the Austrian school the use of achievements of which, according to *A. P. Zaostrovsev*'s opinion, could bring a great benefit to modern economy.

The known publicist and the historian, professor of the European university in St. Petersburg, the head of the center of researches of modernization *D. Y. Travin* is presented in the collection by one of the latest works *“Modernization traps”*. In it he pays attention of readers that modernization is a natural state of economy when

one countries should catch up with others. Why, in some cases, the catching-up country quickly overcomes the differences and comes nearer to leaders while others, can't reach goals for a long time and are doomed to the role of outsider for decades? The author criticizes those who connects a lag problem with features of national culture. There are no pathologically unsuitable countries for modernization. The author, on the example of experience of Spain, Germany, France and Russia reveals the phenomenon of “modernization traps”, having got in which, there is a natural delay of development. The reasons of social slowdown can be very different, but the replacement of modernization on progress imitation in such countries is identical.

The article of associate professor of Moscow State University A.A. *Rakviashvili* “*Libertarian intolerance*” is devoted to the analysis of the most important principle of liberal ethics — respect of freedom. It notes that upholding by libertarianism of human rights is often contradictory. The author finds the libertarianism foundations random and, analyzing the works of R. Nozick, Ch. Kukatas, comes to the conclusion about unfitness of “uses of the concept of the natural rights for justification of this or that institutional structure of society”. For this reason, he considers, intolerance is so common in libertarianism environment. Denying doubtful axioms, the author affirm that in the economic theory the neighborhood of various concepts based on different approaches that allows to improve the quality of the economic analysis is necessary.

Detailed, deep article of professor of Higher School of Economy, V.A. *Chetvernin* “*The concept of right: competing paradigms*” also is included in this collection. In it the known lawyer-theorist continues to defend advantages of the libertarian legal concept. Being at sources of this direction, he introduced the logical model of libertarian right opposing the potestary law. He pays attention to fundamental differences in our views on the legal and non-legal; or in understanding of the phenomenon of normativity in various paradigms of the law and considers the law from the position of the libertarian and institutional theory as specific social institute or system of institutes, the most important principle of formation of which is the principle of freedom. Thus, various socio-cultural environments can differ significantly from each other in understanding of the right that leads to

their different representations of the same phenomenon. So, according to the author, the liberal logic is inapplicable to the “nature-resource” state existing at the expense of redistribution of the income from sale of resources in a foreign market.

The articles of young scientists complete the collection. Article associate professor of Higher School of Economy, I.A. *Makarova* “*Economic validity of legal regulation of taxes*” and K. V. *Pesterev* “*Capitalism and taxes*” devoted to regulation of the tax relations. The tax legislation— epicenter of modern legal and economic problems, the simultaneous center of known achievements and evident failures of the state fiscal policy. The professional assessment of the contents and prospects of development of this sphere is the main thing in scientific works of I. A. Makarova and K. V. Pesterev’s which in the compositions in details investigate tax regulation through a prism of the liberal economic theory. A.S. *Simonyan* presented the work “*Criticism of bureaucracy in the history of political and legal thought*”. The author pays attention to features of the Russian bureaucracy. This phenomenon has existed for many years and, obviously, will exist and further, to the invention of society of other control mechanism. The subject of this work is extremely actual, as criticism of existing bureaucracy — the first step on the way to its improvement. The purpose of work is consideration of the main concepts of criticizing bureaucracy, carrying out their analysis and identification of common features. The author defines the concept of “bureaucracy” and finds her main features. As a result of the analysis of forms and stages of development of this institute, readers are given the opportunity to define its prospects, both in Russia, and for the whole world.

Summarizing the result about this joint scientific work, it is necessary to notice that the offered collection, is unique not only by the subject, but also that is a striking example of constructive cooperation of scientists from different spheres of social sciences. I hope that I will express the general opinion, having wished to authors not to stop on reached and to continue work on new articles, books, monographs, proving new and new advantages of free society and capitalist economy.

*President of Fund of development of liberal science,
professor of Higher School of Economy: D. V. Nefedov*

Павел Валерьевич Усанов¹

Что такое праксиология?

В представленной статье исследуются история и современное состояние праксиологии — фундаментальной науки о человеческой деятельности. Автор описывает основные черты праксиологии Л. фон Мизеса и его последователей.

WHAT IS PRAXEOLGY. This issue concludes investigation of the History and the modern condition of Praxeology. Praxeology is a fundamental science of Human Action. Investigation describes main features of L. von Mises Praxeology and his followers.

Ремесленник мастерит, крестьянин пашет, моряк плавает на корабле, солдат воюет, купец торгует, профессор учит, управляющий распоряжается. И вот слово «практика» рождает термин «праксиология»² для определения науки о подобных фактах, рассматриваемых в их единстве, *науки о наиболее общих формах и принципах действия* в мире живых существ.

Альфред Эспинас

---

¹ Директор Института экономики и права им. Ф. фон Хайека, кандидат экономических наук, доцент. E-mail: usanovrv@mail.ru

² Здесь и далее мы будем использовать термин «праксиология», а не «праксеология», так как в анализируемой литературе, особенно у Мизеса в «Человеческой деятельности», в русском переводе используется данное слово. Хотя у Мизеса в оригинале Praxeology.

Теория деятельности призвана дать ответы на фундаментальные вопросы, связанные с человеческой деятельностью. Создание универсальной социальной теории, которая бы позволила интегрировать достижения других социальных наук, была мечтой многих исследователей, но пока сами социальные науки не обрели известной завершенности, говорить о «теории всего» в социальной сфере было возможно только на метафизическом уровне, не переходя к знанию, основанному на корректной социальной теории.

Путь к универсальной теории человеческой деятельности был различным у разных исследователей: одни шли к теории деятельности из естественных наук³, математики, инженерных дисциплин и философии, что означало расширение метода естественных наук и философии до человеческой деятельности; другие стремились создать теорию деятельности на основе наиболее разработанной социальной науки — экономической теории. Ко второму направлению следует отнести лидера австрийской экономической школы, политического философа Л. фон Мизеса.

Данная статья посвящена исследованию того, что такое логика человеческой деятельности (праксиология) и какую роль она играет в обосновании всех социальных наук. На данный момент самой развитой ветвью наук о человеческой деятельности является экономическая теория. Открытие ее принципов представителями классической школы и ее развитие представителями теории предельной полезности позволило сформировать целостную теорию человеческой деятельности. Эта заслуга принадлежит лидеру австрийской экономической школы — Л. фон Мизесу.

Сильная сторона Л. фон Мизеса — великолепное знание социальных наук, особенно экономической теории; энциклопедические познания в области истории, права и политологии;

---

³ Мизес называл это сциентизмом, то есть некритическим перенесением методов естественных наук на науки о человеческой деятельности, что, с одной стороны, приводит к порождению мнимых проблем (например, множественность равновесий в микроэкономике), а с другой — приводит к подмене предмета, когда вместо исследования проблемы решают чисто аналитические вопросы. Ипполит Тэн об этом говорил, что «нет ничего проще, чем усовершенствование воображаемого».

опыт участия в выработке экономической политики Австро-Венгрии; прекрасное владение западной литературой по теории денег, банковского дела, экономических циклов, экономической политики государства; разработка теорий интервенционизма, социализма и капитализма; по существу — завершение субъективной политической экономии в трактате «Человеческая деятельность» — наиболее полном и систематическом труде по экономической теории. Л. фон Мизес движется в своих исследованиях от корректной экономической теории к «социологии», которую позже будет называть «праксиологией».

На семинарах у Л. фон Мизеса в Торговой палате в Вене собирались не только экономисты, правоведы и социологи, на этих семинарах часто обсуждались вопросы эпистемологии и методологии социальных наук. Л. фон Мизес всегда интересовался философскими проблемами, но практически никогда не обсуждал их вне контекста социальных наук. Нам представляется, что чистая философия его не интересовала. Л. фон Мизес шел к своей цели последовательно, его интересовала теория деятельности, и методологических проблем он касался постольку, поскольку это было необходимо для уточнения методов социальных наук. Вряд ли можно найти у Л. фон Мизеса натурфилософские рассуждения в стиле Шеллинга или наукоучение в стиле Фихте⁴. Если Л. фон Мизес и упоминает эти имена, то в контексте их отношения к государству и экономике.

Впервые в современной науке термин «праксиология»⁵ использовал французский философ Альфред Эспинас в 1890 году в *Revue Philosophique*⁶. Он ставит вопрос следующим образом:

Ремесленник мастерит, крестьянин пашет, моряк плавает на корабле, солдат воюет, купец торгует, профессор учит, управляющий распоряжается. И вот слово «прак-

⁴ Хотя во многих работах Мизеса можно найти глубокие мысли, касающиеся не только естественных наук, но и теории вероятности, неопределенности и даже теологии.

⁵ С греческого: *πραξις* — практика, деятельность; *λόγος* — наука, теория

⁶ См. Espinas. *Les Origines de la Technologie* // *Revue Philosophique*. XVth year. Vol. XXX. P. 114–115.

тика» рождает термин «праксиология» для определения науки о подобных фактах, рассматриваемых в их единстве, науки о наиболее общих формах и принципах действия в мире живых существ⁷.

Следует считать крайне удачной формулировку Эспинаса, и хотя нам неизвестно из-за отсутствия информации⁸, насколько далеко пошел автор в решении данного вопроса, но тем не менее дальнейшие попытки создания праксиологии были связаны с тем, что сформулировал Эспинас в качестве проблемы: необходима наука, которая касалась бы не частного вида деятельности, а исследовала бы общее во всех видах деятельности.

Важным этапом в истории праксиологии является статья известного экономиста, автора эффекта дохода и замещения, содержащегося в каждом учебнике по микроэкономике, Е.Е. Слуцкого «К формально-праксиологическому основанию экономической науки», написанная в 1926 году.

Здесь он дает следующее определение деятельности.

Действие — это всякое изменение состояния, вызванное направляющими силами целевой системы⁹.

Е.Е. Слуцкий упоминает в своей работе Мизеса, но не Людвиг, а его брата Рихарда — авторитетного специалиста по теории

⁷ Цит. по: *Котарбинский Т.* Развитие праксиологии // Польское обозрение. № 12, 13, 1962.

⁸ Мизес дал задание своему ученику Ф. фон Хайеку собрать материал об Эспинасе. Выяснилось, что последний вкладывал в понятие «праксиология» совсем не тот смысл, что Л. фон Мизес.

⁹ *Slutsky E.* Ein Beitrag zur formal-praxeologischen Grundlegung der Ökonomik. (Annales de la classe des sciences sociales économiques. 4. Bd.) Kiev: Académie Oukraennedes Sciences, 1926 [*Слуцкий Е.Е.* К формально-праксиологическому основанию экономической науки // Слуцкий Е.Е. Экономические и статистические произведения. Избранное. — М., 2010. С. 552–563. На немецком и украинском языках статья опубликована в: *Записки соціально-економічного відділу.* — Киев, 1926. Т. IV]. Мизес цитирует эту статью в *Epistemological Problems of Economics*. (3rd ed. Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 2003. chap. 1. P. 6.)

вероятностей. Странно, что в дальнейшем экономист Слуцкий, критиковавший Бем-Баверка настолько, что, по мнению его ученика, затмил своей статьей все работы по математической экономике, не обратил внимание на другого экономиста из Австрии — Л. фон Мизеса, который разрабатывал праксиологию как минимум с 1933 года¹⁰, а в 1949-м опубликовавший трактат, в центре внимания которого была праксиология.

Польский философ и методолог Т. Котарбинский был, видимо, наиболее известным автором, использующим понятие «праксиология». Он прямо упоминает своих предшественников: Эспинаса, Богданова¹¹, Слуцкого¹², но не упоминает Л. фон Мизеса¹³, хотя они однажды пересекались на IX-м международном философском конгрессе — в 1937 году, с 1 по 6 августа. Л. фон Мизес делал доклад «Логическая природа науки о человеческом поведении»¹⁴, а Т. Котарбинский рассказывал об «идее методологии общей праксиологии»¹⁵. Особую известность приобрела работа Т. Котарбинского 1955 года «Трактат о хорошей работе» (на русский язык книга частично была переведена в 1963 году И. С. Нарским, полный перевод был осуществлен в 1975 году под редакцией Г. Х. Попова). Она оказала мощное влияние на советских философов и методологов. Г. П. Щедровицкий также испы-

¹⁰ Эпистемологические проблемы экономической науки — книга, в которой впервые Мизес использовал понятие «праксиология».

¹¹ Тектология А.А. Богданова считается одной из первых попыток разработки всеобщей организационной науки. В дальнейшем идеи Богданова стали пользоваться популярностью, когда стали широко известны кибернетика и системный анализ.

¹² Котарбинский Т. Указ. соч.

¹³ В 1962 году Т. Котарбинский писал, что «Трактат о хорошей работе» является единственным учебным пособием по данной дисциплине. На этот же год приходится выпуск книги ученика Л. фон Мизеса М. Ротбарда «Человек. Экономика. Государство», где автор излагает основы праксиологии.

¹⁴ См. Travaux du IXe Congrès (Paris, August 1–6, 1937) International de Philosophie, Congrès Descartes (Proceedings of the Ninth International Philosophical Congress, Descartes Congress). Actualités Scientifiques et Industrielles. (Paris: Hermann, 1937). P. V. 49–V. 55.

¹⁵ См. Хюльсманн Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. — М.; Челябинск, 2013. С. 521–522.

тывал на себе влияние идей как Т. Котарбинского, так и тех, кто следовал за ним в вопросах теории деятельности.

Вот как видел Т. Котарбинский главную проблему:

Можно и нужно рассматривать вопрос о таком способе действия, какой гарантировал бы *количественный оптимум* эффекта при данном затраченном усилии или обеспечивал бы в наиболее существенных моментах *соответствие средств и целей*¹⁶.

Такая постановка вопроса могла удовлетворить Л. фон Мизеса лишь отчасти, так как если наука о соответствии целей и средств у Л. фон Мизеса носит логический характер и совпадает с целью Т. Котарбинского, то поиск количественного максимума вряд ли устроил бы австрийского экономиста. В своих работах Л. фон Мизес многократно повторяет, что экономическая теория носит априорный характер и в ней возможны лишь качественные предсказания, но не количественные (в этом отличие праксиологии и экономической теории от инженерных дисциплин). В мейнстриме ключевая проблема состоит в решении задачи нахождение оптимума, но там игнорируется факт невозможности измерения ценности (возможно лишь ранжирование целей, а не их количественная оценка). Если мы пытаемся оценить объективно эффективность человеческой деятельности, то мы должны иметь возможность для измерения полезностей, а такого инструмента у нас нет¹⁷. Оптимум находится не экспертами, экономистами и праксиологами, а обнаруживается предпринимателями в процессе поиска прибыли в условиях неопределенности будущего. Универсальная социальная теория носит логический, а не технический характер.

¹⁶ Котарбинский Т. Избранные произведения. М., 1963.

¹⁷ М. Ротбард даже утверждал в 1979 году, что у нас нет средств для оценки эффективности деятельности. См. Ротбард М. Миф об эффективности // Экономическая политика. 2009. № 4. С. 200–206. «Эффективность является ошибочным понятием даже в приложении к действиям каждого отдельного индивида, направленным на достижение его собственных целей; и еще бессмысленнее это понятие в том случае, если речь идет о более чем одном индивиде, тем паче — об обществе в целом». Там же. С. 200.

У Т. Котарбинского же в «Трактате о хорошей работе» говорится следующее:

Праксиологи ставят своей целью исследование наиболее широких обобщений технического характера. Речь здесь идет о *технике* рациональной деятельности как таковой, об указаниях и предостережениях, важных для всякого действия, эффективность которого необходимо повысить¹⁸.

Следует сопоставить это с таблицей у М. Ротбарда¹⁹:

Психология	Почему люди выбирают между различными целями?
Философская этика и философская эстетика	Каковы должны быть цели, избираемые людьми?
Технология	Как использовать различные средства для достижения избранной цели?
История	Каковы в настоящее время и каковы были в прошлом цели людей, и какие средства люди избирали для их достижения?
Праксиология	Каковы формально-логические следствия из аксиоматически истинного утверждения, согласно которому люди используют средства для достижения различных целей, избираемых ими?

Следует также упомянуть еще об одном авторе, который оказал влияние на Т. Котарбинского. Честер Барнард в своей классической работе по теории менеджмента 1938 года «Функции руководителя»²⁰ применил принципы праксиологии к управлению фирмой. Нам представляется особенно ценной данная ра-

¹⁸ Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. — М., 1975.

¹⁹ Rothbard M. Man, Economy, and State. — Auburn, Alabama, 2009. P. 74

²⁰ Барнард Ч. Функции руководителя: власть, стимулы и ценности в организации. — Челябинск, 2009.

бота в контексте той цели, которую мы поставили в работе, так как наша цель состоит в определении наиболее перспективных для современности подходов к праксиологии. Разработка современной экономической политики должна опираться на достижения праксиологии, экономической теории и теории менеджмента.

Польские праксиологи оказали влияние на советских представителей системного анализа. Лидерами зарождающегося системного анализа были: Э. Г. Юдин, Г. П. Щедровицкий, В. Н. Садовский. Таким образом, праксиология проникла в методологические штудии по линии: Эспинас — Богданов — Слуцкий — Котарбинский — ММК.

Путь Л. фон Мизеса и австрийской экономической школы был совсем иным. Истоки его праксиологии нужно искать не у Эспинаса или Слуцкого, а у Р. Кантальона, Дж. Кэрнса, Ж. Б. Сэя и К. Менгера. Именно благодаря вышеназванным экономистам был создан логический метод политической экономии.

До 1903 года Л. фон Мизес был сторонником исторической школы и писал работы под руководством одного из лидеров исторической школы К. Грюнберга. Позже он характеризовал свои взгляды в молодости как этатистские, правда, делал замечание, что он не был тогда марксистом (что отличало его от своего поколения), так как считал теорию К. Маркса с самого начала неудовлетворительной.

На Рождество 1903 года Л. фон Мизес прочитал «Основания политической экономии» К. Менгера, которые, по его собственному признанию, «сделали его экономистом». Он убедился в том, что только корректная экономическая теория способна дать верное основание для исторического исследования, в противном случае никакие факты никогда не заговорят сами собой. Последующие годы он использовал для написания фундаментальных работ по экономической теории, что сделало его впоследствии лидером австрийской экономической школы.

Уже в 1912 году в трактате о деньгах «Теория денег и фидациарных средств обращения» он пытался поставить проблемы теории ценности и денег в более широкий контекст, что удалось ему осуществить полностью только в 1949 году. Позже он писал:

Самая большая трудность, с которой я столкнулся при написании книги, заключалась в том, что я намеревался уделить особое внимание только ограниченной части экономических проблем. Однако *экономическая теория по необходимости должна быть завершенным и единым целым*. В ней не может быть специализации. Чтобы рассмотреть часть, необходимо опираться на основные принципы теории, которые охватывают все проблемы. Однако я не смог использовать ни одну из существующих теорий. Научные системы Менгера и Бем-Баверка удовлетворяли меня не полностью. Я был готов пойти дальше по пути, указанному этими старыми мастерами. Однако я не мог воспользоваться их трактовкой тех проблем, с которых должна начинаться теория денег. Согласно господствующему мнению того времени, теорию денег можно было четко отделить от общей структуры экономических проблем: фактически она даже не относилась к экономической теории, а в определенном смысле была самостоятельной дисциплиной. В соответствии с этим мнением в университетах англосаксонских стран имела специальная профессорская должность для преподавания курса о деньгах и банковском деле. Моим намерением было показать ошибочность этой позиции и вернуть теории денег ее место как составной части экономической науки. Если бы я мог работать спокойно и имел достаточно времени, я бы посвятил первый том теории прямого обмена, а затем перешел бы к теории косвенного обмена. Однако я начал с косвенного обмена, потому что считал, что у меня не так много времени; я знал, что мы находились на пороге большой войны, и хотел завершить свою книгу до того, как она разразится. Таким образом, я решил, что лишь ненамного выйду за пределы узкой области чисто монетарной теории и на время отложу написание более полной работы²¹.

Этот проект потребовал от Л. фон Мизеса 37 лет; он шел к трактату по экономической теории через трактат о деньгах, о социализме, об интервенционизме. И только объединив все в одно целое, он завершил свой исследовательский проект созданием

²¹ Mises. Notes and Recollections. Spring Mills, Perm, 1978. P. 55f.

целостной теории человеческой деятельности в трактате по экономической теории «Человеческая деятельность»²².

Первоначально Л. фон Мизес использовал понятие «социология» для характеристики универсальной науки об обществе, но постепенно этот термин стал ассоциироваться с работами противников экономико-теоретического подхода и сторонниками этатизма (В. Зомбарт, О. Шпан). Хотя первоначально Л. фон Мизес активно полемизировал с М. Вебером, с которым дружил и которого считал одним из лучших представителей своего народа, но в конце концов пришел к выводу, что их пути разошлись. Л. фон Мизес полагал, что М. Вебер путает идеальные типы в исторических исследованиях с категориями праксиологии и экономической теории. М. Вебер считал, что все категории экономической теории носят тот же статус, что и идеальные типы, с помощью которых мы познаем исторические закономерности. Это означало, что понятие экономической теории носит исторический, а не априорный характер. Так как Л. фон Мизес отстаивал априорный характер экономической теории, то он не мог оценить позицию М. Вебера иначе, чем историцизм.

Позиция Л. фон Мизеса формировалась в процессе активной полемики о методе с представителями немецкой исторической школы экономики. Знаменитый Methodestreit выковал метод австрийской экономической школы и экономической теории в целом. Начало этому процессу положил трактат К. Менгера 1883 года «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности», где он отстаивает теоретический и атомистический характер экономики в противовес историцизму и холизму. Ученики К. Менгера О. фон Бем-Баверк и Ф. фон Визер не оставили методологических трудов, поэтому отстаивать принципы априоризма выпало на долю Л. фон Мизеса.

Ключевые вехи в движении Л. фон Мизеса к праксиологии, последовательно выраженной в «Человеческой деятельности», следующие: 1912 год — трактат о деньгах, где Л. фон Мизес использует теорему регрессии для интеграции теории ценности

²² Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск, 2005.

и теории денег; 1922 год — трактат о социализме, где Л. фон Мизес обосновывает невозможность экономического расчета при социализме; 1933 год — Л. фон Мизес пишет работу об эпистемологии экономической теории, где впервые использует понятие «праксиология»; 1940 год — выходит в свет немецкое издание трактата по экономической теории “Nationalökonomie”. 1949 года — завершение экономической теории как наиболее разработанной части праксиологии в «Человеческой деятельности».

В «Человеческой деятельности» Л. фон Мизес пишет:

Из политической экономии классической школы возникла общая теория человеческой деятельности — праксиология. Экономическая теория стала частью на сегодняшний день наиболее разработанной, более универсальной науки — праксиологии²³.

Предмет своего исследования Л. фон Мизес определяет следующим образом:

Предмет праксиологии есть *экспликация категории деятельности*. Все, что нужно для вывода всех теорем праксиологии, — знание сущности человеческой деятельности²⁴.

Таким образом, для Л. фон Мизеса задача состоит в том, чтобы дедуктивным путем построить непротиворечивую теорию человеческой деятельности, которая в качестве «своего лучшего» включает экономическую теорию. Не случайно Л. фон Мизес рассматривает праксиологию как расширение и уточнение теорем экономической теории. Дело в том, что экономическая теория открыла для западной цивилизации новый предмет, до этого неизвестный:

Экономическая теория является самой молодой наукой ... экономическая теория открыла для человеческой науки предмет, прежде недоступный и неосмысленный. Открытие регулярности в последовательности и взаимо-

²³ Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 7.

²⁴ Там же. С. 64.

зависимость рыночных явлений вышли за рамки традиционной системы учений. Появилось знание, которое нельзя было считать ни логикой, ни математикой, ни психологией, ни физикой, ни биологией²⁵.

Состояние человеческого знания до появления экономической теории можно охарактеризовать следующей схемой:

Естественные науки	Моральные науки
--------------------	-----------------

Состояние же нашего знания после открытия регулярностей в социальной сфере, то есть открытие того, что Ф. фон Хайек называл спонтанным порядком человеческого сотрудничества, потребовало внесение корректировки в деление наук:

Естественные науки	Экономическая теория	Мораль
--------------------	-----------------------------	--------

Это открытие регулярности рыночных явлений можно изобразить следующим образом:

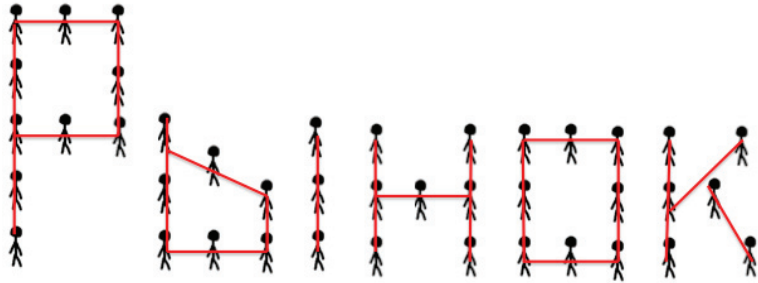

Кажется, что эти человечки расположены хаотично и их деятельность можно рассматривать как хорошую или плохую, но при этом не замечать регулярность в их размещении.

²⁵ Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 5.

А вот как будет выглядеть картина под увеличительным стеклом экономического анализа:

Как мы видим, человечки размещались не хаотично, а в соответствии с определенным принципом. Открытие этого принципа и привело к появлению экономической теории²⁶.

Действительно, открытие нового знания произвело ошеломляющий эффект на умы людей и на институциональное устройство общества. На место нормативных предписаний и аналогий с естественными науками²⁷ пришла наука о целях и средствах, взаимосвязь между которыми не относится к ведению старой картины мира. После открытия экономической теорией закономерностей рыночного процесса ни один мыслитель не может считаться основательным, если он в своих исследованиях об обществе не учитывает достижения экономической теории. К сожалению, презрительное отношение к экономической теории

²⁶ К. Менгер определял задачу социальных наук как исследование «непреднамеренных последствий преднамеренной человеческой деятельности».

²⁷ Одно время было модно проводить аналогии между обществом и организмом; особенно любила это делать историческая школа. Доходили до того, что спорили, чему в обществе соответствует тот или иной орган или вещество. Например: «Нервная система — это власть? А система обмена веществ — это экономика? А кровь — это деньги? А межклеточное вещество — это что? А почки и печень?» До тех пор, пока задавали подобные вопросы, невозможен был рациональный подход к социальной теории.

и невежество в ней до сих пор широко распространены, даже среди тех, кто слывет знатоком современной экономики²⁸.

Следует отметить, что классическая политическая экономия А. Смита, Д. Рикардо и Ж.Б. Сэя имела ряд изъянов, особенно в теории ценности. Окончательно устранить их смогли только тогда, когда была совершена маржиналистская революция. Несмотря на это, многие не осознали, что революция в теории ценности означает не малозначительную корректировку, а радикальное переосмысление предмета: теперь речь шла не о материальных потребностях и денежном расчете, а о человеческой деятельности.

Вот как понимали экономическую теорию авторы до Л. фон Мизеса, явно заужая предмет экономической теории, что стало следствием того, что экономическая теория воспринималась как зауженная социальная теория:

Экономическая наука занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием *материальных основ благосостояния* (Маршалл, 1890).

Цель политической экономии — выяснить, каковы общие причины, от которых зависит *материальное благосостояние людей* (Кэнан, 1888).

Экономическая наука исследует экономическое благосостояние, которое, в свою очередь, определяется как сфера благосостояния, где можно прямо или косвенно применить *денежную шкалу измерения* (Пигу, 1920)²⁹.

²⁸ «То, что сегодня преподается в большинстве университетов под маркой экономической теории, на деле является ее отрицанием». Мизес Л. фон. Указ. соч. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. — Челябинск, 2005. С. 221.

²⁹ См. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS, 1993. Вып. 1. С. 10–23. Следует отметить, что данная работа вышла в свет в 1932 году и была высоко оценена Л. фон Мизесом. Фактически Л. Роббинс смог за несколько лет до Л. фон Мизеса описать природу и значение априорной экономической теории. В дальнейшем, правда, Л. Роббинс отошел от принципов австрийской экономической школы, перейдя в лагерь интервенционистов.

Такой подход не может считаться удовлетворительным после того, как была разработана корректная экономическая теория. Теперь для завершения нашего знания об обществе возникает потребность в теории деятельности, которая будет охватывать как каталлактику (экономическую теорию рыночного общества), так и внекаталлактические проблемы (праксиологию).

В качестве аксиомы Л. фон Мизес берет аксиому деятельности: если она верна, то дедуктивным путем из нее можно вывести все теоремы праксиологии и экономической теории, создав тем самым логику человеческой деятельности.

В своем трактате Л. фон Мизес посвятил теории деятельности (праксиологии) более 100 страниц; до него было принято начинать трактаты по экономической теории с теории ценности, но фон Мизес показал, что проблемы денежного расчета находятся в неразрывной связи с проблемами выбора, который охватывает не только денежные проблемы, но и любой акт выбора.

Дальнейшее развитие праксиологии привело М. Ротбарда к следующей структуре теории деятельности:

А. Теория изолированного обмена (экономика Робинзона Крузо).

Б. Теория добровольного межперсонального обмена (каталлактика).

1. Бартер.

2. Косвенный обмен.

- На свободном рынке.

- На деформированном рынке (интервенционизм).

- Без рынка (социализм).

В. Право и этика.

Г. Праксиология войны.

Д. Теория игр.

Е. Неизвестно³⁰.

Кроме М. Ротбарда³¹ праксиологию развивают Г. Г. Хоппе,

³⁰ Rothbard M.N. Praxeology: Reply to Mr. Schuller // American Economic Review. December 1951. P. 943–946.

³¹ М. Ротбард полагал, что для обоснования либерализма недостаточно экономической теории, которая является ценностно

Дж. Салерно, Й. Г. Хюльсман, Д. Гордон и многие другие³². Можно сказать, что современная австрийская школа является мизесианской, а ядро его теории содержится в категории деятельности.

Теория деятельности Л. фон Мизеса и Г. П. Щедровицкого

В XX веке кроме Л. фон Мизеса теорию деятельности разрабатывал российский философ и методолог Г. П. Щедровицкий. Ниже излагается теория деятельности Г. П. Щедровицкого в свете австрийской экономической школы.

Г. П. Щедровицкий изложил свои взгляды на теорию деятельности в ряде работ. Ключевыми для понимания теории деятельности Г. П. Щедровицкого являются следующие: «Исходные представления

нейтральной (wertfrei). Он стремился разработать дополнение к экономической теории в виде объективной этики, особенно в книге «Этика свободы». «Этика является дисциплиной или, как принято говорить в классической философии, «наукой» о том, какие цели людям должно и не должно преследовать». (Ротбард М. Праксиология, ценностные суждения и государственная политика // Экономическая политика. 2009. № 3. С. 186.). Такие исследования следует считать выходящими за рамки праксиологии.

³² Л. Роббинс и Дж. Бьюкенен были крайне близки к австрийской школе в ранний период своего творчества. Л. фон Мизес в эссе Л. Роббинса 1932 года «Предмет и значение экономической теории» видел протопраксиологическое изложение своей теории (Дж. Салерно недавно показал, что в этой работе нет мейнстримного понимания максимизатора, оно полностью мизесианское. См.: Salerno J. The Quarterly // Journal Of Austrian Economics 12. No. 4 (2009). P. 98–110.). Дж. Бьюкенен опубликовал в 1969 году работу «Издержки и выбор», которая написана в традиции австрийской школы, особенно в вопросе о субъективности издержек: «Ключевого различия между двумя разными понятиями издержек-страданий не разглядели ни экономисты-классики, ни многие их последователи. Корни многих современных противоречий кроются в том, что классикам не удалось заметить этого различия, а неоклассическая теория не смогла удовлетворительным образом справиться с этой неудачей» (Бьюкенен Дж. Издержки и выбор: исследование экономической теории // Экономическая политика. 2008. № 1. С. 84.).

и категориальные средства теории деятельности», «К характеристике категориальных определений деятельности», «О направлениях и путях методологического исследования ситуации и актов деятельности».

Г. П. Щедровицкий пишет:

В философии изучение деятельности как таковой началось примерно 350 лет назад, хотя общие основания и определенная традиция в этой области шли уже от Аристотеля³³.

Следует отметить, что 350 лет до момента написания этой работы — это 1625 год. Л. фон Мизес же отсчитывал рождение наиболее развитой ветви теории деятельности с 1755 года, то есть с выхода в свет трактата Р. Кантильона «О природе торговли вообще». Что же касается Аристотеля, то Л. фон Мизес брал от него реализм, но отвергал его теорию обмена, сыгравшую крайне негативную роль в истории теории ценности и способствовавшую разработке трудовой теории ценности и теории эксплуатации К. Маркса. По существу, это означало невозможность создания корректной теории деятельности. Это был отход от субъективизма в экономической теории, который не следует путать с субъективизмом в философии и психологии.

Далее Г. П. Щедровицкий отмечает, что определенную роль в процессе развития теории деятельности сыграла немецкая классическая философия Фихте, Шеллинга и Гегеля:

Наиболее значительный вклад в работу по выделению деятельности в качестве особого предмета изучения и особой действительности был сделан представителями немецкой классической философии — И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллингом и Г. В. Гегелем³⁴.

Это разительно отличается от той оценки, которую дал немецким философам Л. фон Мизес в отношении их вклада в социальную теорию.

³³ Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. — М., 1995. С. 233.

³⁴ Там же. С. 6.

Долгое время философы стремились выяснить цели, которые Бог или Природа пытались достичь по ходу человеческой истории. Они искали закон судьбы и эволюции человечества. Но попытки даже тех мыслителей, чьи изыскания были свободны от любых теологических тенденций, потерпели полное фиаско, так как их подвел ошибочный метод. Они занимались человечеством в целом или оперировали другими холистическими понятиями нации, расы или церкви. Такие мыслители устанавливали вполне произвольные цели, которым должно было соответствовать поведение подобных целостностей. Но они не могли дать удовлетворительного ответа на вопрос, какие силы заставляют множество действующих индивидов вести себя таким образом, что реализуются цели, намеченные неумолимым развитием этих целостностей. Они прибегали к отчаянным средствам: чудесным вмешательствам божества или откровениям богопосланных пророков и посвященных, предустановленной гармонии, предназначению или действию мистических и сказочных мировой души или национальной души. Другие говорят о хитрости природы³⁵, заложившей в человеке порывы, ведущие его точно по пути, заданному Природой³⁶.

Немецкая классическая философия скорее задержала развитие наук о человеческой деятельности, чем способствовала их развитию. Не случайно антитеоретическая историческая школа экономики в Германии считала хорошим тоном невежество в «абстрактной теории» классической школы экономики.

Л. фон Мизес высоко ценил Гегеля как философа, но утверждал:

Государственничество многим обязано учению Гегеля. Можно оставить без внимания многие непростиительные ошибки Гегеля за его чеканную фразу «о бессилии победы»³⁷.

³⁵ Здесь явный намек на немецкую философию, особенно на Гегеля, говорившего о хитрости разума.

³⁶ Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 5.

³⁷ Там же. С. 781.

Излагая историю своего предмета, Г. П. Щедровицкий упоминает Т. Котарбинского, но не упоминает Е. Е. Слуцкого и Л. фон Мизеса:

Еще в конце 40-х годов нашего столетия польский философ и социолог Т. Котарбинский изложил исходные идеи специальной науки о деятельности — «практиологии». С тех пор она непрерывно развивается³⁸.

Видимо, это не случайно, так как дальнейшее развитие праксиологии Г. П. Щедровицкий связывает с поиском «мостов» между техническими и гуманитарными науками.

Речь идет о создании принципиально новых обобщений, о перестройке и трансформации многих традиционных и новых наук, об установлении «мостов» между гуманитарными науками, о дополнении уже сложившихся областей «технического искусства» соответствующими им областями науки³⁹.

А наведение этих «мостов» прогрессивно осуществляется советскими системотехниками и инженерами:

В Советском Союзе общая теория деятельности (понимаемая в указанном выше смысле) разрабатывается исследователями, объединившимися с 1956 года вокруг Комиссии по психологии мышления и логике Всесоюзного общества психологов, а с 1962 года — также вокруг Семинара «Структуры и системы в науке и технике» философской секции Совета по кибернетике АН СССР⁴⁰.

Г. П. Щедровицкий определяет деятельность следующим образом:

³⁸ Щедровицкий Г. П. К характеристике категориальных определений деятельности // Проблема деятельности в советской психологии: Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. Ч. 1. — М., 1977.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

Деятельность является системой и полиструктурой. То есть состоящей из многих как бы наложенных друг на друга структур, а каждая из них, в свою очередь, состоит из многих частных структур, находящихся в иерархических отношениях друг с другом⁴¹.

Как мы видим, это определение во многом совпадает с тем, что было дано Е. Е. Слуцким. В целом оно находится в парадигме системного анализа. Далее Г. П. Щедровицкий проясняет, каким образом необходимо исследовать человеческую деятельность.

Работы Гегеля и Маркса утвердили рядом с традиционным пониманием деятельности другое, на наш взгляд, значительно более глубокое: согласно ему, человеческая социальная деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как исходная *универсальная целостность*, значительно более широкая, чем он сам. Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот, она сама «захватывает» их и составляет «вести» себя определенным образом.

Так, например, можно взять в качестве единицы деятельности весь социальный организм в целом и представить его в виде довольно простых структур, соответствующих основным механизмам его жизни (например, механизму воспроизводства), и считать объект, заданный этой структурой, полной и самодостаточной системой⁴².

Однако, с точки зрения последовательного методологического индивидуализма, который отстаивал Л. фон Мизес, такой взгляд должен быть обозначен как холистический, то есть приписывающий способности: действовать, думать, решать не индивидам, а целостностям, которые лишены этих способностей, так как они являются лишь удобными абстракциями для изучения человеческой деятельности. Не существует общества, класса, нации, которые бы не сводились к действиям тех, кто в них состоит. Нет наравне с человеческой деятельностью еще и субстанции общества.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

Коллектив не существует вне деятельности отдельных членов. Коллектив живет в деятельности составляющих его индивидов ... путь к познанию коллективных целостностей лежит через анализ действий отдельных индивидов⁴³.

В этом состоит сущность последовательного методологического индивидуализма: только индивиды мыслят, только индивиды действуют.

Следует отметить определенное родство взглядов Л. фон Мизеса и Г.П. Щедровицкого на перенесение методов естественных наук на науки о человеческой деятельности. Г. П. Щедровицкий писал:

Ничто, наверно, не оказало такого отрицательного влияния на развитие наук и философии в XIX и XX веках, как натурализм и попытки повсеместно распространить его на гуманитарные и социальные науки. В частности, он невероятно затормозил развитие языкознания и логики, на 200 лет отодвинул появление и развитие семиотики и сейчас является главным препятствием на пути создания эффективной теории проектирования и теории управления⁴⁴.

Это находится в созвучии с тем, что по этому поводу писал Л. фон Мизес:

Любые ссылки на эпистемологические проблемы естественных наук и любые аналогии на основе сравнения этих двух радикально различающихся областей реальной действительности и познания вводят в заблуждение⁴⁵.

Интересно, что Г.П. Щедровицкий, редко упоминая о политической экономии, видит связь между вышеназванной

⁴³ Мизес Л. Указ. соч. С. 43.

⁴⁴ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Избранные труды. — М., 1995. С. 280.

⁴⁵ Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 606.

идеей методологического дуализма и словами К. Маркса об объективации труда:

К. Марксом более чем через 15 лет (1861–1863 годы) в связи с анализом другого, более узкого вопроса: «Своим анализом политическая экономия разбивает те кажущиеся самостоятельными по отношению друг к другу формы, в которых выступает богатство. Ее анализ (даже уже у Рикардо) идет настолько далеко, что исчезает самостоятельная вещественная форма богатства, и оно просто выступает скорее как деятельность людей. Все, что не является результатом человеческой деятельности, результатом труда, есть природа и в качестве таковой не является социальным богатством. Призрак товарного мира рассеивается, и этот мир выступает всего лишь как постоянно исчезающее и постоянно вновь создаваемое объективирование человеческого труда» [Маркс, 1964, с. 446]⁴⁶.

Однако теория деятельности, основанная на теории К. Маркса, радикально отличается от субъективизма австрийской школы. Теория деятельности К. Маркса возникла как расширение его же политической экономии, но последняя не может считаться корректной, так как теория ценности К. Маркса находится в противоречии с фактами, а именно тем, что в создании ценности участвует не только труд, но и другие факторы производства. Попытка примирить свою теорию с фактами породила так называемое противоречие между I и III томами «Капитала»⁴⁷.

Сравниваемые характеристики	Л. фон Мизес	Г. П. Щедровицкий
1. Предмет исследования	Человеческая деятельность	Деятельность и мышление безотносительно к его носителю («человек — случайный носитель мышления»)

⁴⁶ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности. С. 280.

⁴⁷ См. Бем-Баверк О. Критика теории Маркса. — М.; Челябинск, 2002.

Сравниваемые характеристики	Л. фон Мизес	Г. П. Щедровицкий
2. Метод исследования	Дедуктивный, априорный. Методологический индивидуализм ⁴⁸	Универсализм и холизм
3. Истоки подхода (философские корни)	Аристотель, Аквинат, Саламанкская школа, классическая политическая экономия, Р. Кант, Ж. Тюрго, Ж. Б. Сэй, Дж. Кэрнс, К. Менгер, О. Бем-Баверк, Э. Гуссерль ⁴⁹	Аристотель, немецкая классическая философия Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, К. Маркс, К. Поппер, Т. Котарбинский
4. Цель разработки	Расширение предмета экономической теории до теории выбора	Устранение неполноценности гуманитарных наук посредством наведения «мостов» между инженерными науками и теорией деятельности

⁴⁸ Свойства мизесовской праксиологии: методологический индивидуализм (действуют только индивиды), субъективизм (индивиды отличаются как реакциями, так и предпочтениями), Wertfrei (теоремы праксиологии свободны от оценочного суждения), априорность (они верны всегда и везде, если выполняются условия), методологический дуализм (не физика и не математика).

⁴⁹ Мы показали в нескольких работах связь, существующую между праксиологией Л. фон Мизеса и феноменологией Э. Гуссерля. См. Усанов П.В. Экономическая феноменология как метод политической экономии австрийской школы // Субъективная политическая экономия, философия и творчество. — СПб., 2011. С. 83–96. Усанов П.В. Феноменология как основание политической экономии австрийской школы // Субъективная политическая экономия, философия и творчество. — СПб., 2011. С. 97–107. В книге «Австрийский ренессанс» П. Джонстон высказывает предположение, что на австрийскую школу оказало влияние учение Г. Лейбница о «предустановленной гармонии», так как Г. Лейбниц был крайне популярен в то время в Австрии. Нам представляется это сомнительным, да и автор не приводит доказательств.

Сравниваемые характеристики	Л. фон Мизес	Г. П. Щедровицкий
5. Специфика институционального окружения в период создания теории	Полемика австрийской школы с исторической школой, рождение ординалистской теории ценности, закат субъективной теории и господство интервенционизма	Советский марксизм и идеалистическое течение в нем. ММК и полемика о методологии: А. Зиновьев, М. Мамардашвили, Э. Ильенков
6. Отношение к экономической теории	Корректная экономическая теория как источник рационального познания общества и сохранения цивилизации	Отсутствие возможности познакомиться с альтернативной марксизму экономической теорией
7. Отношение к естественным наукам	Методологический дуализм	Методологический дуализм

Таким образом, между теорией деятельности Л. фон Мизеса и Г.П. Щедровицкого больше отличий, нежели общего. Вполне совпадают их позиции в отношении того, что науки о человеческой деятельности пострадали от попытки переноса метода естественных наук на науки о человеческой деятельности. Также их роднит философский идеализм: Л. фон Мизес не раз высказывал идею о том, что именно идеи являются источниками всех социальных процессов⁵⁰, а Г.П. Щедровицкий признавался, что всегда был идеалистом. Категории теории деятельности у них значительно отличались: у Л. фон Мизеса это цель (благо первого порядка), средство (благо второго порядка), выбор, издержки, предельная полезность; у Г.П. Щедровицкого это деятельность, система, элемент, структура, схема⁵¹.

⁵⁰ «То, что обычно называют Промышленной революцией, является продуктом идеологической революции, вызванной учениями экономистов» (Мизес Л. Указ. соч. С. 12.).

⁵¹ Следует отметить, что есть много общего между понятиями «естественное» и «искусственное» у Г.П. Щедровицкого и taxis (искусственный порядок) и potmos (спонтанный порядок) у Ф. фон Хайека. См. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. — М., 2006.

***

Л. фон Мизес писал в самом конце своего трактата «Человеческая деятельность»:

Экономическое знание представляет собой существенный элемент в структуре человеческой цивилизации; оно является фундаментом, на котором стоят современный индустриализм, а также все нравственные, интеллектуальные, технологические и терапевтические достижения последних столетий. Оно оставляет на усмотрение людей, воспользуются ли они должным образом богатством этого знания или оставят его неиспользованным. Но если им не удастся извлечь из него выгоду и они пренебрегут его учениями и предупреждениями, то они не аннулируют экономику; они истребят наше общество и род людской⁵².

Любой вид добровольного обмена приводит к выигрышу для каждой стороны, только они сами могут судить о том, выгодно ли им обмениваться. Любое вмешательство институционального агрессора (государства) в добровольный обмен на рынке приводит к потерям для хотя бы одного субъекта⁵³.

⁵² Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 830.

⁵³ М. Ротбард так классифицирует виды обмена:

I. Изолированный обмен.

II. Межперсональный обмен.

A. Насильственный обмен (двухсторонний и трехсторонний):

- Война.
- Убийство и насилие.
- Воровство.
- Рабство.

B. Добровольный обмен:

- Подарки.
- Добровольный обмен (прямой и косвенный).

Rothbard M. Man, Economy, and State. — Auburn, Alabama: Mises Institute, 2009. P. 94.

Теория деятельности является универсальной логикой человеческой деятельности, позволяющей заложить основы для всех социальных наук, в том числе к наиболее разработанной на данный момент — к экономической теории. Эффективность инженерных изобретений, разработка разумной экономической политики, да и сохранение рода человеческого находятся в зависимости от того, примут ли люди во внимание логику человеческой деятельности или отвергнут рациональный анализ последствий своей деятельности. От этого выбора зависит наше будущее.

Дмитрий Викторович Нефедов¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ ИДЕЙ LAISSEZ-FAIRE

В представленной статье автор исследует содержание правовых и экономических отношений, противопоставляя их друг другу. Ранее экономическая и правовая теории отождествляли эти явления, не позволяя обнаружить их собственную сущность. Автор предлагает разделять все общественные отношения на две основные группы: естественные и искусственные, где к последним принадлежит законодательство, в то время как большинство экономических отношений носят естественный характер. Сделанные автором выводы доказывают важнейшее правило экономической эффективности — необходимость свободы предпринимателей от внешнего, прежде всего публичного воздействия. Автор настаивает на абсолютном характере такой свободы, поскольку только при этом условии достигается максимум эффективности. Правовые отношения также требуются, по возможности, прибли-

---

¹ Профессор, заведующий кафедрой финансового права юридического факультета НИУ ВШЭ в С-Петербурге, доцент, кандидат юридических наук, Президент Фонда развития либеральной науки. E-mail: 007dnef@gmail.com

зять к своему естественному состоянию, сделав их максимально свободными, что в правовой сфере означает развитие частного и сокращение публичного права.

ECONOMIC AND LEGAL RELATIONS IN THE LIGHT OF IDEAS LAISSEZ-FAIRE. In the presented article, the author investigates the content of the legal and economic relations, opposing them to each other. Earlier, the economic and legal theories identified these phenomena, not allowing to find their own essence. The author suggests to divide all public relations into two main groups: natural and artificial where to the last belongs the legislation while the majority of the economic relations have natural character. The conclusions made by the author prove the most important rule of economic efficiency — the need of freedom for businessmen from external, first of all, public influence. The author insists on absolute nature of such freedom as only under this condition, the maximum of efficiency is reached. Legal relations are required to approach, if possible, to the natural state, having made them the most free that in the legal sphere means the development of private and reduction of public law.

1. Вводные замечания

Чем отличаются экономические отношения от юридических? Ответ на этот вопрос вряд ли покажется простым, если речь идет о схожих формах — таких, например, как инвестиционные, банковские, вещные отношения. Еще сложнее сформулировать, чем отличаются понятия «предприниматель», «прибыль», «ответственность» в экономике от аналогичных в праве? Именно поэтому часто их представляют одинаковыми, копируя структуру

экономических институтов по образцу правовых. Отличительной особенностью правового отношения являются его четкость и определенность. Именно эти важные качества часто становятся соблазнительными для того, чтобы ими воспользоваться при формулировании сложных вопросов хозяйственной жизни. Вместе с тем этот упрощенный подход в корне неверен, поскольку не учитывает другого важного качества правоотношений, его искусственную природу, что выражается в том, что они субъективны и несут на себе отпечаток воли, интереса законодателя или самих субъектов. Экономические отношения, наоборот, будучи объективными, имеют более абстрактный характер, что мешает наблюдать их непосредственно, как это обычно принято в праве. Отождествление правовых и экономических отношений невозможно еще и потому, что такой подход полностью выхолащивает смысл последних, делая в конце концов возможным вывод о том, что человек или законодатель могут по своему усмотрению моделировать абсолютно произвольно любые экономические явления.

К сожалению, экономические и правовые проблемы традиционно обсуждают отдельно. Междисциплинарный метод уже давно стал пустой формальностью, атрибутом формы, даже в тех юридических областях, которые непосредственно связаны или граничат с экономикой: гражданское, предпринимательское, финансовое право. Реальные аргументы в пользу взаимодействия наук обычно опускают, в результате чего современный научный дискурс не оценивает выгоды от их сотрудничества. Как следствие, большинство апелляций юристов к экономической теории, как, впрочем, и, наоборот, использование в экономической литературе правовой аргументации, выглядят крайне непрофессиональными.

На самом деле пренебрежение междисциплинарным методом оборачивается весьма печальными последствиями, например при реформировании законодательства, где очень важным является обнаружить главную причину его модернизации. Ясно, что в самом общем виде она должна быть не произвольной, а связанной с природой регулируемых правом отношений. Предполагая иную причину — такую, скажем, как общественный или государственный интерес, — мы игнорируем объективные основания изменений закона, рискуя превратить его в произвольный инструмент власти. Пред-

принимательское законодательство, испытывая сильное влияние экономики, должно постоянно учитывать этот принцип, а юристам в своих предложениях *de lege ferenda* необходимо постоянно обращать внимание на природу регулируемых отношений, без чего невозможно достичь эффективности нормотворчества. *Формулируя, таким образом, основную цель нашего исследования, можно сказать, что она состоит в том, чтобы раскрыть общие черты и различия отношений, возникающих в экономической и правовой сферах.*

2. Правовые отношения

Выяснению природы правовых отношений было отведено достаточно много места на страницах юридической литературы, хотя до сих пор эту проблему нельзя назвать окончательно решенной, и для того, чтобы в ней разобраться, необходимо прежде всего обратить внимание на основную причину, приводившую, как мне кажется, к невозможности добиться здесь нужного результата. Объяснений этому может быть множество, но основное связано с тем, что действительная сущность всех правовых явлений в области регулирования экономики находится за гранью права, то есть за пределами того, чем традиционно занимаются ученые-юристы. И поэтому их привычных инструментов часто бывает недостаточно, когда они сталкиваются с экономикой. Во многом эта область знаний юристам вообще незнакома, особенно в нашей стране, где до сих пор единственным эталоном экономических знаний для большинства остается учение К. Маркса о прибавочной стоимости. На нем были воспитаны поколения ученых, и до сих пор она оказывает существенное влияние на их умы, несмотря на то, что все построенные на ее базе выводы предопределены хорошо известными идеологическими установками, ничего общего не имеющими с истинной наукой. Именно поэтому оценивать какие-то иные подходы в экономической теории применительно к современной правовой дискуссии не имеет смысла, и я вначале воспользуюсь привычным понятийным аппаратом: предмет экономики — производственные отношения, а правоотношения являются их формой.

Вполне естественно предположить, что между формой и содержанием есть некая связь, но в чем она состоит, мы пока не знаем. Мы даже не знаем, можно ли поставить между ними знак равенства в случае, когда речь идет о таких известных отношениях, как отношения собственности. Ясно, что производственные отношения отличает объективный характер, но обладают ли тем же качеством правовые отношения? Юриспруденция и экономика порой так тесно соприкасаются друг с другом, что природа их явлений часто неразличима настолько, что приводит к ошибочному выводу о том, что это одно и то же.

Важнейшая роль в решении этого вопроса принадлежит проф. С. Н. Братусю², принципиальный вывод которого состоял

² Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. — М., 1963. Сжато позицию С.Н. Братуся по этой проблеме изложил О.С. Иоффе: «Производственные отношения как объективные, материальные отношения представляют собой предпосылку и определенный результат общественно-производственной деятельности, не зависящие от сознания и воли людей. Но создаются они благодаря деятельности человека, носящей волевой характер и выражающейся в конкретных волевых отношениях. Последние, не совпадая с материальными (производственными) отношениями, выступают как форма их проявления. Несмотря на волевое содержание этих отношений, они как конкретно-экономические акты не тождественны идеологическим отношениям как отражению различных видов общественного или классового сознания. Имущественными следует считать конкретно-волевые экономические отношения, выступающие в качестве формы общественно-производственных отношений» (Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть 1). — Л., 1975. С. 74.).

Свои выводы С.Н. Братусь основывал прежде всего на более общем предположении, высказанном им еще в начале 40-х годов, о необходимости разделять систему права на публичное и гражданское, где критерием деления должен был стать интерес: в первом случае — общественный, во втором — личный (См.: Братусь С.Н. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 32.). К сожалению, этот подход не был в то время развит по политическим соображениям, отвергавшим термин «частное право». Вместе с тем это могло бы принести науке заметную пользу, тем более что позже нам все равно пришлось вернуться к этому делению в решении отраслевых проблем. (См. напр.: Нефёдов Д.В. Правовой статус коммерческого банка. Автореф. дис. ... канд. юрид. н. — СПб., 1994.).

в том, что производственные и правовые (имущественные) отношения различны. Эта позиция была весьма необычной для своего времени, поскольку большинство правоведов придерживались идеи их тождества и не могли в этом случае понять, к чему относятся, например, имущественные правоотношения — к базису или надстройке³. Прошло уже достаточно много времени с тех пор, как этот вопрос был по-настоящему актуальным, а вот проблема соотношения производственных (экономических) и имущественных (юридических) отношений не потеряла до сих пор своего значения. Более того, она стоит еще более остро. Признавая обозначенное тождество, мы немедленно соглашаемся с возможностью принять абсолютно любой закон, заранее препятствуя его критике, что по своей сути является деструктивным не только для права, но и для экономики, лишая ее каких бы то ни было объективных принципов. Именно поэтому в моем представлении правовые и экономические отношения, безусловно, отличаются друг от друга, и нам предстоит выяснить, чем.

Сразу следует сказать о том, что это нельзя представлять упрощенно, будто бы природа сравниваемых отношений отличается настолько, что они вообще никак не связаны между собой. Обратимся за примером к анализу инвестиционных правовых отношений, которые выступают формой, соответственно, инвестиционных экономических отношений. Цель последних заключается в эффективной аккумуляции ресурсов, но как это влияет на их правовую суть? Ответить на предложенный вопрос с позиции тождества отношений невозможно, поскольку такой ответ никак

³ Выход предлагал, например, Ю.К. Толстой, который указывал на то, что производственные отношения имеют не только объективное содержание, но и «конкретно-волевое опосредствование» (Толстой Ю.К. Понятие права собственности // Проблемы гражданского и административного права. — Л., 1962. С. 145.). Последнее является необходимым, поскольку общественное производство нельзя представить без волевых действий человека. Учитывая это, он также не находил противоречий в том, что имущественные отношения тождественны производственным (Толстой Ю.К. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961–1965) Автореф. дис. ... докт. юрид. н. — Л., 1970; Понятие права собственности // Проблемы гражданского и административного права. С. 143.).

не проясняет его смысл⁴. Современные правовые исследования вплотную подошли к этой проблеме, особенно при выяснении содержания и границ отрасли⁵. Дело осложняется тем, что правовые отношения здесь настолько разнообразны, что включают даже противоположные с юридической точки зрения виды: публично-инвестиционные и гражданско-правовые инвестиционные отношения (инвестиционные договоры). Поэтому, без уяснения их содержания в каждом конкретном случае невозможно обосновать преимущества использования тех или других или установить пределы публичного воздействия в инвестиционной сфере. В результате из-за постоянно возникающих сложностей все спорные вопросы стали часто отдавать на откуп законодателю и судебной практике, которые навязывают обществу в основном выгодную им модель регулирования, не учитывающую частные интересы. С моей точки зрения, это в корне неверно, и следует признать, что при безусловной необходимости различать экономические и правовые отношения их суть (цель) является общей. В нашем примере это повышение эффективности инвестиционного рынка. Представляя это отчетливо, мы уже не будем ставить главной целью законодательства регулирование для лучшего и все более полного регулирования; в то время как в действительности она заключается в создании правовых условий для достижения наилучшего экономического результата⁶. *Следовательно, несмотря*

⁴ В данном случае я не говорю о содержании конкретного субъективного права в рамках, например, конкретного договора долевого участия в строительстве или иного инвестиционного соглашения, речь идет об объективном инвестиционном праве вообще.

⁵ *Лаптева А.М.* Правовое регулирование инвестиционной деятельности // Финансовое право. Учебное пособие / под ред. Д.В. Нефедова. — СПб., 2013. С. 341.

⁶ Здесь следует заметить, что достижение этого результата не всегда связано с увеличением количества правового регулирования, а часто, наоборот, с сокращением их числа в той или иной хозяйственной сфере. См. об этом, например: *Нефедов Д.В.* Основные направления реформы банковской системы России // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Вып. 2. — СПб., 1998; О различных методах регулирования торговли // Актуальные проблемы коммерческого права. Вып. 1. — М., 2004.

на различие, суть правовых и экономических отношений является общей — создание необходимых условий для максимальной хозяйственной эффективности.

Обратимся еще к одному примеру, который продемонстрирует нам неоднозначность рассматриваемой проблемы. Общеизвестно, что правовые и экономические отношения собственности отличаются друг от друга. Но ответить на вопрос, в чем конкретно состоит это отличие, всегда было не так-то просто. Вот несколько фрагментов из известных юридических работ на этот счет. «Собственность в экономическом смысле может быть определена как совокупность исторически определенных имущественных отношений по владению, пользованию и распоряжению средствами производства и предметами потребления»⁷. Такое определение экономическим отношениям дает проф. Ю.К. Толстой, который далее, описывая феномен права собственности, характеризует его следующим образом: «От собственности как экономической категории следует отличать право собственности, в котором существующие в данном обществе отношения собственности находят свое юридическое выражение и закрепление... Истории известны четыре основных типа права собственности: право рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической собственности... От права собственности как правового института следует отличать субъективное право собственности, т. е. ту меру юридической власти, которую закон закрепляет за собственником... Содержание субъективного права составляют принадлежащие собственнику правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом»⁸. В первую очередь обращает на себя внимание то, что для определения экономических отношений ученый использует те же характеристики, что и для субъективного права собственности. Тем самым их отличие остается невыясненным. Позже, характеризуя другой вещный институт, право оперативного управления, он опять пытается вслед за проф. А.В. Венедиктовым⁹ описать особенности права

⁷ *Толстой Ю.К.* Право собственности // Советское гражданское право. — Л., 1971. С. 226.

⁸ Там же. С. 231.

⁹ *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. — М., 1948.

оперативного управления как «социально-экономической и правовой категории»¹⁰ и указывает на то, что в экономическом смысле эти отношения являются результатом двух взаимосвязанных видов деятельности государства: по управлению экономикой в целом и осуществлению конкретных гражданско-правовых правомочий. Если абстрагироваться от большого спора о правовой природе оперативного управления и сосредоточиться в этом вопросе только на соотношении экономики и права, станет ясно, что управление в области хозяйственной жизни ученые-юристы представляют по аналогии с юридическим управлением, то есть только посредством административных методов, и никак не могут выйти за рамки привычной для них среды. Юристы не признают экономику областью принципиально иных отношений, требующую для познания другой уровень абстракции и иной научный инструментарий. Особенно наглядно это видно на примере того смысла, какой они вкладывают в сам термин «управление экономикой». Для них это всегда только императивное, юридическое воздействие, в то время как в экономике это может иметь принципиально иной смысл. Наиболее эффективно рынок управляется сам, посредством естественных законов, таких, например, как свобода предпринимательской деятельности, конкуренция и т. д. Причина действенности таких инструментов саморегуляции непонятна с юридической точки зрения, но это никак не умаляет их значения. Более того, следует признать, что в нынешней экономике они гораздо эффективнее любого административного приказа.

Значительно дальше в понимании собственности продвинулись современные цивилисты. Так, проф. Е. А. Суханов пишет: «В экономическом смысле собственность представляет собой отношение принадлежности (присвоенности) материальных благ, заключающееся в установлении над ними такого «хозяйственного господства», которое позволяет собственнику по своей воле устранять или допускать всех прочих лиц к использованию своего имущества, самостоятельно определяя характер такого использования»¹¹. Большим достоинством этого вывода является

¹⁰ Толстой Ю.К. Социалистическая собственность и оперативное управление // Проблемы гражданского права. — Л., 1987. С. 40.

¹¹ Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. — М., 1991. С. 10.

употребление в описании экономического феномена собственности принципиально нового термина «принадлежность (присвоенность)», что существенно отличается от прежнего понимания права собственности только как субъективного права. Уверен, что дальнейшее развитие этой мысли принесет серьезные плоды в изучении описываемого института. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что и этот ученый, характеризуя суть экономического понятия, не преминул воспользоваться юридической конструкцией абсолютного права — собственник имеет право исключать всех третьих лиц от управления своим имуществом¹². Тем самым проф. Е. А. Суханов предполагает, что в экономике собственность охраняется аналогично тому, как это происходит в праве, и без известного ему правового механизма он не видит другой возможности защитить интересы собственника.

Такая позиция не случайна и является, на мой взгляд, прямым продолжением теоретических идей К. Маркса. При всей запутанности того, как он определяет соотношение производственных отношений с отношениями собственности, все же ясно, что он склоняется к их тождественности и тем самым понимает этот вопрос тоже «юридически». Более того, на мой взгляд, именно он положил начало неудачной практике экономистов заимствовать для объяснения своих проблем юридические конструкции. Суть всех отношений К. Маркс видел в наличии у господствующего класса права собственности на средства производства, которое по форме и содержанию ничем не отличается

¹² Чуть отвлекаясь от темы изложения, можно сказать, что собственность в экономическом ее понимании может нарушать привычные для юриста принципы абсолютного вещного права. Так, многочисленные участники акционерного общества, будучи собственниками акций, только де-юре осуществляют контроль за компанией, в то время как правление общества, включающее не собственников, а управленцев-профессионалов, формально не обладающих титулом собственности, де-факто полностью контролирует развитие организации. В этой ситуации только с юридической точки зрения имеет значение формальный статус собственника, в то время как в рамках экономических отношений реальный собственник иной. См., напр.: *Monski E.M. Die Eigentumslehre in der Nationalökonomie.* — München, 1967.

от юридического права. Этот типичный для юриста и абсолютно неприемлемый для классической политэкономии взгляд неоднократно критиковали как современники К. Маркса, так и последующие экономисты¹³.

Таким образом, следует признать, что очень часто доктрина склонна отождествлять правовые и экономические отношения, что препятствует выяснению их собственной сущности. Во многом этому способствует наше некритичное отношение к старой терминологии, которая может существенно исказить смысл сказанного. Я здесь имею в виду прежде всего понятие «производственные отношения», которое, будучи крайне идеологизированным, не может быть в принципе употреблено корректно. Решение этого вопроса может быть найдено только в отказе от него и замене на нейтральный термин — «экономические отношения». Это наиболее широкое определение, которое включает абсолютно все отношения в экономической сфере, и его использование имеет то преимущество, что с одной стороны, это лишает нас необходимости указывать границы таких отношений¹⁴, а с другой — его неоспоримым достоинством является то, что он политически нейтрален¹⁵. Далее я предлагаю разделить все экономические

¹³ Mowski E.M. Die Eigentumslehre in der Nationalökonomie. München, 1967. S. 67.

¹⁴ Нет смысла также выяснять важность того или иного рынка, что является первичным или вторичным. В рыночной экономике все ее сегменты связаны настолько тесно, что выделять какой-то из них невозможно. История экономики не раз убеждала нас в этом. Придание особой роли какому-то одному виду экономической деятельности и одновременно недооценка всего остального приводят к искажению рынка, приближая кризис. Яркий тому пример — экономика социализма, ориентированная преимущественно на производство товаров группы «А», что приводило к дефициту товаров группы «Б», очередям и обнищанию населения. То же самое происходит и в том случае, если управлением хозяйством сводится только к развитию сырьевого сектора. Постепенно остальные рынки парализуются, что делает их зависимыми от внешних факторов и в конце концов опять приводит к кризису.

¹⁵ В свою очередь, экономические отношения, если иметь в виду их единую цель, являются частью более общего понятия «общественные отношения», где я также не берусь определять приори-

отношения на естественные и искусственные. Естественные отношения отличает объективный характер и то, что они являются наиболее важными. Искусственные отношения, наоборот, субъективны, они формируются по инициативе государства, законодателя, суда, сторон в договоре и т. д. Их отличают выраженный формализм и определенность. Более высокое качество естественных отношений объясняется их происхождением. Они являются следствием огромного числа незапланированных (потому объективных) взаимодействий хозяйствующих субъектов. Искусственные отношения лишены такого преимущества, поскольку всегда ориентируются на чей-либо конкретный интерес. Именно поэтому предпочтительно, чтобы искусственные отношения максимально копировали суть естественных, чего в реальной жизни бывает добиться очень сложно. К сожалению, чаще все бывает наоборот и правовые отношения строятся вопреки экономической логике и руководствуясь только интересом конкретного субъекта. Тем самым механизм возникновения естественных и искусственных отношений принципиально отличается, что объясняет различие их качества и эффективности. Естественное отношение является более предпочтительным не само по себе, а потому, что, будучи не связано чьим-либо определенным интересом, оно абсолютно беспристрастно. Искусственные же отношения всегда в той или иной мере предполагают интерес государства, законодателя, нации, общественной группы и т. д. Они возникают преимущественно на базе законодательства, инициатором которого выступает власть. К ним в первую очередь следует отнести правовые экономические отношения, которые являются лишь частью экономических отношений вообще, что логично *предполагает существование и других отношений в естественном, природном состоянии, не урегулированных правом.*

Указанная группа отношений мало изучена, но, на мой взгляд, заслуживает самого пристального внимания со стороны

теты и тем более выделять что-то похожее на базис и надстройку, поскольку склоняюсь и здесь к мысли о том, что все общественные отношения имеют равный «статус» и определять чей-либо приоритет нельзя, как, например, экономики перед культурой, морали перед образованием и т. д.

правовой и экономической теории, хотя следует признать, что ряд важнейших свойств таких отношений серьезно осложняет нам эту задачу. Прежде всего нужно отдавать себе отчет в том, что мы не можем их осознать непосредственно как правовые отношения, которые всегда формализованы в законе, договоре или иным образом. Естественные отношения принадлежат более абстрактному миру, чем законодательство, в результате чего мы можем только строить некоторые догадки относительно их характера и содержания. Вместе с тем несмотря на все это, они являются самыми важными в структуре общественных отношений, определяя не только систему позитивного законодательства, но и все остальные искусственные отношения в обществе.

3. Экономические естественные отношения

Ф. Бастиа в своей работе «Экономические гармонии», описывая утро обычного человека, предлагает нам обратить внимание на необычность тех явлений, которые кажутся нам известными¹⁶. Его герой – столяр и живет в городе. Встав, он берет свою простую одежду, которая тем не менее является результатом усилий огромного числа людей, которые пряли шерсть, ткали ткань, кроили и шили ее. Для этого людьми были придуманы машины, пароходы и поезда, необходимые для обработки и перевозки сырья в город, где живет наш герой. Вот он садится завтракать и не задумывается о том, что для его удовольствия сотни крестьян вырастили зерно, завели фермы, собрали урожай, смололи муку, разлили молоко и перевезли все это в магазины. Многие годы до этого люди готовили все необходимое, чтобы именно в этот день передать плоды своего труда продавцу, пекарю и повару, заранее согласовав наиболее удобные условия, которые позволяют даже при небольшом доходе получить все необходимое для жизни. Наш столяр выходит на улицу, и здесь его встречает еще большее количество разнообразных услуг. Кажется, что весь мир готовился к этой встрече. Кто-то заранее вырубил и выкорчевал

леса, проложил дороги, замостив их брусчаткой. Другие пустили по ним удобный транспорт, а кто-то придумал и изготовил кареты, вырастил и обучил лошадей. Изготовители договорились с множеством поставщиков, производящих металл, дерево, стекло, бумагу. Все это потребовало взаимодействия тысяч фабрик и сотен тысяч работников, преследующих в качестве своей конечной цели ... благополучие нашего героя, социальный статус которого, заметим, очень невысок. Тем не менее и этого было достаточно для того, чтобы мобилизовать всю эту разнообразную деятельность, участники которой, не зная друг друга, все же смогли объединиться для того, чтобы сделать его жизнь комфортной. Наш столяр также принимает участие во всеобщем взаимодействии. Его вклад нужен остальным и приносит ему доход, необходимый для содержания семьи. Что тоже вызывает удивление – ведь все эти блага он получает взамен на ... строганные доски, которые сами по себе были бы бесполезными, если бы не система всеобщих хозяйственных связей, благодаря которым никто не представляет, как и кем будет использован в конце концов его труд.

В этом фрагменте Бастиа предлагает нам удивительный мир экономической гармонии, существующей без каких-либо специальных усилий с нашей стороны. Можно ли предположить, что кто-то специально ее организует или способен сделать это¹⁷? Конечно же, нет. Это бесконечное число отношений не поддается оценке. Никакая самая современная техника не может это предвидеть. Даже если ей удастся просчитать некоторое их число, перед ней немедленно открываются новые, еще большие горизонты хозяйственных взаимодействий. Нам может показаться, что все это хаос, но это далеко не так.

Не все общественные отношения являются хозяйственными, но часть из них, безусловно, имеет экономическую цель.

¹⁷ Эта роль явно не принадлежит государственным чиновникам, а ведь именно они часто берут на себя такую миссию, представляя себя способными создать еще более совершенный хозяйственный мир. Исторический опыт постоянно убеждает нас в обратном. Хозяйственные отношения бывают совершенными ровно до тех пор, пока великий воин, государственный деятель или кто-то еще не возьмется их нарушить, предложив иное, собственное представление о добре и зле.

¹⁶ Бастиа Ф. Экономические гармонии. М., 2007. С. 20.

Это и есть естественные экономические отношения, которые отличают следующие признаки: 1) они объективны, то есть возникают помимо нашей воли, а их количество и характер столь разнообразны, что мы не в состоянии представить всех их последствий; 2) они оказывают на нас серьезное влияние.

Таким образом, если делать вывод об основном качестве таких отношений, можно сказать, что это прежде всего объективность и невозможность вследствие этого регулировать их законом. Они существенно превосходят по количеству все искусственные отношения — это бесконечность. Никакой законодатель не в состоянии решить вопрос их формализации. Даже активно работая, он тем самым только инициирует возникновение еще большего их числа. В результате следует обратить внимание на важную связь между искусственными и естественными отношениями, которая выражается в том, что первые подчинены последним. Это обязательно должен учитывать законодатель, который призван поддерживать естественную гармонию, что явно требует от него необходимых экономических знаний. Иное поведение власти порождает большое число негативных хозяйственных связей, препятствующих развитию общества, поскольку значительные его усилия постоянно отвлекаются на преодоление последствий экономически непродуманного акта.

Естественные отношения влияют на правовые, причем законодатель не может это влияние ограничить или каким-либо образом корректировать, будучи полностью беззащитным перед натиском природы. Чтобы доказать это, постараемся развить идею Ф. Бастиа. Теперь героем пусть будет наш современник, юрист. Он едет на работу в метро: оплачивает проезд, спускается на эскалаторе, подходит к платформе, садится в вагон и задумывается о... необычности происходящего. Он привык к тому, что вступая в отношения, стороны обязательно преследуют прежде всего собственную выгоду. Участники договоров подряда, поставки, аренды, купли-продажи планируют приобрести новый товар, построить объект, получить арендную плату и т. п. Однако в экономике все может быть иначе. Субъектный состав отношений здесь гораздо шире. Так, наш герой заключил договор пассажирской перевозки, где он, будучи юристом, обнаруживает

только двух участников — пассажира и перевозчика. Но такой подход носит сугубо формальный характер, поскольку не учитывает огромного числа других субъектов, относящихся к происходящему более или менее непосредственно. Стоит нам посмотреть на ситуацию шире и выйти за формальные рамки договора перевозки, как перед нами откроется целый мир экономической гармонии, о которой писал Ф. Бастиа. Договор создает искусственные рамки, мешая наблюдать за естественными отношениями, существующими параллельно с сугубо юридическими. Шагнув в эту область экономических абстракций, мы немедленно обнаружим, что наш герой выступает центральной фигурой необозримого количества отношений, в которые он вступил помимо своей воли. Минуя правовые условности, он стал участником естественных экономических связей, в которых субъекты тысяч конкретных договоров поставки, подряда, займа, расчетов многие годы делали все для того, чтобы состоялось его взаимодействие с перевозчиком. Метрополитен заключил контракты с изготовителями вагонов, а те, в свою очередь, — со множеством поставщиков металла, двигателей и электрооборудования. Все такого рода соглашения имеют конкретный юридический смысл и своих участников, но действительной, конечной их целью выступает забота о комфорте нашего героя, на основании чего можно прийти к выводу о том, что *круг участников естественного экономического отношения не ограничивается субъектами конкретного правоотношения*. Единая хозяйственная задача объективно придает смысл большой цепочке правовых отношений. Множество организаций и тысячи рабочих, с которыми были заключены трудовые договоры; банки с системой корреспондентских связей и транспорт — все это, оказывается, стремится к одной общей цели — удовлетворению запросов конечного потребителя. Наблюдать эту цель в праве мы не можем, что заставляет нас рассматривать проблему шире, то есть экономически.

Для доказательства верности этого вывода достаточно представить те же правовые отношения, но без этой конечной цели. Состоятельны ли будут тогда все перечисленные договоры? Уверен, что нет. Потеря экономического содержания делает систему правовых связей бессмысленной, поскольку, лишив

шись экономического содержания, субъекты правоотношений перестают заключать договоры, что не раз доказывала экономическая история, где часто отмирали состоятельные в прошлом отрасли: производство карет, конок, дирижаблей. Та же судьба ожидает и многие современные отрасли. Еще совсем недавно никто не рискнул бы заключать договоры на торговлю чистой водой или производство ЭВМ, а телефоны ассоциировались у нас исключительно с домашним стационаром. Появление спроса, то есть покупателя на все эти товары привело к огромному числу разнообразных сделок, ориентированных, как мы видим, не только на интерес их субъектов, но и на интерес клиента вне сделки. Последний, таким образом, полностью контролирует поведение субъектов правоотношения. Выступая инициатором всех хозяйственных связей, именно он реально диктует их условия: ассортимент, цены, издержки. Будучи главным бенефициаром в экономических естественных отношениях, он остается невидимым для субъектов отношения правового.

Еще интереснее наблюдать за изменением нашего привычного представления о вещных отношениях. На экономическом уровне они приобретают принципиально иной смысл. Отношения собственности в их естественном состоянии еще только требуют изучения, поскольку абсолютно не исследованы в теории. Часто наши представления в этой области испытывают серьезное влияние права, в результате чего мы отождествляем с ним экономику и признаем собственниками лишь тех, кто обладает соответствующим титулом. В правовой доктрине абсолютный характер правоотношений собственности предполагает, что только собственнику принадлежит весь объем прав, в то время как все остальные обязаны не препятствовать ему в осуществлении права. В реальности же наш пассажир, скорее всего, даже не задумывается над тем, кто в действительности является собственником поезда, тоннеля, электричества, воды, тепла, но при этом активно пользуется всем указанным. Его неведение относительно юридических прав подкрепляется еще и полным к ним безразличием. Он рассматривает титул собственника номинальным, представляя реальным только свое право пользоваться чужим имуществом. *Участие в естественных экономических отношениях дает*

ему возможность делать это, не являясь собственником благ юридически, что наглядно демонстрирует нам отличие естественных экономических отношений от правовых.

Похожая ситуация возникает в практике акционерного общества. Задумаемся над тем, кто им реально управляет. Для юриста этот вопрос нельзя назвать сложным — конечно же, владельцы его акций, поскольку высшим органом управления является их общее собрание. В экономическом же смысле такой вопрос не даст однозначного ответа, поскольку акционеров так много, что их реальное влияние на политику компании минимально. Не случайно поэтому большинство из них рассчитывают в основном не на прибыль от деятельности компании (от развития своего имущества), а на дивиденды от продажи имеющихся у них ценных бумаг. Именно поэтому в действительности имущество общества контролируется обычно его исполнительным органом, например правлением, члены которого делают это, даже не имея соответствующих акций. Что также подтверждает возможность несовпадения юридических и реальных собственников. Последних я бы назвал *собственниками в экономическом, а не юридическом смысле.*

Однако если указанная проблема уже рассматривалась юристами¹⁸, то другой ее срез может показаться очень неожиданным. *На мой взгляд, при формальном влиянии на политику компании юридических собственников и реальном влиянии, которое оказывает правление, определяющее значение принадлежит вовсе не им, а конечным пользователям, потребляющим услуги организации, которая де-юре им не принадлежит.* При этом следует признать, что именно они не только фактически определяют ее цели, но и получают от этого основную выгоду. Экономический собственник, без всякого формального титула, имеет в своем владении гораздо больше разнообразных благ, чем любой юридический собственник, и с ростом общественного благосостояния объем его «собственности» только увеличивается.

То же следует сказать и об ответственности. В своем природном виде она практически неизвестна юристам и пото-

¹⁸ *Schneider E.* Einführung in die Wirtschaftstheorie. — Tübingen. 1965. S. 36.

му вообще не учитывается при анализе юридических ситуаций. Здесь *абстрактный подход предлагает нам задуматься над существованием феномена, который я бы условно назвал всеобщей экономической ответственностью, где все отвечают за все, и который наглядно демонстрирует нам пример того, что из себя представляют естественные отношения в этой сфере.* Формально искусственно локализованная конкретным обязательством, такая ответственность становится ответственностью юридической, которая, по сути, лишь правовая фикция, и выбор в пользу нее обусловлен невозможностью в реальной жизни обзреть всю систему естественной ответственности полностью. Тем более надо отдавать себе отчет в том, что в праве невозможно до конца реализовать механизм возмещения абсолютно всех убытков, возникающих в связи с тем или иным нарушением. К примеру, за срыв договора поставки очень нужных товаров, продовольствия или медикаментов ответственность несут не только поставщики по договору, но и покупатели, которые, заметим, формально не являются участниками сделки.

Экономическая или всеобщая ответственность возникает не только и не столько в результате деятельности предпринимателей, а чаще всего является следствием ошибочного экономического расчета государственных чиновников, пытающихся регулировать качество и ассортимент товаров, их таможенное оформление и правила бизнеса¹⁹. Именно поэтому так важно оценивать экономический эффект от принимаемых государством решений. Необдуманый поступок в этой области ведет к огромным потерям, за которые отвечает не столько конкретный чиновник, сколько все общество в целом. При этом ответственность первого может быть минимальной, в то время как убытки населения от его непрофессионального, с экономической точки зрения, поведения будут катастрофическими.

Здесь стоит заметить, что понятие «государство» слишком абстрактно для обозначения субъекта ответственности. В этом

¹⁹ Как, например, это было в случае с импортом продовольствия в РФ, который формально был поставлен под контроль санитарной эпидемиологической службы, а фактически полностью зависел от некомпетентного мнения ее руководителя.

смысле его просто не существует, и поэтому реально за него всегда отвечают только граждане. Представление о государстве как о самостоятельном субъекте — еще одна юридическая фикция, скрывающая тот факт, что безответственные поступки чиновников оплачивают обычные люди, принося в жертву не только свое имущество, но и здоровье, а порой и собственную жизнь.

Такой подход имеет большое значение и в исторической перспективе, поскольку естественный экономический механизм перераспределения убытков переносит вину нынешнего поколения на будущее. Экономическая ответственность не локализуется формально, как юридическая, а обращает хозяйственную проблему в будущее. Она не ограничивается даже государственными границами и делает таким образом одни страны заложниками ошибок других. В этом смысле действительно бедный сосед делает беднее тебя самого. Окружая себя несостоятельными партнерами, экономика теряет важные преимущества от возможного обмена ресурсами, что немедленно сказывается на ее конечных результатах.

Внимательный критик может возразить на это тем, что получая от общества, мы платим ему за предоставляемые услуги. Эта плата, скажет он, будучи небольшой в конкретном отношении, попадая в систему «всеобщих взносов», становится весьма ощутимой. То есть можно предположить, что между субъектом и обществом существуют эквивалентные связи. Например, наш герой перед тем, как воспользоваться метро, купил жетон и тем заплатил за перевозку, в том числе и за предоставленное ему в пользование имущество. На самом деле эквивалентных отношений здесь нет. Каждый из нас получает от общества в экономическом смысле гораздо больше, чем дал ему сам. Здесь возникает некоторая алогичность правовой оценки ситуации. В предпринимательском или гражданском праве мы привыкли к тому, что имущественные отношения должны быть выгодными или, по крайней мере, эквивалентными. В естественных же экономических отношениях ситуация иная. Мы получаем от общественного взаимодействия значительно больше, чем внесли в него. Это объясняет «выгодность» для нас общественных отношений, которая постоянно увеличивается с развитием его благосостояния.

Причем последнее происходит не вследствие мифического богатства государства, а в результате роста конкретных благ, принадлежащих его гражданам. Чем общество (не государство) богаче, тем больше получают от него его члены.

Доказать это очень просто. Достаточно представить необитаемый остров, где ситуация полностью исключает общественное хозяйство. Как следствие, здесь даже максимальные физические и интеллектуальные усилия любого робинзона будут, скорее всего, малоэффективными и вряд ли обеспечат ему привычный уровень комфорта. То, что раньше для него было обычным, теперь станет абсолютно невозможным. Его узкоспециализированный труд потеряет здесь всякий смысл, поскольку исчезнут выгоды от всеобщего разделения труда. Многие профессии, которые пользуются в обычном обществе повышенным спросом (юрист, экономист, ученый), не обеспечат здесь даже минимальных средств к существованию. Предположение о якобы эквивалентных связях между человеком и экономикой не выдерживает критики, поскольку на необитаемом острове нет даже возможности заплатить, поскольку нет денег, польза от которых возникает только благодаря общественному хозяйству, предлагающему нам вместе с деньгами банки, финансовые институты, систему безналичных расчетов и т. д. Похожая ситуация будет и в обществе с ограниченным числом хозяйствующих субъектов. Здесь также любые, самые выдающиеся усилия конкретного индивидуума не обеспечат ему даже минимального комфорта, который он получил бы в системе современного хозяйства, где он прилагает гораздо меньше усилий для удовлетворения потребностей, чем на необитаемом острове.

Все это позволяет нам сделать очень важный вывод о том, что сокращение экономических взаимодействий приводит общество к потере экономических выгод. К ним, в частности, можно отнести сдерживание государством общей экономической активности или протекционизм власти в отношении отдельных предпринимателей. Общество, таким образом, теряет преимущества прямо пропорционально интенсивности предпринятых государством мер. Возможности всех экономических субъектов, незаметно для них самих, начнут сокращаться относительно того, что они могли бы иметь без введения

государством соответствующих ограничений.

Показав примеры естественных экономических отношений, следует наконец перейти к раскрытию их сути. Наиболее детально этот вопрос был решен выдающимся экономистом, основателем австрийской экономической школы К. Менгером²⁰. Его общие выводы сводятся прежде всего к следующему. Самое элементарное экономическое отношение возникает при образовании цены, а механизм ее определения рынком становится необходимой предпосылкой всей хозяйственной деятельности. Главная заслуга К. Менгера в том, что он показал, как это происходит в реальности. Являясь содержанием экономики, все цены возникают по одним и тем же единым объективным законам, знание которых позволяет ученому верно определить сущность абсолютно всех экономических отношений. Поскольку, таким образом, естественные экономические отношения — это прежде всего отношения, возникающие в процессе образования цены, их суть тоже аналогична.

В основании теории К. Менгера лежит тезис о том, что цена конкретного товара является следствием ее сравнения с большим числом цен на другие товары. Этот психологический анализ совершают предприниматели, задача которых во многом заключается в том, чтобы делать это максимально качественно, профессионально. Для этого они постоянно сравнивают огромное количество цен, предлагаемых рынком. В результате возникает некоторая зависимость цен, которая, будучи показателем конкретного товара, в объеме всей экономики приобретает более общий смысл. Выяснить состоятельность блага другим способом, например произвольно — нельзя, поскольку конкретная цена не существует сама по себе, изолированно от других, связанных с ней цен. Реализуя любой, даже самый уникальный товар, его продавец должен ориентироваться на это правило²¹, и если мы

²⁰ Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. — М., 1992.

²¹ Исключения составляют, как говорит К. Менгер, только неэкономические блага, значение которых для рынка незначительно. Они могут в нашем случае не учитываться.

принимая такой принцип, экономика *предстает перед нами в виде бесчисленных, постоянно производимых субъектами оценок разнообразных благ*, полностью исключая любые необдуманные, произвольные поступки, преследующие лишь собственную выгоду без учета их последствий. Ошибочный выбор, сделанный кем-либо, влияет не только на его собственное благополучие, но и на жизнь всего общества в целом. Поэтому оправдывать безответственное, с хозяйственной точки зрения, решение, прикрываясь даже самыми «высокими» интересами, невозможно. Экономика, как система цен, объективна и беспристрастна, она не подчиняется логике политической целесообразности.

Важная роль, отводимая в хозяйственной теории цене, объясняет необходимость таких субъектов, как предприниматели. Превратив цену в главный инструмент принятия рыночного решения, они полностью зависят от них. Любая ошибка может здесь дорого стоить. Экономика, в свою очередь, тоже зависит от предпринимателей. Чем их больше, тем объективнее становятся предлагаемые ими цены. Соответственно, сокращение предпринимателей или сведение их числа к минимуму приводит к серьезной проблеме — невозможности объективно оценивать состояние экономики, которая тут же дезориентируется. Поэтому предприниматели, по образному выражению другого видного экономиста — М. Ротбарда, обладают даром предвидения цен²², и пренебрежительное к ним отношение со стороны общества обрекает его граждан на величайшие беды. Я сейчас даже не берусь анализировать причины сокращения числа предпринимателей, которые могут быть самыми различными: миграция, криминалитет, деятельность правоохранительных органов и т. п., но лишившись их, общество становится неспособным двигаться вперед, к прогрессу, поскольку в экономическом плане слепнет, самоуничтожая себя.

Подойдя вплотную к выяснению того, в чем же заключается главное свойство естественных отношений, следует сказать, что представители австрийской школы, как и ее основоположник К. Менгер, не отвечают на этот вопрос, поскольку вообще не пользуются категорией общественного отношения. В их представлении

²² Ротбард М. Власть и рынок. — Челябинск, 2010. С. 99.

важнейшим является действие, деятельность — то есть выбор, совершаемый предпринимателем. Поскольку выбор — это субъективный психологический акт, австрийская школа принадлежит к психологическому направлению экономической теории. В рамках такого подхода нет ничего странного в том, что К. Менгер не исследует причин совершаемого выбора, которые в таком случае, по его мнению, не так важны и находятся за рамками выбора как психологического акта. Тем самым К. Менгер пытается предложить нам универсальную систему экономических знаний, *пригодную для абсолютно любых общественных отношений*. Его теория беспристрастна, поскольку всегда и везде любой выбор человека подчинен одинаковому с психологической точки зрения закону — личным предпочтениям субъекта. При этом обратим внимание на то, что причина выбора остается вне такого исследования, поскольку не является частью действия как психологического акта, то есть специфического взаимоотношения субъекта и вещи.

Поскольку австрийцев не интересовали причины выбора, они были вынуждены сформулировать важную аксиому, снимающую проблему поиска такой причины и одновременно объясняющую ее. Они просто постулировали, что предприниматель (его выбор) обязательно должен быть свободным. Этот тезис впоследствии стал главным для всех либеральных теорий. Вместе с тем, с моей точки зрения, в виде аксиомы, не требующей доказательств, это утверждение носит не столько научный, сколько скорее «идеологический» смысл, предлагая нам бездоказательно верить в необходимость предпринимательской свободы даже без объяснения причин. Кажется, не совсем правильно формулировать основание целой системы экономических знаний, полагаясь лишь на предложенный моральный императив, даже при том, что я полностью согласен с конечными выводами австрийцев, к которым они приходят на основании указанного императива.

Психологический подход имеет ряд недостатков, препятствующих выходу за классические отношения «субъект — объект». В этом случае причина поведения (выбора) субъекта всегда будет для нас непонятной, поскольку находится вне рамок такого отношения, за пределами его психологического акта. Ситуация проясняется только в том случае, если мы, наряду с исследованием

отношений между субъектом и вещью, обратим внимание и на отношения между субъектами по поводу вещей, то есть *общественные экономические отношения, возникающие между людьми в процессе экономической деятельности по поводу хозяйственных благ*. Именно поэтому корректный экономический анализ, на мой взгляд, является сочетанием психологического подхода с анализом общественных отношений. Полностью абстрагироваться от них невозможно хотя бы уже потому, что предприниматель не существует один, изолированно от других предпринимателей, общества. Необитаемый остров — пожалуй, единственное исключение из этого правила, но здесь нет рынка в нашем понимании, как системы оценок стоимости благ. При наличии только одного или ограниченного числа участников это просто некому делать, и следует согласиться с К. Менгером, утверждающим, что блага вне рынка вообще не носят экономического характера. Тем самым пример с островом не характеризует реальную рыночную ситуацию, а наоборот, демонстрирует отсутствие экономики.

Важность оценки причин поведения предпринимателей состоит в том, что их выбор может быть свободным или несвободным. В связи с этим возникает несколько принципиальных вопросов. Можно ли считать несвободный выбор экономическим, то есть оправданным с точки зрения хозяйственного расчета? Отражает ли он в полной мере интерес субъекта и способствует ли возникновению верной информации о ценах? Ответ однозначен: действия субъекта, предпринятые им под давлением, являются результатом не его, а чужой воли, и такой выбор не будет эффективным. Принимая во внимание сказанное, чрезвычайно важным становится исследовать основное качество отношений между субъектами в процессе принятия ими решений на рынке, которое я представляю прежде всего как *свободу от внешнего воздействия*²³.

²³ Вот две похожие внешне ситуации, которые принципиально отличаются по сути. В первом примере банк и клиент заключают кредитный договор, условия которого оговаривают самостоятельно. Каждый из них, обсуждая содержание соглашения, руководствуется лишь собственным интересом. Во втором примере те же банк и клиент, но выбор последнего предопределен некоторыми

Поскольку только поведение независимого субъекта может ориентироваться на естественные сигналы рынка, а не на политическую конъюнктуру, *свобода является необходимой предпосылкой качественных экономических отношений*, а любые ее ограничения крайне опасны и ведут к экономическому кризису²⁴. В свою очередь, это правило имеет два важных следствия: невозможность искусственно управлять ценами и абсолютный характер предпринимательской свободы.

Мир предпринимательства считается несовершенным, и поэтому очень часто возникает желание его улучшить. Основным генератором такого рода идей выступает государство, которое под влиянием политических амбиций на протяжении всей своей истории предпринимает активные попытки подчинить экономику своей воле. Для этого оно вводит разнообразные ограничения или стимулирует собственные хозяйственные проекты.

публичными соображениями. Как, в частности, об этом замечает В. Дмитриев, председатель Банка Развития: «... ВЭБ используется как квазибюджетный инструмент, в некотором смысле МЧС. Все, что не может быть профинансировано бюджетом, либо если возникает напряжение в тех или иных отраслях — есть ВЭБ, который должен спасать... Вложились крупные коммерческие банки и другие структуры развития в инновационное производство, а продукция оказалась не востребована, рынок мировой не туда пошел. И они не находят ничего лучше, чем просить правительство, чтобы ВЭБ заместил их инвестиции своими. Или же приходят письма региональных руководителей: есть прекрасный проект, очень нужный для развития края, а ВЭБ не принимает положительного решения. Мы предлагаем им профинансировать сначала проектную стадию, сделать модель, экономическое обоснование. Они же хотят, чтобы мы сначала выделили деньги. Я уверен, что в любом коммерческом банке им бы отказали (Кузьмин Д. ВЭБ используется как МЧС // Ведомости. 2013. № 102 (3364)).

²⁴ Примером служат плановые экономические отношения при социализме. Сохраняя формальные экономические признаки, они были лишены реального смысла. Любой экономический институт того времени представлял собой лишь пародию на хозяйственный расчет, что привело в конце концов к тому, что советские организации полностью утратили способность конкурировать и единственным реальным стимулом их активности стал государственный план, полностью заменивший предпринимательский интерес.

Последние часто бывают несостоятельными. Примеров тому множество, особенно в практике деятельности современных государств, направляющих огромные бюджетные средства в заведомо бесперспективные сферы. Последствиями такого неоправданного вмешательства в естественный ход событий становятся ложные сигналы рынка, дезориентирующие его и отвлекающие силы и внимание инвесторов от вложений в реально нуждающиеся хозяйственные области. В результате чего все участники рынка теряют время, терпят убытки и, наконец, оказываются втянутыми в очередной экономической кризис. Кроме прочего, описанное поведение власти имеет и другие негативные следствия. Пытаясь заменить собой предпринимателей, она лишается информации о реальных ценах и начинает действовать либо наугад, либо формирует их искусственным образом. В последнем случае она создает специализированные учреждения, которые, как предполагается, знают о ценах больше всех остальных, в том числе больше самих предпринимателей. Поскольку цена является примером естественных рыночных отношений, любой искусственный орган не может предложить нечто более совершенное, чем рынок. Именно поэтому все попытки государства в создании подобных организаций (например, Госплана или Госснаба СССР), всегда терпели фиаско и заканчивались развитием инфляции и дефицитом товаров. Даже сегодня, в условиях высокого развития информационных технологий, идея создания подобного органа остается деструктивной, превращая экономическую гармонию в бесконечную, непредсказуемую политическую игру²⁵.

²⁵ Еще более наивно надеяться на перспективу создания некоего надгосударственного органа цен в рамках международной интеграции, как, например, Евросоюз, БРИКС или Евразийский союз. За пределами национальной экономики цены образуются так же. Никакой наднациональный управленческий орган не способен знать о них больше, чем об этом знает реальный предприниматель. Регулирование цен с помощью международной интеграции абсурдно по своей сути. Формируя национальные цены, мы еще можем тешить себя некоторыми иллюзиями, но в международном масштабе, в сравнении с другими странами, наша экономика совершенно очевидно будет терять свою конкурентоспособность. Она будет явно проигрывать им по целому ряду показателей, что будет

Тезис о необходимости свободы требует дальнейших пояснений. Здесь речь вовсе не идет о некоем абстрактном, отвлеченном понятии свободы. Ее важность predetermined не какими-то нравственными предпочтениями, а скорее наоборот, прагматичным, практическим подходом. Это объективное требование лишено какой бы то ни было моральной оценки. Предприниматели должны быть свободными не потому, что это мне нравится или нет, а потому, что это необходимо для достижения экономической эффективности. Также важно, что *свобода не характеризует здесь свойство экономического отношения (все-го, абстрактно), а определяет конкретно свойство его участников*. Часто, оценивая свободу, мы говорим только о свободе внутренней, то есть праве поступать так или иначе. В этом смысле она является своеобразным психическим состоянием субъекта, в то время как еще более важной будет защита такого субъекта от внешнего на него воздействия, о чем писал известный итальянский теоретик права Б. Леони²⁶. Заметим, кстати, что свобода

очевидно и скрыть этого будет уже нельзя. Яркий пример тому — сравнение нашей экономики и китайской. Многие годы, развивая лишь отдельные из своих отраслей (в первую очередь добывающую и военную), мы снисходительно относились к комплексному развитию хозяйственных сфер в Китае. Только по прошествии времени, после выхода на внешний рынок стало очевидным, что такая стратегия в корне неверна и даже военный комплекс требует сегодня интеграции с отраслями, обеспечивающими его материальную базу, научные исследования, торговый менеджмент и т. д. В результате, имея раньше существенные преимущества, наша экономика сегодня уже явно уступает китайской. См. об этом: *Нефёдов Д.В. Принципы моделирования финансовой системы БРИКС // Труды Лаборатории сравнительно-правовых исследований. Часть 2. Сравнительно-правовой анализ в исследованиях правовых институтов и явлений в отраслевом, страноведческом и временном аспектах.* — СПб., 2012. С. 175; *Нефёдов Д.В. Компаративистский метод в создании финансовой системы БРИКС // Сравнительное правоведение: современное состояние и перспективы развития // Сборник научных трудов V Международной научной конференции «Компаративистские чтения» / Под ред. С.В. Кивалова, Ю.С. Шемшученко.* — Одесса, 2013. С. 189.

²⁶ *Леони Б. Свобода и закон.* — М., 2008. С. 95.

от внешнего воздействия опять же характеризует не психологию отдельного субъекта, а определенный характер общественного отношения между субъектами хозяйственной деятельности, что еще раз подчеркивает преимущество оценок экономических институтов с точки зрения общественных отношений.

При этом следует учитывать, что внешнее воздействие различно. Если его источником является поведение других, равных экономических субъектов, подчиненных единым правилам, оно оправдано, поскольку носит естественный характер. Опасность представляет лишь такое воздействие, источником которого выступают неэкономические, то есть не равные предпринимателю субъекты. Их влияние искусственно и не подчинено общим правилам. Чаще всего оно оказывается государством, имеющим власть и располагающим большим аппаратом принуждения, и оно не следует естественным экономическим правилам, а пытается вместо этого создать собственные.

Логично далее предположить, что максимальная эффективность возможна только при условии максимальной свободы от внешнего публичного воздействия. Последнее означает, что *экономическая свобода должна быть абсолютной*. На первый взгляд это кажется невозможным, поскольку мы заранее убеждены в том, что абсолютной свободы нет, что я считаю в принципе ошибочным. Этот привычный для большинства практически настроенных ученых штамп не позволяет проникнуть в суть абстрактных явлений. Если посмотреть на проблему внимательно, то выяснится, что гораздо точнее утверждать, что *абсолютной свободы нет в реальной жизни, что совсем не исключает ее возможности в принципе, например в естественных экономических отношениях*. В этой области понятие «абсолютная свобода» не только возможно, но и весьма продуктивно. Как показывает опыт научных исследований, мы очень часто обращаемся к помощи таких абстракций, каждая из которых утверждает некий абсолют. Использование в теории самых обычных понятий, таких как прибыль или эффективность, возможно только при условии того, что мы формулируем для себя некоторую их крайнюю форму, то есть максимальную прибыль или максимальную эффективность. Иначе не ясно, что именно они означают. Так же

и в нашем случае: абсолютно свободное от внешнего публичного воздействия экономическое отношение является наиболее качественным.

Большое значение этот вывод имеет для качественного регулирования экономики. Благодаря верному пониманию юристами роли права они приобретают необходимое знание о магистральном направлении совершенствования законодательства. Чем ближе облик закона к его естественному содержанию, тем его воздействие на общественные отношения более эффективно. Чрезмерное вмешательство власти в предпринимательские отношения искажает их, лишая общество возможности объективно оценивать рынок. Так, в условиях плана сначала исчезает хозяйственная свобода, а вслед за ней — и сама экономика. Какое-то время власть еще может делать вид, что не замечает происходящего, пытаясь заместить реальную хозяйственную жизнь своей хозяйственной бюрократией, но в конце концов результатом такой политики все равно станет экономический кризис. Именно поэтому целью публичной политики должна быть поддержка экономической свободы, а основным условием ее успешной правовой реализации — последовательное развитие частных отношений в праве.

Таким образом, подводя некоторый итог сказанному, следует сделать вывод о том, что *экономические и правовые отношения, имея одинаковую природу, свойственную всем общественным отношениям, принципиально отличаются друг от друга уровнем свободы их участников. Экономические (естественные) отношения характеризует абсолютная свобода субъектов, в то время как правовые отношения, будучи искусственными, всегда представляют собой некоторую меру такой свободы, предлагаемую бизнесу государством. Учитывая это, совершенствование законодательства, ставящее своей целью эффективное правовое регулирование экономики, должно ориентироваться на максимальное соответствие естественным свойствам экономических отношений и поэтому способствовать развитию большей свободы предпринимательской деятельности*.

Юрий Владимирович Кузнецов¹

ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ЦЕННОСТЬ: ЛОГИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В современной литературе, написанной в рамках праксиологической традиции (или традиции австрийской школы в экономической теории), термины «предпочтения» и «субъективная ценность» часто используются как синонимы. И в том, и в другом случае речь идет о некоей субъективной порядковой шкале, выражающей то, что действующий человек (актор) в ходе деятельности нечто сравнивает и выбирает то, что, с его субъективной точки зрения, лучше. Само наличие таких сравнений выступает в качестве одной из логических посылок теории. В настоящей статье мы показываем, что в экономической теории на самом деле присутствует два типа оценок (*valuations*), каждый из которых логически независим от другого и подчиняется разным логическим принципам. Для обозначения этих двух логически разных типов оценки предлагается использовать термины «предпочтения» и «ценность», хотя автор не настаивает именно на таком име-

---

¹ Старший научный сотрудник Института экономики и права им. Ф. фон Хайека, кандидат экономических наук. E-mail: yurii-kuz@mail.ru

новании при условии, что осознаются различия между соответствующими понятиями.

PREFERENCES AND VALUE: LOGICAL DIVISION OF CONCEPTS. In the modern literature written under the praxeological tradition (or tradition of the Austrian school in the economic theory), the terms «preferences» and «subjective value» are often used as synonyms. And in fact, in both cases we are talking about some kind of subjective ordinal scale, which expresses the fact that the actor during the activity compares something and chooses that from his subjective point of view is better. The existence of such comparisons acts as one of logical premises of the theory. In this article we show that in the economic theory there are actually two types of assessments (valuations), each of which is logically independent from another and submits to the different logical principles. It is offered to use the terms «preferences» and «value» for designation of these two logically different types of assessments — though the author doesn't insist on such name on conditions that distinctions between the corresponding concepts are realized.

Зачем Мизесу понадобилось понятие «удовлетворенности»

Анализ разных типов оценок, присутствующих в экономической теории, имеет смысл начать с рассмотрения одной терминологической загадки, которая возникает при внимательном чтении фундаментального трактата Людвиг фон Мизеса «Человеческая деятельность». С одной стороны, Мизес определяет праксиологию как чистую логику человеческой деятельности, которая содержит положения, не зависящие от содержания сознания актора, его эмоций, мотивации и других феноменов его

психики. «Область нашей науки — человеческая деятельность, а не психологические события, которые реализуются в действии, — пишет Мизес. — Именно это отличает общую теорию человеческой деятельности, прaksiологию, от психологии. Предмет психологии — внутренние события, которые приводят или могут привести к определенной деятельности. Предмет прaksiологии — деятельность как таковая»². Далее: «Для прaksiологии конечные цели деятельности безразличны. Ее выводы действительны для любого вида деятельности, невзирая на преследуемые при этом цели. Это наука о средствах, а не о целях»³. Наконец: «Теории прaksiологии и экономической науки действительны для любой человеческой деятельности безотносительно к лежащим в ее основе мотивам, причинам и целям»⁴.

С учетом сказанного можно было бы ожидать, что в ходе теоретических рассуждений о деятельности Мизес будет избегать употребления слов и терминов, указывающих на психологические факты и феномены. Тем не менее буквально сразу мы встречаем, например, такое высказывание: «Мы называем удовлетворенностью или удовлетворением такое состояние человеческого существа, которое не ведет и не может привести ни к какому действию. Действующий человек стремится исправить неудовлетворительное состояние дел и достичь более удовлетворительного. Он представляет себе условия, которые лучше подходят ему, а его деятельность направлена на то, чтобы осуществить желаемое состояние. *Мотивом, побуждающим человека действовать, всегда является некоторое беспокойство*»⁵. Несколько дальше Мизес развивает свою мысль: «Но деятельность можно вменить только неудовлетворенному существу, а повторяющуюся деятельность — только существу, не способному устранить свое беспокойство раз и навсегда одним махом. Действующее существо является неудовлетворенным и потому не является всемогущим. Если бы оно было удовлетворенным, то не действовало бы, а если оно было бы всемогущим,

² Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Пер. с англ. — Челябинск, 2005.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 16. Курсив мой. — Ю. К.

то давно устранило бы свою неудовлетворенность. Всемогущее существо никогда не заставит выбирать между различными состояниями беспокойства; ему нет нужды соглашаться на меньшее зло. Всемогущество подразумевало бы способность достижения всего и наслаждение полной удовлетворенностью без всяких ограничений. Но это несовместимо с самим понятием деятельности»⁶.

Можно продолжать приводить цитаты, относящиеся к обеим этим группам, но проблема уже, на мой взгляд, достаточно очевидна. Кажется, что эти две группы высказываний противоречат друг другу. С одной стороны, Мизес объявляет прaksiологию формально-дедуктивной наукой, принципиально не рассматривающей психологические аспекты деятельности. С другой стороны, для объяснения категории деятельности он прибегает к понятию «беспокойства/неудовлетворенности», т. е. к понятию, которое очевидным образом является психологическим, так как описывает конкретную эмоциональную мотивацию. Как можно было бы разрешить это противоречие?

Один из возможных подходов состоит в предположении, что это чисто терминологическая коллизия, что «увеличение удовлетворенности» или «уменьшение беспокойства» — это просто другое название для человеческого действия, введенное, чтобы лучше «растолковать» прaksiологическое представление о действии, сделать его более понятным. Однако употребление слова, явно имеющего «психологизаторский» оттенок и в этом противоречащего заявленному подходу, может помочь что-либо прояснить. Скорее это способно запутать.

Более правдоподобный ответ можно получить, если посмотреть на то, где именно Мизес использует понятие «удовлетворенности» или логически эквивалентное ему понятие «беспокойства/неудовлетворенности». Для этого стоит привести довольно длинную цитату из раздела «Предпринимательские прибыли и убытки»:

«В широком смысле прибыль — это выигрыш, извлекаемый из деятельности; это увеличение удовлетворения (уменьшение беспокойства); это разница между более

⁶ Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 68–69.

высокой ценностью, приписываемой полученным результатам, и более низкой ценностью, приписываемой жертвам, принесенным ради их достижения; другими словами, это доход минус издержки. Извлечение прибыли — постоянная цель любой деятельности. Если поставленные цели не достигаются, то доход либо не превышает издержек, либо остается ниже уровня издержек. В последнем случае результат означает убыток, уменьшение удовлетворения.

В своем изначальном смысле прибыль и убыток — психические явления и как таковые не доступны измерению и не могут быть определены в таком виде, чтобы дать другим людям точное представление об их интенсивности. [...]

Мы не можем даже представить положение дел, при котором люди действуют без намерения добиться психической прибыли и их действия не приводят ни к психической прибыли, ни к психическому убытку»⁷.

Итак, понятие удовлетворенности (беспокойства) используется для определения понятия, имеющего фундаментальное значение для экономической теории, — понятия прибыли/убытка. Заметим, что здесь Мизес прямо говорит, что прибыль и убыток — психические явления, а значит, если вспомнить его определение праксиологии, вроде бы не могут быть предметом последней.

Разумеется, в приведенном отрывке речь идет о так называемой психической, а не о денежной прибыли. По поводу последней Мизес уточняет:

«В рыночной экономике все, что продается и покупается за деньги, характеризуется денежными ценами. В денежном исчислении прибыль проявляется как избыток полученных денег по сравнению с затраченными, а убыток — как избыток затраченных денег по сравнению с полученными. Прибыль и убыток могут быть выражены в определенных суммах денег. На языке денег можно установить, какую прибыль индивид извлек или какой убыток понес. Однако это не является утверждением о психических прибыли или убытке индивида. Это утверждение

⁷ Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 273–274.

о социальном явлении, о вкладе индивида в общественные усилия в оценке других членов общества. Оно ничего не сообщает нам об увеличении или уменьшении удовлетворения или счастья индивида. Оно просто отражает оценку окружающими его вклада в общественное сотрудничество. В конечном счете эта оценка определяется усилиями каждого члена общества добиться максимально возможной психической прибыли. Это — равнодействующая сложного взаимодействия всех субъективных и личных оценок ценности, проявляющихся в их поведении на рынке. Но их нельзя смешивать с этими субъективными оценками как таковыми».

Мизес говорит, что денежную прибыль нельзя смешивать с психической прибылью. Однако здесь не все так просто. Если психическая прибыль не имеет ничего общего с денежной, то зачем же Мизес называет их одним и тем же словом? По моему мнению, он это делает потому, что у них есть нечто общее, причем это «общее» имеет фундаментальное значение. Сам Мизес говорит в другом месте следующее: «Если индивид говорит об издержках, связанных с приобретением ряда товаров, которые либо уже куплены, либо планируется купить, то он выражает эти издержки на языке денег. Но в его глазах это количество денег символизирует уровень удовлетворения, которого он мог бы достичь, если бы использовал их для приобретения других товаров. Оценка ценности делает крюк; ее путь пролегает через оценку структуры рыночных цен, но в конце концов она направлена на сравнение альтернативных способов устранения ощущаемого беспокойства»⁸. Иными словами, психическая и денежная прибыль все-таки связаны, хотя и окольным путем. «В конце концов», по словам Мизеса, существование денежной прибыли все же имеет своей причиной существование психической прибыли.

Итак, термин «увеличение удовлетворенности» («снижение беспокойства») появился у Мизеса при введении и обсуждении фундаментальных экономических понятий прибыли и убытка. Это не ошибка и не терминологическое «излишество».

⁸ Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 312.

Почему же Мизес не смог обойтись без этих по видимости «психологизирующих» выражений? Ответ на этот вопрос можно увидеть, если отвлечься от той части термина, которая ассоциируется с эмоциональным состоянием, и сосредоточиться на другой части — «увеличение»/«снижение». Важно то, что оба эти слова выражают *изменение во времени*.

Согласно вышеприведенному определению Мизеса, когда человек оценивает прибыль/убыток, он сравнивает либо а) состояние мира в момент начала действия с состоянием мира в момент завершения действия («увеличение удовлетворения»/ «уменьшение беспокойства», либо б) оценку наилучшего из нереализованных вариантов действия из числа имевшихся на момент совершения действия, с оценкой состояния мира в момент завершения действия («разница между более высокой ценностью, приписываемой полученным результатам, и более низкой ценностью, приписываемой жертвам, принесенным ради их достижения; другими словами, это доход минус издержки»). Здесь есть некоторая двусмысленность, в немалой степени объясняемая, на мой взгляд, «психологизаторской» терминологией. Но при любой из этих двух интерпретаций человек при определении прибыли/убытка (успеха/неудачи) сравнивает нечто, уже оставшееся в прошлом, с тем, что есть «сейчас» и что «получилось в результате» предшествующего действия.

Для того чтобы сравнить *A*, находящееся в прошлом, и *B*, находящееся в настоящем (или в более близком прошлом), необходимо иметь некую порядковую шкалу, на которую можно отобразить и *A*, и *B* неким осмысленным образом. Иными словами, человек должен быть способен осмысленно сказать, что *A* лучше *B* или наоборот. И мы (действующие люди) действительно это можем делать и делаем, причем даже в тех случаях, когда отсутствует денежная оценка этих *A* и *B* (экономический расчет). Т. е. в те моменты, когда человек оценивает прибыль/убыток (успех/неудачу), у него так или иначе существует «шкала сравнения состояний мира». Мизес называет ее «удовлетворенностью/беспокойством». Такая словесная психологизация, разумеется, лишняя, но сам описываемый ею феномен, несомненно, имеется.

Итак, анализ приведенных определений и рассуждений Мизеса приводит к следующему тезису: *Мизес вынужден вводить*

понятие увеличения удовлетворенности (уменьшения беспокойства) для того, чтобы сделать возможным субъективное сравнение состояний мира в разные моменты времени в прошлом и настоящем, без чего невозможно ввести понятия прибыли/убытка (или успеха/неудачи). Такое сравнение по своей природе и логике принципиально отличается от сравнения альтернативных вариантов, которое осуществляет человек при выборе способа действия. Иными словами, та «сравнительная оценка», на основании которой определяется прибыль/убыток (успех/неудача) действия, — это логически не та же самая «сравнительная оценка», в соответствии с которой актер выбирает вариант действия и осуществляет его.

В последующих разделах представлена логическая характеристика этих двух видов оценок в более строгом и формальном виде.

Логика отдельного действия: предпочтения

Следуя сформулированному Мизесом принципу методологической единичности, рассмотрим отдельное действие человека⁹. Схема отдельного человеческого действия представлена на рис. 1. Из всех аспектов действия для наших целей имеют значение следующие:

1. Действие предполагает наличие *возможных вариантов действия*. Тот или иной вариант действия определяется целями, которые может поставить перед собой человек в момент действия, и средствами достижения этих целей. Варианты имеют субъективный характер — они существуют как возможности в сознании человека, причем именно в момент начала совершения действия.

2. Действуя, человек осуществляет *выбор*. Выбор есть осуществление одного варианта и отказ от всех остальных. После начала совершения действия все варианты последнего, кроме фактически выбранного, перестают существовать даже как

⁹ Мизес формулирует этот принцип в разделе II. 5 трактата «Человеческая деятельность».

возможности (иными словами, все варианты действия, кроме фактически выбранного, являются контрфактическими).

На рис. 1. варианты действия, существующие в момент выбора, показаны сплошными линиями со стрелками, а состояние мира в момент, когда актер осуществляет выбор, показано серым кружком.

3. Действие направлено в будущее — действующий человек может повлиять на то, что будет после момента действия, но не в силах изменить прошлое и то, что есть непосредственно в момент действия. Все варианты действия в момент выбора представляют возможные варианты будущего (время *ex ante*). На следующем рисунке внизу показана ось физического (исторического) времени, на которой момент выбора обозначен значком t_0 . Стрелки, соответствующие вариантам выбора, направлены в будущее.

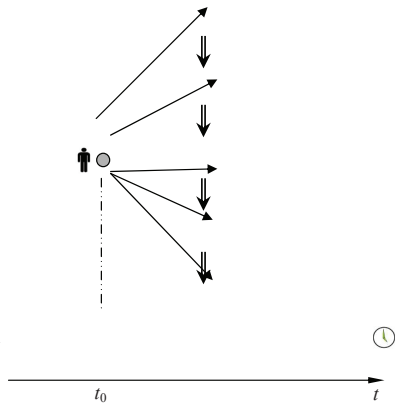

Рис. 1

4. В сознании актора имеется некая субъективная сравнительная оценка вариантов действия, которая обычно называется предпочтениями (*preferences*). Смысл этой оценки в том, что она выражает отношение «лучше — хуже» между вариантами действия с точки зрения актора. В общем случае не все варианты действия сравниваются актором друг с другом, но, поскольку действие все-таки обязательно совершается, это отношение предпочтения логически неизбежно обладает свойством транзитивности (отсутствие «циклов» предпочтений) и имеет единственный максимальный элемент, т. е. тот вариант, который актер предпочитает всем остальным¹⁰.

На рис. 1 это отношение предпочтения показано «прозрачными» стрелками, ведущими от более предпочтительного

варианта к менее предпочтительному. Данный схематический пример соответствует классическому случаю, рассматриваемому в экономической литературе, когда варианты действия представляют собой различные способы использования предельной (маржинальной) единицы какого-нибудь блага¹¹. Но отношение может иметь и другую структуру.

Важно подчеркнуть, что предпочтения актора суть отношение между вариантами действия, а не между состояниями мира. Конечно, может быть так, что актер сравнивает напрямую те состояния мира, которые, как он ожидает, воспоследуют в результате действия. Но это не всегда так. Например, если результаты определяются не только действиями актора, но и вмешательством неопределенности, то актер не может выбирать вариант действия на основе сравнения будущих состояний мира, так как между ними нет однозначного соответствия. Он вынужден при выборе некоторым образом учитывать оценку не только конечных состояний мира, но и неопределенности, связанной с тем или иным вариантом действий. Другой случай: актер может предпочитать одни действия другим безотносительно к их результатам, просто исходя из удовольствия от действия или некоего морального императива: «Делай как должно, и будь что будет».

Как бы то ни было, если про отношение предпочтения по поводу вариантов действия мы можем утверждать, что оно обязательно должно существовать в сознании актора, т. е. что утверждение о наличии такого отношения аподиктически истинно, то связь этого отношения с теми или иными оценками актором состояний мира аподиктически не задана и определяется содержанием его сознания и психики (а потому сама по себе не является предметом праксиологии).

5. С выбором связано понятие альтернативных издержек (*opportunity cost*), которые представляют собой наилучшую отвергнутую альтернативу (или альтернативы). Альтернативные издержки — другой способ выразить ту мысль, что актер всегда выбирает наилучший со своей точки зрения вариант. Они носят

¹⁰ В логике и математике такое бинарное отношение обычно называется строгим порядком с единственным максимальным элементом.

¹¹ См., например: Бем-Баверк О. фон. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. — М., 2009. С. 88–89. В этом случае предпочтения представляют собой отношение строгого линейного порядка.

контрфактический характер, т. к. выражают субъективное сравнение между вариантами действия, осуществляемыми актором в момент действия. Как только выбор сделан и действие началось, они перестают существовать, как и отвергнутые альтернативы.

Охарактеризовав таким образом базовую структуру действия, мы можем перейти к другой базовой структуре, необходимой для интерпретации понятия прибыли/убытка (успеха/неудачи).

Логика оценки результатов действия: ценность

Предположим, что действие совершено, и актер теперь приступает к осмыслению и оценке его результатов, оказавшись в момент времени t_1 . Ему нужно ответить на вопрос, было ли действие успешным или неуспешным. Для этого он должен сравнить два состояния мира — текущее состояние и какое-то другое. Например, он может попытаться ответить на вопрос, стало ли его положение в мире лучше, чем было в момент начала действия. Или он может сравнить фактическое свое положение в данный момент с тем, которого он предполагал достичь. Еще один вариант: он может попробовать сравнить фактически получившееся состояние мира с тем, которое могло бы, по его предположению, быть достигнуто, если бы он в прошлом повел себя по-другому.

На следующем рисунке схематически показано, как устроен такой процесс оценки в случае, когда актер сравнивает фактически достигнутое состояние с состоянием, фактически имевшим место в прошлом, — это как раз тот случай, который Мизес выражает словами «увеличение/уменьшение удовлетворенности». Актер уже переместился по временной оси в момент времени t_1 . Пунктирными линиями

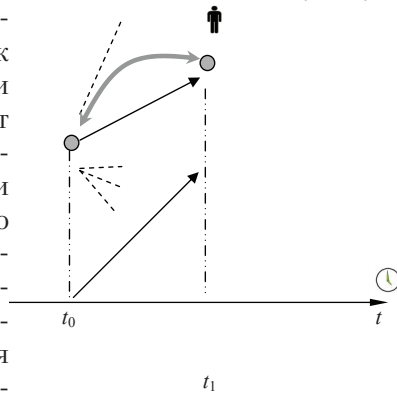

Рис. 2

показаны отвергнутые им альтернативы и нереализовавшиеся последовательности событий. Серой стрелкой показано соответствующее отношение между состояниями; стрелка на рисунке имеет два конца, так как новое состояние мира может оказаться как лучше, так и хуже прежнего.

Имея перед глазами схему, изображенную на рисунке (и ее возможные варианты), перечислим некоторые особенности логической структуры той мыслительной операции, которая используется актором при оценивании результатов действия.

1. Сравняются не варианты действия актора, а состояния мира. Более того, эти состояния мира вообще не являются предметом действия, т. к. находятся в прошлом и настоящем, а не в будущем. Если актер использует более сложную процедуру оценивания, например сравнивает текущее состояние мира с нереализовавшимися (контрфактическими) состояниями, последние точно так же не являются предметом или составной частью действия.

2. Время, которым оперирует актер, — это время, прошедшее после начала действия (время *ex post*). В простом случае, показанном на рис. 2, это очевидно. Но и в более сложных случаях, когда сравнивается текущее состояние с контрфактическим состоянием, последнее все равно логически привязано к моменту времени t_0 — оно могло бы реализоваться только в том случае, если бы в прошлом актер выбрал другой вариант действий. Иными словами, в этом случае оценка относится либо ко времени *ex post*, либо к его производным (например, *ex ante in ex post* и т. п.).

3. Логично предположить, что бинарное отношение, выражающее данный тип оценки, так же, как и отношение предпочтения, является строгим порядком, т. е. исключает цикличность оценок. Однако предполагать единственность максимального элемента уже не обязательно — поскольку сравниваемые состояния мира не являются объектами действия, нет необходимости требовать, чтобы в конечном счете реализовался только один вариант.

4. Поскольку сравниваемые состояния не являются объектами действия актора (находятся в прошлом, в настоящем, в контрфактическом настоящем и т. д.), при наличии соответствующего отношения оценки в принципе ничто не мешает точно так же с его помощью оценивать результаты действия других акторов

и разных факторов неопределенности. Строго говоря, каждое состояние мира есть результат действий данного актора, других акторов и других факторов, не являющихся целенаправленно действующими людьми. Соответственно, оценке поддаются, например, внешние эффекты действия других лиц (внешние «издержки» и выгоды), последствия применения насилия к данному лицу и т. п.

5. Одно состояние мира может оказаться как лучше, так и хуже другого на данной шкале оценки. Таким образом, результат сравнения — прибыль/убыток — радикально отличается от альтернативных издержек, которые всегда «положительны» в том смысле, что выбранный вариант всегда лучше всех отвергнутых.

6. Процедура оценки результатов, имея дело с временем *ex post* и его производными, существенным образом опирается на такую способность человеческого сознания, как память.

Перечисленные особенности оценки результатов действия (прибыли/убытка) показывают, что этот тип оценки логически отличен от предпочтений, которые рассматривались в предыдущем разделе статьи, и следовательно, не является их логической производной. Данный тип оценки (в силу некоторых причин исторического характера) предлагается называть термином *ценность (value)*.

Предпочтения и ценность: логическое сопоставление

Итак, мы выделили два логически разных типа оценок, присутствующих в теоретических рассуждениях в рамках практики и экономической теории. Приведем их формальные определения:

- *предпочтения* — сравнительная оценка актором возможных (потенциальных) вариантов действия в момент выбора варианта действия;
- *ценность* — сравнительная оценка актором фактических состояний мира и/или контрфактических состояний мира.

Общую картину различий между двумя типами оценок удобно представить в табличной форме (таблица 1).

Таблица 1

Сопоставление двух типов оценок: предпочтений и ценности

Предпочтения	Ценность
Объекты сравнения: возможные (потенциальные) варианты действия	Объекты сравнения: фактические и/или контрфактические состояния мира
Объекты сравнения являются предметом выбора	Объекты сравнения не являются предметом выбора
Объекты сравнения находятся в будущем по отношению к моменту действия (время <i>ex ante</i>)	Объекты сравнения находятся в прошлом по отношению к моменту действия или логически связаны с прошлым (время <i>ex post</i> и его производные)
Выбирается всегда наилучший вариант	Разные состояния мира могут находиться в любом соотношении друг с другом
Предпочтения существуют в момент действия и перестают существовать после начала действия (совершения выбора)	Ценность существует после действия и независимо от какого бы то ни было действия
Альтернативные издержки	Прибыль/убыток
Оцениваются только собственные варианты действий актора	Могут оцениваться результаты чужих действий, влияние неопределенности и вообще любые изменения состояния мира
Зависят от ожиданий	Зависит от памяти

Разумеется, логическая независимость двух типов оценок, несводимость их друг к другу не означает, что они независимы друг от друга в сознании актора. Более того, можно утверждать прямо противоположное: в подавляющем большинстве случаев реальной деятельности оценки этих двух типов связаны друг с другом. Например, человек действительно зачастую стремится своим

действием уменьшить степень неудовлетворенности — улучшить свое эмоциональное состояние, удовлетворить ощущаемую физическую потребность и т. п. Т. е. критерий выбора варианта действия (предпочтения) для него сводится к ожиданию того, что его действие будет *ex post* оцениваться как приведшее к успешному уменьшению неудовлетворенности. Аналогично, в случае действий, мотивированных экономическим расчетом, актер выбирает тот вариант действия, который обещает наибольшую ожидаемую денежную прибыль. Примеры можно умножать до бесконечности.

Более того, без признания содержательной связи между предпочтениями и ценностью, на мой взгляд, было бы вообще невозможно построить содержательную экономическую теорию — в частности, экономическая теория австрийской школы более или менее явно предполагает ее. В отсутствие этой связи невозможно говорить о *рыночном процессе* — можно говорить лишь о разрозненной последовательности действий акторов. Каждое из таких действий определяется предпочтениями, которые «прекращают существование», остаются в прошлом в момент совершения выбора — а значит, нет никакой априорной логической необходимости в том, чтобы они как-то влияли на последующие действия или действия других акторов.

Признавая то, что построение содержательной экономической теории требует признания наличия связи между предпочтениями и ценностью и что наш субъективный опыт подтверждает наличие этой связи, — иными словами, утверждение о ее *существовании* можно считать аподиктически верным — тем не менее *содержание* этой связи не может быть определено аподиктически. Это следует из логической независимости двух оценок, а также из того, что ценность как таковая (отношение, задающее сравнение состояний мира) представляет собой, говоря словами Мизеса, «внутреннее событие» психики актора, определенное содержанием его сознания, а следовательно, не является предметом праксиологического изучения.

Итак, представляется, что традиционно выделяемая в австрийской школе аксиоматика человеческой деятельности может быть дополнена еще одним аподиктическим утверждением — что у акторов в большинстве случаев существует определен-

ная, относительно стабильная во времени связь между ценностью и предпочтениями, т. е. между оценками результатов прошлых действий и оценками вариантов будущего действия.

Заключение

Предлагаемое разделение двух типов оценок, по мнению автора, не только будет способствовать большей логической стройности изложения экономической теории австрийской школы, но и может помочь более убедительному логическому обоснованию некоторых способов рассуждений, которые применяются «австрийскими» экономистами в кажущемся противоречии с ее праксиологическими посылками. В частности, будучи последовательно проведенным, оно позволило бы:

- реконструировать экономическую теорию благосостояния (*welfare economics*), так как оно позволяет непротиворечивым образом сформулировать переход от взаимовыгодности обмена *ex ante* к увеличению благосостояния *ex post*;
- построить более адекватную теорию внешних эффектов и в частности, объяснить, что понимается под «перекладыванием издержек» на других акторов;
- предоставить логическое обоснование использования агрегированных показателей;
- избавиться от некоторых возражений по поводу применения конструкции равновесия.

Александр Васильевич Ковалев¹

ИДЕИ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-х ГОДОВ

Этот обстоятельный историко-экономический обзор основных научных направлений 20-х годов приводит автора к поразительному выводу о том, что преобладающими в то время были идеи австрийской экономической школы. При этом, явно доминируя в научных журналах, они по известным причинам не находили отклика в официальных университетах. Дальнейшие перспективы этого направления были еще печальнее. Принадлежность к крылу исследователей, симпатизирующих идеям свободного рынка, постепенно стала означать неизбежность физической расправы. Только с этим прессингом, далеким от этики научной жизни, было связано свертывание либеральной экономической теории в России и повсеместное распространение марксизма.

IDEAS OF THE AUSTRIAN SCHOOL IN THE SOVIET ECONOMIC LITERATURE OF THE 1920s. It is the detailed historical and economic

---

¹ Заместитель директора Центра бизнес-образования Европейского гуманитарного университета (Литва, г. Вильнюс), кандидат экономических наук. E-mail: aliaksandr.kavaliou@ehu.lt

review of the main scientific directions of the 20s, leads the author to the amazing conclusion that ideas of the Austrian economic school at that time were prevailing. Thus, obviously dominating in scientific journals, they, for the known reasons, didn't find a response in official universities. Further prospects of this direction were even more sad. Belonging to a wing of the researchers sympathizing ideas of the free market, gradually began to mean inevitability of physical violence. Only with this pressure far from ethics of scientific life, the curtailment of the liberal economic theory in Russia and universal distribution of Marxism was connected.

1. Введение

Развитие экономической теории на постсоветском пространстве в последние десятилетия выявило интересную закономерность. Невзирая на приложенные усилия в виде организации учебных семинаров, перевода и издания учебной и научной литературы, распространение идей экономического мэйнстрима натолкнулось на целый ряд ограничений. Объективным ограничением явилось то обстоятельство, что экономическая наука Запада оказалась далеко оторванной не только от реалий постсоциализма, но и от реальности как таковой. Позитивистский подход призывал отказаться от реалистичности предпосылок теорий, а в качестве единственного критерия оценки выдвигал их предсказательную способность. Проблему несоответствия науки практике хозяйственной жизни поднимал М. Блауг², ярко описал Дж.К. Гэлбрейт³. Субъективным же фактором, на наш взгляд, выступила традиция предпочтения причинно-следственного анализа в экономических исследованиях. Это привело к тому, что в нашем регионе намного более значимую роль по сравнению с иными странами стали

---

² *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. — М., 2004.

³ *Гэлбрейт Дж.К.* Экономика невинного обмана. — М., 2009.

играть «пограничные» теории: институционализм, посткейнсианство, австрийская школа. Однако при этом теория, в наибольшей степени опирающаяся на традиции сущностного анализа, — теория австрийской школы — не получила академической легитимизации и вызывает едва ли не наибольшие возражения со стороны представителей «неомарксистского кейнсианства», распространившегося на кафедрах экономики ВУЗов. В этой связи интересно проанализировать процесс распространения и умирания идей австрийской школы во враждебном окружении формирующегося «кафедрального марксизма» 1920-х годов.

Настоящая статья нацелена на достижение двуединой цели: с одной стороны, ввести в оборот истории австрийской школы эпизод ее развития в СССР, с другой — доказать, что возражения сторонникам построения плановой системы велись экономистами-«оппозиционерами» именно с позиций австрийской школы. В основной части статьи представлены некоторые идеи австрийской школы и аргументы, использовавшиеся различными советскими авторами в дискуссиях 1920-х годов, подтверждающие их опору на идеи школы.

2. Авторы и аргументы

К 1920-м годам в австрийской традиции были достаточно разработаны такие концепции, как теория ценности и относительных цен, теория денег и фиатных денег, теория процента, общие положения теории бизнес-цикла, следующая из данных теорий прикладная концепция невозможности экономического расчета при социализме. Позже к данным концепциям добавилась общая теория эволюции как отбора правильных практик.

2.1. Экономический расчет при социализме

С 1920 года благодаря Мизесовской статье⁴ австрийская

⁴ *Mises L.* (1920) Economic calculation in the Socialist commonwealth, republished in Hayek, F.A. von. (1935) *Collectivist Economic*

школа прочно утвердила за собой роль инициатора и неизменной стороны в дискуссии о невозможности экономического расчета при социализме⁵. Активная фаза дискуссии в мировой экономической мысли развернулась в 1930-е годы, а в советской экономической литературе прошла на десятилетие раньше.

Кратко изложить аргументы Мизеса / Хайека можно следующим образом:

– *аргумент денежного хозяйства*. В мире множества товаров и сложившегося разделения труда невозможна калькуляция выгод и издержек предпринимательских проектов без денег, выступающих единым измерителем;

– *аргумент невозможности знания эффективности без системы цен*. Отсутствие свободных цен на производственные товары ведет к невозможности рационализации производства через перераспределение капитала в те или иные производственные цепочки. Социализм же в России «держится» на основе знания и ориентации на цены средств производства в капиталистическом мире;

– *аргумент невозможности сбора необходимой для организации хозяйства информации*. Незнание спроса и его колебаний не даст возможности установления «правильного» уровня цен и потребует постоянного издания Декретов о ценах и их пересмотров. Данный аргумент критиковался социалистами в двух направлениях: во-первых, если знать «данные», то можно решить систему уравнений равновесия в духе Вальраса — и проблема только в создании мощной ЭВМ; во-вторых, были предложения отказаться от свободы потребительского выбора⁶. Возражения Хайека привели его к идее формирования, открытия (*discover*) знания в конкурентной бизнес-деятельности. В ответ Ланге⁷

Planning, London: George Routledge & Sons.

⁵ *Хайек Ф.А. фон*. Экономический расчет при социализме (I): характер и история проблемы // Хайек Ф.А. фон. Индивидуализм и экономический порядок. — М., 2000.

⁶ *Dobb M.* (1933) *Economic Theory and the Problem of Socialist Economy* // *Economic Journal*, 43, No 172 (December). P. 588–598.

⁷ *Lange O.* (1939) *On the Economic Theory of Socialism* // Benjamin E. Lippincott, ed. *On the Economic Theory of Socialism*, New York: Augustus M. Kelley, 1970. P. 57–143.

предложил систему «конкурентного социализма», когда цены на капитальные блага устанавливаются методом проб и ошибок в процессе торгов за них директоров государственных предприятий. На это Мизес возразил, что отсутствие финансовой ответственности за конечный результат деятельности будет вести к искажению цен, когда победителем будет всегда оказываться наиболее рискованный руководитель. Таким образом, аргумент «недостатка данных» трансформировался в «недостаток знания» и «недостаток собственника».

Наиболее известным в мире произведением в австрийском духе стала работа Б. Д. Бруцкуса «Социалистическое хозяйство», вышедшая в 1923 году в Берлине и представлявшая собой несколько переработанный доклад автора, прочитанный в августе 1920 года. Работа посвящена доказательству невозможности экономического расчета при социализме. Конечно, идеи Мизеса могли быть известны Бруцкусу, однако его критика носила не только теоретический характер, но опиралась также и на практику социалистического строительства. Кроме того, он предвосхитил некоторые возражения со стороны социалистов в 1930-е годы.

Бруцкус изначально определяет причину невозможности экономического расчета — его просто некому (!) проводить: «Ищущий прибыли предприниматель, который до того приводил в действие весь экономический механизм общества, исчезает»⁸. Далее Бруцкус комбинирует денежный аргумент с аргументом цен: «... Всякая хозяйственная деятельность ... должна быть подчинена принципу о соответствии между затратами и результатами... Полная обозримость всего процесса производства и потребления являются известной гарантией этого соответствия... При ... сложном хозяйственном процессе ... все элементы производства ... оценены обществом на рынке ... равно как и все продукты производства... Социалистическое общество ... не обладает армией предпринимателей, которые всем своим имущественным положением заинтересованы в процессе производства»⁹. Достаточно быстро «организовался мелочный контроль ... нагромождались ревизии на ревизии» — и в

⁸ Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. — М., 1999. С. 13.

⁹ Бруцкус Б.Д. Указ. соч. С. 17–18.

итоге произошел поворот к НЭПу, восстановлению ценностного учета, без которого «никакое рациональное хозяйствование ни при каком социально-экономическом строе невозможно»¹⁰.

Развивая аргумент отсутствия цен, Бруцкус логично выходит и на аргумент «недостатка данных»: «Центральный орган социалистического хозяйства ... не имея перед собой чуткого барометра рыночных цен, вынужден будет прежде всего собрать какие-то данные, чтобы на их основании определить необходимые объемы производства товаров и объемы производственных ресурсов, которые необходимо направить в те или иные производства». Но тогда «социалистическое государство должно обладать громадным и необыкновенно совершенным статистическим аппаратом». При этом Бруцкус трактует это как «технические трудности», а «принципиальной стороной вопроса» видит невозможность «измерить потребности культурных людей» — и при отсутствии рынка, «на котором степень напряженности соответствующих потребностей могла бы получить выражение со стороны самих потребителей, невозможность определить, что и в каких количествах производить»¹¹.

При этом Бруцкус за десятилетие до идеи Добра об ограничении суверенитета потребителей ради планового распределения ресурсов совершенно блестяще парирует ее: «социализм задается целью не понизить, а повысить standard of life трудящихся, его задача не сводится к тому, чтобы определить минимум хозяйственных благ, необходимый трудящимся»¹².

Наконец, «у социалистического хозяйства нет никакого механизма для координирования каждого отдельного производства с народным хозяйством»¹³, и связано это с тем, что и рента, и процент, и прибыль логически сохраняются при социализме — а в условиях отсутствия рынка невозможно определить «пропорцию, в которой продукт должен быть распределен на зарплату, выплачиваемую рабочим, и прибыль и ренту, которые должны быть отчислены государству»¹⁴.

¹⁰ Бруцкус Б.Д. Указ. соч. С. 20–21.

¹¹ Там же. С. 41–42.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Там же. С. 48.

¹⁴ Там же. С. 62.

Практика социалистического строительства также подтверждала постоянные проблемы плановых органов в отношении экономического расчета. К примеру, З.Л. Миндлин в статье «Наши ближайшие задачи в области планирования» констатирует, что «обостренная борьба между государственными заготовителями, использование в интересах отдельных предприятий товарного голода свидетельствуют о том, что плановые органы ошиблись в емкости рынка в условиях отсутствия внешнего показателя успешности предприятия — наибольшей прибыльности»¹⁵. А. Яхнич повторяет идею Мизеса о том, что мировые цены указывают Госплану на возможные источники накопления — отрасли, на продукцию которых можно поднять цены¹⁶.

Профессор Л. Юровский в концептуальной статье «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе» образно говорит о том, что при всех вариантах «закон ценности следует по пятам за распорядителем государственного предприятия»¹⁷. Плановый порядок, по его мнению, мыслим только при выполнении важного условия: отказа от свободного потребления. «Концентрация средств производства в руках одного распорядителя ... позволяет проводить в качестве внутривозрастных такие операции, которые иначе проходили бы в качестве ... рыночных», но они «становятся бесхозяйственными, если проводятся без учета ценностных соотношений»¹⁸. А отсутствие системы соотношения ценности приводит экономику к постоянному динамическому неравновесию: «... мы переходим от одного кризиса к другому ... не в силу отдельных частных ошибок, но и потому, что самая проблема о методах и пределах планового регулирования разработана недостаточно»¹⁹. Представляется, что в условиях угрозы жизни Юровский не доводит свои идеи до логического завершения о не-

возможности эффективного планового регулирования — но и в таком «конструктивном» виде она вызывает жесткую отповедь марксиста Леонтьева²⁰.

Профессор З.С. Каценеленбаум²¹ в рамках формулировки теории денег рассуждает о невозможности безденежного учета, доказывает неспособность натурального учета в сферах потребления, обмена и производства — и вторит Мизевскому размышлению из «Социализма» о железной дороге: «Постройка Шатурской электрической станции ... достижение само по себе велико. Но поскольку в настоящих условиях нет подсчета затрат на это сооружение, нет оценки той доли национального труда и капитала, которая затрачена на это сооружение, мы не в состоянии сказать, что постройка ... была действительно целесообразна с народнохозяйственной точки зрения»²². Автор формулирует несколько уровней проблемы распределения капитала и труда: между сегодняшними и завтрашними потребностями (производством потребительских и капитальных товаров), между разными районами страны, между различными отраслями, наконец между различными типами предприятий — и не представляет системы, которая вместо системы относительных цен может регулировать данные процессы.

2.2. Роль относительных цен в распределении ресурсов

Австрийская школа считает, что потребители и творческие предприниматели в процессе конкуренции, исходя из своего видения будущего, формируют спрос на товары и ресурсы, — и систему цен, которая выполняет сигнальную функцию для всех участников экономического процесса. Вмешательство в ценовой механизм в конечном счете замедляет хозяйственную активность.

¹⁵ Миндлин З.Л. Наши ближайшие задачи в области планирования // Плановое хозяйство. 1924. № 12. С. 8–10.

¹⁶ Яхнич А. К постановке вопроса о внутрипромышленном накоплении // Вестник финансов. 1927. № 2. С. 73–76.

¹⁷ Юровский Л. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Леонтьев А. К вопросу о природе хозяйства СССР // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 108–126.

²¹ Каценеленбаум З.С. Очерки по теории и практике денежного обращения. Вып. 1. — Пг.; М., 1922.

²² Каценеленбаум З.С. Очерки по теории и практике денежного обращения. Вып. 1. — Пг.; М., 1922. С. 101.

Проблема относительных цен была в центре внимания советских экономистов, поскольку искусственные нарушения цен регулярно проявлялись как в дефиците товаров, так и в кризисах сбыта промышленных товаров. Деревня оставалась вне влияния плановой системы, приказывать крестьянину покупать дорогие товары было невозможно, а утрата влияния на деревню являлась политическим моментом. Кроме того, отсутствие рыночного ценового механизма постоянно приводило к нехватке производственных ресурсов в том или ином звене производственной системы.

Я. Х. Репше в «сугубо дискуссионной»²³ (так ее отметила редакция журнала) статье «Наши экономические проблемы» причиной товарного голода открыто называет политику цен. При этом проблема «не столько в неустранимых противоречиях экономической действительности, сколько в плоскости ... неправильной идеологической установки и вытекающих отсюда неверных организационных мероприятиях»²⁴. Впрочем, данный реверанс потенциальной возможности «правильного» установления цен (а представляется, что критика уровня 1920 года в 1926-м была уже невозможна) автор отвергает уже через страницу: «... нет ума в нашем Союзе, который теоретически мог бы дать коэффициент возможного повышения цен при существующей напряженности бестоварья»²⁵. Где же выход? В курсе на «самостоятельное воспроизводство промышленных предприятий через рынок». Твердые цены, по его мнению, «несовместимы с реальной экономической установкой хозяйственных ячеек и ограничены в смысле их практической осуществимости»²⁶. Систематические проблемы обусловлены «не аморализмом наших хозяйственников, а скорее разладом между реальными экономическими силами ... и нашими организационными приемами» в регулировании цен²⁷.

²³ Под таким же грифом «в порядке обсуждения» публиковались и статьи В.В. Новожилова, Л. Шанина и др.

²⁴ Репше Я.Х. Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 109.

²⁵ Там же. С. 111.

²⁶ Там же. С. 116.

²⁷ Там же. С. 117.

Одним из наиболее ярких оппонентов официальному марксизму в 1920-е годы выступал известный советский экономист В.В. Новожилов. Более чем в десятке статей на актуальные экономические проблемы он не просто препарировал их сквозь призму австрийской школы, но и сделал вклад в развитие теоретических идей школы.

Роль ценового механизма особо подчеркнута Новожиловым в статье «Цены и государственное регулирование»²⁸. Представив логику установления основных цен капиталистического мира — товарных, ссудного процента и валютного курса, — автор задается вопросом: может ли государство воспрепятствовать притяжению рыночных цен к естественным? Анализ различных возможных ситуаций приводит к выводу: «... при косности цен каждое изменение состава спроса, каждая ошибка в составе производства вызывает общее сокращение производства или задержку его возможного развития»²⁹. И, как будто предвидя будущее развитие дискуссии об экономическом расчете, акцентирует внимание на институте собственности: «Конкуренция дебиторов между собой в верности и прибыльности помещения капитала превращается в симуляцию кредитной нужды»³⁰. При таких условиях вероятность эффективного распределения капитала ничтожна.

Советская экономическая мысль в 1920-е годы еще была вовлечена в общемировое пространство — к примеру, уже в 1922 году в сборнике «Денежное обращение и кредит» обсуждался новый проект И. Фишера о стабилизации ценности денежной единицы. И в целом при обсуждении насущных проблем экономической политики экономисты затрагивали теоретические проблемы. Профессор А. А. Соколов³¹ резюмирует свои рассуждения следующим образом: «Фиксация цен противоречит динамическому характеру живых хозяйственных процессов. Поэтому мысль о том, что мы можем создать идеальный товарный рубль

²⁸ Новожилов В.В. Цены и государственное регулирование // Вестник финансов. 1924. № 12. С. 31–47.

²⁹ Там же. С. 36.

³⁰ Там же. С. 38.

³¹ Соколов А.А. Перспективы и политика цен в 1924–25 г. // Вестник финансов. 1924. № 8. С. 18–31.

путем фиксации цен, нужно признать в корне неправильной и неосуществимой... Государственное регулирование не может заменить собой того естественного и универсального регулятора всех хозяйственных отношений, каким является вольная цена»³².

2.3. Роль процента, кредитная эмиссия и теория цикла

Отдельную работу А. А. Соколов посвятил роли процента в экономике и его влиянию на цены³³. Следует отметить, что после перехода к использованию товарно-денежных отношений роль кредита в советской экономике выросла, поскольку именно через государственную банковскую систему осуществлялось финансирование капиталовложений, т. е. распределение капитала в экономике, и проблеме процента и кредита было посвящено большое количество статей. Соколов, критически анализируя теорию процента Викаля, приходит к выводу о возможности влияния отклонения процента от естественного уровня на уровень товарных цен. Возможность банков произвольно увеличивать количество денег неизбежно ведет к искусственному расширению производства и увеличению спроса на капитальные блага и рабочую силу. При этом потребительских товаров становится недостаточно, что ведет к росту их цен. Автор четко указывает на сходство выдвинутых им положений с взглядами Мизеса³⁴. Далее проф. Соколов развивает собственную теорию ценообразующего значения учетного процента и показывает, что снижение процента ниже естественного уровня всегда ведет к росту цен, а также доказывает ошибочность мнения, что поскольку процент входит в издержки производства, то его снижение будет снижать издержки производства и цены³⁵. Наконец, он абсолютно в австрийском духе говорит о том, что нормальный процент на капитал определяется спросом на него и размером сбереже-

ний, а банковская система не создает дополнительных реальных капиталов³⁶. В развитие работы автор анализирует рынок капиталов СССР, разделяет его на 3 сектора и объясняет высокие ставки процента в «негосударственном» секторе недостатком капитала, призывая проводить политику на увеличение накопления. При этом он предостерегает от попыток рассчитать «правильный» объем кредита: «определение допустимой суммы эмиссии и кредита неизбежно носит гадательный характер»³⁷.

Вторят ему и другие экономисты. В. Железнов, подводя в статье³⁸ итоги работы комиссии Института экономических исследований Наркомфина по данному вопросу, делает вывод о том, что «смещение понятий о недостатке капиталов и недостатке денег ... остается у нас весьма распространенным»³⁹. При этом «отдельные отрасли ... и даже отдельные предприятия часто обнаруживают у нас склонность чрезмерно выдвигать свои интересы в ущерб другим»⁴⁰, что при заниженной ставке процента не позволяет отобрать наиболее сильные предприятия и наиболее эффективные способы их деятельности, что и делает кредит в капиталистическом мире при естественной процентной ставке. В конце концов Железнов делает интереснейшее заявление: «Полезность кредитных планов заключается не в их исполнении, а в их составлении»⁴¹, поскольку на этой стадии банки умеряют аппетиты отдельных групп клиентов (к вопросу об отсутствии ответственности собственника и иллюзорности метода проб и ошибок в достижении экономического расчета).

В уже упоминавшейся работе⁴² В. В. Новожилов сначала расставляет точки над «i», доказывая, что финансирование, которое имеет место в СССР, когда распределение денежных капи-

³² Там же. С. 30.

³³ Соколов А.А. Учетный процент как регулятор товарных цен // Вестник финансов. 1926. № 1. С. 21–67.

³⁴ Там же. С. 32.

³⁵ Там же. С. 44–45.

³⁶ Там же. С. 47.

³⁷ Там же. С. 62.

³⁸ Железнов В. Проблема определения эмиссионных возможностей // Вестник финансов. 1925. № 3. С. 26–38.

³⁹ Там же. С. 26.

⁴⁰ Там же. С. 28.

⁴¹ Там же. С. 30.

⁴² Новожилов В.В. Цены и государственное регулирование // Вестник финансов. 1924. № 12. С. 31–47.

талов происходит не по коммерческому принципу, а по решению властей, «лишь по недоразумению можно назвать кредитом»⁴³ — на самом деле это плановое распределение капитала через банки. А далее автор снова возвращается к проблеме экономического расчета: для наиболее прибыльного размещения капитала необходимо знать «прибыльность *всех возможных* помещений капитала» и отобрать из них те, которые «наиболее прибыльные и в то же время могут быть осуществлены с наличной суммой свободных капиталов. Может ли банк или учреждение, составляющее кредитный план, обладать таким знанием? Допустим на минуту, что может». Но для такого знания необходимо «не только совершенство бухгалтерской техники ... но желанье и умение дебиторов банка рассматривать положение своего предприятия с точки зрения народно-хозяйственных процессов... Процент дополняет недостаток знания ... рентабельности всех возможностей помещения капитала... Естественный процент — душа кредита»⁴⁴.

Профессор Новожилов очень четко понимал опасность роста объема кредитных средств в экономике. В работе «Проблемы кредитной эмиссии»⁴⁵ он доказывает, что «банковский принцип эмиссии представляет собой надежный способ» как против односторонней инфляции, так и против односторонней дефляции⁴⁶. Кредитование же под ставку процента ниже естественной приведет к инфляционному кредитованию всей экономики в объемах, превышающих производственные возможности, и в этом смысле оно играет роль обманщика⁴⁷. С учетом того, что поколение экономистов 1920-х явственно представляло разницу между производством товаров потребительских и капитальных, анализ инфляционного кредитования неизбежно вел их к формулированию австрийской теории бизнес-цикла. Как только происходит искусственное расширение производства, быстро обнаруживается недостаток сопутствующих производству ресурсов и еще

сильнее чувствуется недостаток реальных капиталов. В статье «Недостаток товаров» Новожилов исследует интересную практическую проблему одновременной нехватки и товаров, и денежных капиталов — и считает это двумя следствиями общей причины⁴⁸ — занижением товарных цен и процента.

Даже в официальном органе Госплана — журнале «Плановое хозяйство» — появлялись статьи с признанием существующих проблем. Так, А. Сегаль отмечает, что «значительная часть капитальных вложений ... в действительности не столько ускоряет, сколько задерживает общий темп индустриализации», поскольку «средства на капитальные вложения, получаемые каждым государственным трестом ... представляются ему бесплатными... Советский долгосрочный кредит ... не в состоянии породить того чувства глубокой *коммерческой ответственности*, какое порождает аналогичная операция у капиталистов»⁴⁹.

Против избыточного финансирования выступил и Л. Шанин⁵⁰, тем более что «случай этот становится бытовым явлением»⁵¹. Субъекты хозяйствования, да и регулирующие органы считают, что если «в напряженности и ограниченности материальных ресурсов есть своя неизбежность, то в сдержанном финансировании нет ни неизбежности, ни тем более целесообразности»⁵². При этом предприятия жалуются даже не на объем финансирования, а на его несвоевременность — мол, если бы деньги они получали на 3–4 месяца раньше, то могли бы запастись теми ресурсами, отсутствие которых сегодня затрудняет их работу. В отношении отдельного предприятия данное утверждение кажется обоснованным, но в отношении всего народного хозяйства «вздорно». Получение всеми денежных капиталов на 3 месяца раньше привело бы к тому, что нехватка ресурсов и обнаружилась бы на 3 месяца раньше. Далее

⁴³ Там же. С. 37.

⁴⁴ Там же. С. 37–38.

⁴⁵ Новожилов В.В. Проблемы кредитной эмиссии // Вестник финансов. 1925. № 4. С. 29–45.

⁴⁶ Там же. С. 32–33.

⁴⁷ Там же. С. 37.

⁴⁸ Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1925. № 2. С. 6.

⁴⁹ Сегаль А. К вопросу об эффективности капитальных вложений // Плановое хозяйство. 1927. № 12. С. 120.

⁵⁰ Шанин Л. Вопросы финансового режима // Плановое хозяйство. 1928. № 10. С. 41–64.

⁵¹ Там же. С. 47.

⁵² Там же. С. 50.

автор в рамках австрийской теории бизнес-цикла анализирует инфляционность советского хозяйства и показывает, что борьба за ресурсы приводит к накапливанию у предприятий излишних производственных запасов⁵³. Нехватка всех комплементарных ресурсов приводила к простоям целых заводов — и «ответственность за эту дезорганизацию лежит на избыточном финансировании»⁵⁴.

Позиция Шанина вызвала гневную отповедь марксиста Н. А. Ковалевского, опубликованную в том же номере непосредственно после статьи Шанина. Он и ранее «разносил» статьи Новожилова и Репше, однако тон его статьи в 1926 году был более-менее научный, в названии же данного ответа автор позволил себе определить позицию Шанина как «фиговый листок к правому уклону», очевидно перенося дискуссию в политическую сферу, что вело к уголовно-политическим преследованиям. Следует отметить, что исторически (октябрь 1928 года) работа Л. Шанина — последняя «австрийскоориентированная» статья в научных журналах СССР. Далее оставаться немарксистами становилось физически опасно — уже в 1929 году было сфабриковано дело «трудовой крестьянской партии», по которому были осуждены известные экономисты.

Представляется, что кроме физической смерти многие экономисты пережили и смерть научную. К примеру, Новожилов более 10 лет не публиковал ни одной (!) научной статьи, а после продолжал работать в рамках математической традиции оптимизации ресурсов, получая Ленинские премии, но вряд ли удовлетворение, поскольку редкий экономист после 30 лет меняет свои убеждения...

А работы профессора Новожилова 1920-х годов достойны изучения в рамках истории австрийской школы, поскольку в них не только популяризация идей школы, но и оригинальный вклад в ее развитие.

К примеру, в статье «Золотое исчисление без золотой валюты» он ставит под сомнение целесообразность рассмотрения и анализа общего индекса цен: «Для сравнения сумм, выраженных в падающей валюте за различные периоды времени по одному и тому же предприятию, индексов должно быть столько, сколько

существует хозяйств с различными составами потребления... Чем больше дисперсия индексов цен отдельных товаров, тем меньше значение имеет *общий индекс*...»⁵⁵. В 1930-х годах Хайек поставит эту проблему в работе «Цены и производство». К слову, такой подход неизбежно ведет к признанию субъективности издержек, поскольку никому кроме действующего предпринимателя неизвестны ни альтернативные варианты использования имеющихся у него ресурсов, ни тем более его оценка этих вариантов.

Теории денег и проблеме искусственного экономического бума посвящена работа «Пределы инфляции»⁵⁶. «Вся многовековая история денег является историей инфляции, историей борьбы с силой саморасширения денежного обращения»⁵⁷ — и борьба эта необходима, чтобы не допустить искажения отношений цен, чтоб «не потерять ощущение ... ограниченности сил и средств ... для правильного хозяйствования»⁵⁸. Далее автор развивает идеи пределов эмиссионного хозяйства, аргументируя это опережающим ростом цен по сравнению с доходами из-за ускорения скорости оборота денег и нарастанием из-за этого социальной напряженности. Даже если эмиссия является единственным источником бюджетных доходов, государство в конце концов вынуждено отказаться от такой системы, поскольку она разрушает всякий рынок и производство⁵⁹. Отдельно Новожилов рассматривает инфляционный бум, обусловленный необоснованным расширением кредитных денег, и делает это абсолютно в духе австрийской теории цикла, подчеркивая и изменение относительных цен потребительских и капитальных благ, и изменение в составе производства благ различных порядков, возникающее перепроизводство на рынках потребительских товаров

⁵⁵ Новожилов В.В. Золотое исчисление без золотой валюты // Вестник финансов. 1923. № 34. С. 7.

⁵⁶ Под инфляцией и Новожилов, и все остальные экономисты до конца 1930-х годов понимали «избыточный выпуск денег ... сравнительно с состоянием товарного обращения» [11, с. 83].

⁵⁷ Новожилов В.В. Пределы инфляции // Финансы и денежное обращение в современной России / Под ред. проф. В.М. Штейна, 1924. С. 87.

⁵⁸ Там же. С. 91.

⁵⁹ Там же. С. 97.

⁵³ Шанин Л. Указ. соч. С. 60–61.

⁵⁴ Там же. С. 56.

из-за выросших издержек, различную динамику величины ссудного процента в разные периоды цикла. Интересно наблюдение, что дефляция, заканчивающая период *Scheinkonjunktur*, ударяет не только по «излишним» предприятиям, созданным во время бума, но по всем (это несколько противоречит сегодняшнему взгляду школы на роль дефляции).

Развивает идеи объяснения цикла профессор Новожилов и в статье «Недостаток товаров». В работе анализируется весьма любопытная ситуация, когда товарный дефицит решили лечить увеличением объемов производства, но это привело к еще большему дефициту. Автор доказывает, что в условиях расширяющегося производства «даже при продаже по себестоимости рост денежных доходов производителей может опережать рост реального дохода народного хозяйства, т. е. производства готовых к потреблению товаров»⁶⁰, поскольку увеличение производства потребительских товаров требует и роста производства средств производства — а работники этого сектора также получают доходы. Кредитная инфляция приводит к фальсификации всех ценностных показателей — потому искусственное расширение кредита не является способом ускорить экономическое развитие — в условиях неправильной исходной информации «может быть расточительное производство, может быть расточительное накопление»⁶¹. Интересно и обращение Новожилова к психологии: «население легче мирится со вздорожанием некоторых товаров, чем с соответствующим ему уменьшением денежных доходов» (эту идею повторит Кейнс в «Общей теории...»).

В работах Новожилова 1920-х годов есть еще много интересных идей о деньгах, догадка о принципе построения теории эволюции: «Надежнее строить хозяйство на использовании существующих пороков, чем на несуществующих добродетелях»⁶². Все это позволяет высказать никогда уже не могущую быть проверенной идею о том, что сохранение советской экономической мысли

в русле мировой мысли могло выдвинуть Новожилова в качестве одного из ярких представителей австрийской школы. Увы, жизнь рассудила иначе — и с 1929 года конструктивная критика экономической политики исчезла почти на 60 лет со страниц научных журналов, а плеяда выдающихся экономистов растворилась в лагерьях, горниле войны и марксистском мейнстриме.

3. Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

– практически все возражения социалистам велись в советской экономической литературе 1920-х годов с позиций австрийской экономической школы, которая в тот период представляла собой наиболее доказательную и авторитетную теорию. Дискуссии в научных журналах не сопровождалась распространением идей школы в университетах;

– «умирание» школы в СССР связано с угрозой жизни всем оппозиционерам экономической политики с 1928 года и общим упадком школы с 1930-х, вызванным фактором утраты после аншлюса институционального ядра школы — Венского университета;

– для полноценного распространения идей школы в современных условиях требуется не только создание специализированных научных журналов для отражения взглядов сторонников австрийской школы и участия в научных дискуссиях в других журналах, но и обязательная университетская институционализация с программами бакалаврского и магистерского уровней.

⁶⁰ Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1925. № 2. С. 79.

⁶¹ Там же. С. 93.

⁶² Новожилов В.В. Цены и государственное регулирование // Вестник финансов. 1924. № 12. С. 44.

Андрей Павлович Заостровцев¹

РОССИЯ: БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ

В статье рассматриваются институциональные причины низкой глобальной конкурентоспособности российской экономики. Они представлены крайне слабыми гарантиями прав собственности, отсутствием верховенства закона, тотальной системной коррупцией. Показано, что российское государство основано на силовом предпринимательстве, преследующем личные цели власть имущих и наносящем огромный ущерб деловому климату. В заключении обращается внимание на то, что концептуальные подходы австрийской экономической школы к анализу социализма позволяют вполне адекватно описывать современную российскую действительность.

RUSSIA — ESCAPE FROM FREEDOM. The article examines the institutional causes of low global competitiveness of the Russian economy. They are extremely weak property rights, lack of rule of law, total systemic corruption. It is shown that the Russian state is based on the violent entrepreneurship, pursuing private goals of those in

---

¹ Профессор НИУ-ВШЭ в Санкт-Петербурге, кандидат экономических наук. E-mail: zao-and@yandex.ru

power and inflicting huge damage to the business climate. In conclusion, attention is drawn to the fact that the conceptual approaches of the Austrian School of Economics to the analysis of socialism can adequately describe the modern Russian reality.

Одной из немногих бесспорных истин является приверженность австрийской экономической школы идеалам свободы. Она вытекает из ее праксиологии (учения о человеческом поведении) и противостоит всем разновидностям социальной инженерии. Человеческая деятельность рассматривается как предпринимательская деятельность в широком смысле. Ее значение для прогресса определяется тем, что она — уникальный и ничем не заменимый механизм производства и распространения информации, без которого общество «теряет ориентиры» и скатывается к формам организации, не позволяющим обеспечить инновационный тип развития.

В современном мире подавление свободного предпринимательства и разрушение необходимых для него институтов уже не обосновывается ссылками на Карла Маркса и его последователей. Глобальный крах марксистского социализма на рубеже 1990-х годов XX века радикально изменил идеологический климат на нашей планете. В то же время реальный социализм, под которым австрийская школа понимает любую систему институционального ограничения или вмешательства по отношению к свободно осуществляемой человеческой деятельности², никуда не делся. И более того, в большинстве стран — выходцев из бывшего СССР он принимает довольно жесткие формы. В частности, в стране, составлявшей оплот советской империи, — России.

В первой части статьи речь идет о подрыве глобальной конкурентоспособности России вследствие ее институциональной деградации: развала прав собственности, верховенства закона и прочих составляющих, без которых не существует устойчиво функционирующей экономики. Во второй части показана

---

² *Уэрта де Сото Х.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. — М., 2008. С. 100.

картина «силового предпринимательства» в России, угнетающего частный бизнес. В заключительной части обращается внимание на то, что австрийская школа обладает необходимым инструментарием для анализа обществ, подобных современному российскому, и успешно это делала и делает.

Глобальная конкурентоспособность: почему Россия проигрывает?

Всемирный экономический форум (ВЭФ) выпустил серию докладов, в которых анализируется и сравнивается по множеству параметров глобальная конкурентоспособность стран³. В качестве одной из основ конкурентоспособности рассматривается состояние институтов. В последнем из докладов⁴ она исследуется на основе оценки 22 параметров. Если в целом по агрегированному показателю конкурентоспособности Россия поставлена на 67-е место в мире (из 144 стран), то по состоянию ее институтов она оказалась на 119-м месте⁵.

Если еще в Докладе 2008–09 Россия занимала по агрегированному показателю предпоследнее место среди пятерки стран (БРИКС), опережая Бразилию и находясь почти на одном уровне с Индией, то начиная с Доклада 2009–10 она уступает Бразилии и все больше отстает от нее (таблица 1). В Докладе 2008–09 отставание России от среднего балла по группе составляло всего лишь 0,07, но уже в Докладе 2012–13 оно достигает величины 0,22 балла. Отклонение от среднего ранга по группе в Докладе 2008–09 равнялось 3, а в Докладе 2012–13 — уже 18.

³ Подробный анализ методологии оценки глобальной конкурентоспособности в докладах ВЭФ дан автором ранее [Заостровцев, 2010].

⁴ Global Competitiveness Report (GCR) 2008-09; 2009-10; 2010-11; 2011-12; 2012-13. World Economic Forum. URL: <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>

⁵ Доклад о глобальной конкурентоспособности 2012–13 охватывает вторую половину 2010-го и первое полугодие 2011 года.

Таблица 1

Ранг страны по индексу глобальной конкурентоспособности и значения индекса в «Докладах о глобальной конкурентоспособности» Всемирного экономического форума (в баллах; низший балл — 1, высший балл — 7)

	08–09		09–10		10–11		11–12		12–13	
	Ранг (134)*	Баллы	Ранг (133)	Баллы	Ранг (139)	Баллы	Ранг (142)	Баллы	Ранг (144)	Баллы
Китай	30	4,70	29	4,74	27	4,84	26	4,90	29	4,83
Бразилия	64	4,13	56	4,23	58	4,28	53	4,32	48	4,40
ЮАР	45	4,41	45	4,34	54	4,32	50	4,34	52	4,37
Индия	50	4,33	49	4,30	51	4,33	56	4,30	59	4,32
Россия	51	4,31	63	4,15	63	4,24	66	4,21	67	4,20
Среднее	48	4,38	48	4,35	51	4,40	50	4,41	51	4,42

* В скобках — количество оцениваемых стран.

Источник: Global Competitiveness Report 2008–09; 2009–10; 2010–11; 2011–12; 2012–13. URL: <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>

На основе рис. 1 легко догадаться, что во многом такому отставанию в деле обеспечения конкурентоспособности экономики Россия обязана своему институциональному провалу.

На базе данных последнего доклада о глобальной конкурентоспособности⁶ рассчитан средний ранг стран БРИКС по разделу «Институты». Он представлен следующими цифрами: Южная Африка (ЮАР) — 54, Китай — 58, Индия — 68, Бразилия — 80 и Россия — 119. По 13 из 22 характеризующих институциональную среду параметров ЮАР занимает верхние 50 мест (от 1 до 50 включительно), следующие 50 мест (от 51 до 100 включительно) — по 4 параметрам и, соответственно, по 5 параметрам она располагается

⁶ Global Competitiveness Report (GCR) 2008-09; 2009-10; 2010-11; 2011-12; 2012-13. World Economic Forum. URL: <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>.

в третьей полусотне (места от 101-го и ниже). Аналогичные распределения мест для других стран выглядят следующим образом: Китай (6, 15, 1), Индия (4, 17, 1), Бразилия (4,12, 6) и Россия (0, 3, 19).

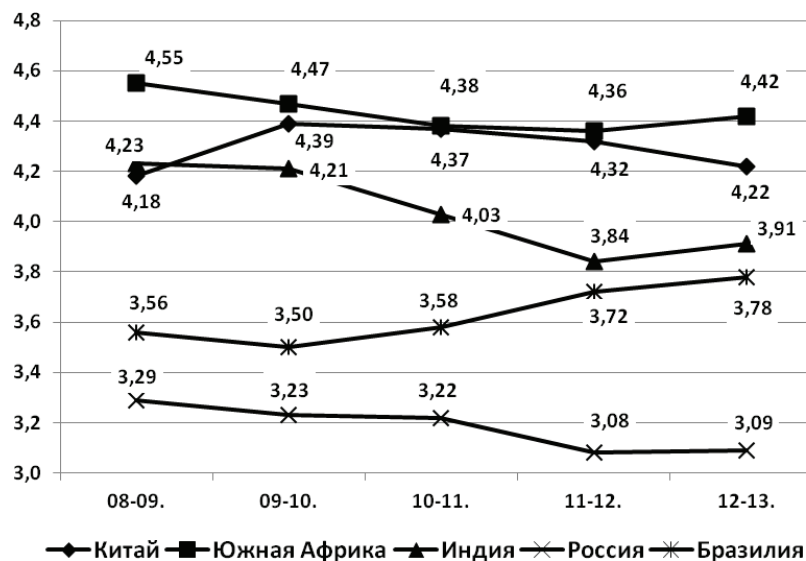

Рис. 1. Оценки состояния институтов в «Докладах о глобальной конкурентоспособности» Всемирного экономического форума (низший балл – 1, высший балл – 7)

Источник: Global Competitiveness Report 2008–09; 2009–10; 2010–11; 2011–12; 2012–13. URL: <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>

ЮАР уступает России только по двум параметрам институциональной среды – издержки бизнеса от преступлений и насилия (134-е место против 90-го у России) и доверие общества (88-е место против 86-го). Бразилия уступает России по 5 параметрам. К издержкам бизнеса от преступлений и насилия (122-е место) добавляются такие как организованная преступность (122-е место против 114-го), бремя государственного регулирования (144-е место против 130-го), растраты государственных расходов (135-е место

сто против 103-го) и, наконец, доверие общества политикам (121-е место против 86-го у России). Индия уступает России по последнему параметру (106-е место). Китай же опережает Россию по всем параметрам институциональной среды без исключения.

На рис. 2 представлено положение дел с пятью важнейшими, на наш взгляд, компонентами институциональной среды в БРИКС. Россия, как видно, уступает по их качеству всем остальным странам из этой когорты. Единственное исключение, о котором уже упоминалось выше, – это бремя государственного регулирования в сравнении с Бразилией.

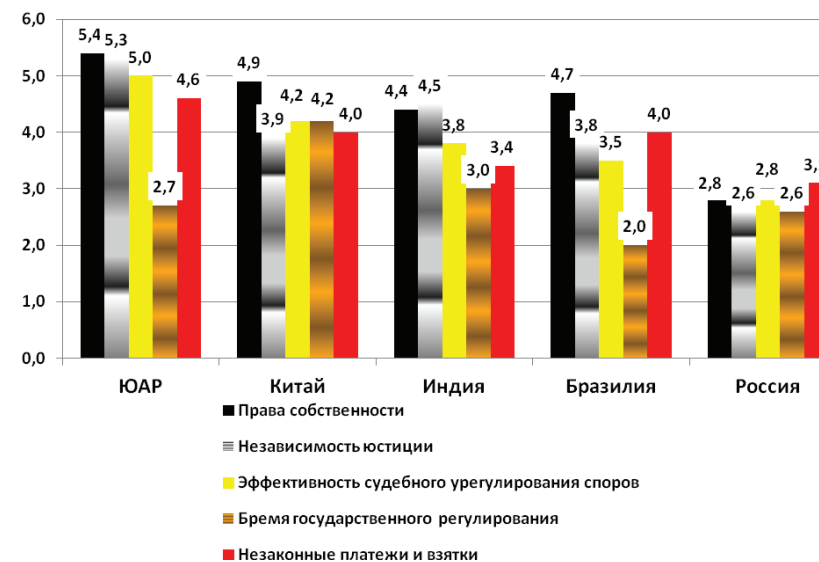

Рис. 2. Оценки состояния ряда параметров институциональной среды БРИКС в «Докладе о глобальной конкурентоспособности 2012–13» Всемирного экономического форума (низший балл – 1, высший балл – 7)

Источник: Global Competitiveness Report 2012–13. URL: <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>

В докладах о глобальной конкурентоспособности выделяются и наиболее проблемные для ведения бизнеса области.

Респонденты отмечают 5 таковых из предложенного им перечня. В итоге получается упорядоченный перечень препятствий. Характерно, что в России первое место заняла коррупция, на втором месте — неэффективность государственной бюрократии. Ни в одной из других стран БРИКС такая картина не наблюдается. Наиболее близко к России расположилась Индия, где аналогичные проблемы оказались в итоге на втором и третьем местах, уступая первое место такой проблеме, как недостаточная обеспеченность инфраструктурой. В ЮАР неэффективность государственной бюрократии занимает третье место, а коррупция — пятое; В Китае эти же проблемы оказались на четвертом и пятом местах, а в Бразилии — на четвертом и седьмом соответственно⁷.

Заметим, что Россия выделяется негативным состоянием государственных институтов и в других исследованиях. Всемирный банк постоянно проводит изучение качества государственного управления по шести показателям: верховенство закона, уровень коррупции, эффективность правительства, качество регулирования, голосование и подотчетность, политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма⁸.

Эти показатели разделены на три группы. В одну группу попадают верховенство закона и уровень коррупции, в другую — эффективность правительства и качество регулирования, в третью, соответственно, оставшиеся показатели. Первая группа по замыслу авторов методики отражает уважение граждан и государства к институтам, которые управляют экономическими и социальными взаимодействиями между ними, вторая относится к способности правительства эффективно формулировать и воплощать последовательную политику, а третья описывает процесс, посредством которого правительства выбираются, контролируются и сменяются.

В отдельных случаях довольно длительное поддержание неплохой конкурентоспособности экономики возможно и при почти полном отсутствии политических свобод. В группе

⁷ Там же.

⁸ Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues//Policy Research Working Paper 5430. The World Bank, September 2010.

БРИКС примером этому является Китай, который постоянно теряет позиции по показателю «голосование и подотчетность»⁹: измеренный в перцентилях он последовательно снижался с 11,5% в 2000 году до 4,7% в 2011-м [Worldwide Governance Indicators (WGI), 2013]¹⁰. Однако без свобод экономических конкурентоспособность страны в любом случае оказывается на невысоком уровне.

Если обратиться к четырем показателям качества государственного управления из первой и второй группы, то вряд ли можно оспорить, что они очень важны для экономической свободы и, следовательно, для конкурентоспособности. Верховенство закона говорит о том, в какой степени люди доверяют и следуют существующим в обществе правилам и в особенности характеризует соблюдение контрактов, прав собственности, работу полиции и судов, а также вероятность преступлений и насилия. Коррупция определяется широко: под ней понимается то, в какой мере власть используется ради частных выгод, включая мелкие и крупные деяния такого рода, а также она включает «захват» государства элитами и частными интересами.

Под качеством регулирования подразумевается способность правительства формулировать и реализовывать последовательную политику и регулирующие меры, которые позволяют развивать частный сектор и оказывать ему содействие. И, наконец, эффективность правительства означает качество общественных услуг; степень, в какой их предоставление не зависит от политического давления; качество формулировок и реализации политики, и кроме того, то, в какой степени можно доверять

⁹ Под ним Д. Кауфман и др. подразумевают как степень, в какой граждане способны участвовать в выборах своего правительства, так и свободу выражения мнения, ассоциаций и средств массовой информации [Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2010]

¹⁰ Другим примером сравнительно высокой конкурентоспособности экономики при явном дефиците политических свобод являются ближневосточные монархии. Например, 11-е место по индексу общей конкурентоспособности занимает Катар, 18-е — Саудовская Аравия, 24-е — ОАЭ [GRE, 2012–13]. Однако их перцентильный ранг по показателю «голосование и подотчетность» очень низок: 20,2; 3,3 и 21,6 [WGI, 2013]

приверженности государства такой политике¹¹.

Сравнивая Россию с остальными странами БРИКС, можно легко убедиться, что наиболее уязвимыми ее позициями являются верховенство закона, коррупция и эффективность правительства (таблица 2). Хотя Россия занимает последнее пятое место по всем четырем названным выше показателям, в случае качества регулирования отрыв от предпоследнего места не так велик.

Таблица 2
Оценки показателей качества государственного управления (2011 год, перцентильный ранг)

	Верховенство закона	Коррупция	Эффективность правительства	Качество регулирования
ЮАР	58,7	59,2	64,9	65,9
Бразилия	55,4	63,0	55,5	55,9
Индия	52,6	35,1	54,5	40,7
Китай	41,8	30,3	60,7	45,5
Россия	25,4	13,3	42,2	38,9

Источник: Worldwide Governance Indicators. World Bank Data// URL: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>

Есть смысл остановиться на российской коррупции, которая, следуя приведенному выше определению, в первую очередь представляет собой захват государства элитой и частными интересами (точнее, частными интересами элиты). Этот захват государства в XXI веке сложился в системообразующее качество российского социума, что нашло формальное отражение в расположении России в близком соседстве от 10% самых коррумпированных государств мира.

¹¹ Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues//Policy Research Working Paper 5430. The World Bank, September 2010.

Рис. 3 многое объясняет в состоянии глобальной конкурентоспособности России. Во-первых, с 2003 по 2009 год коррупция стабильно усиливалась, пока не закрепилась на очень высоком уровне. Небольшой отскок от дна в 2010–2011 годах ничего принципиально не меняет в сложившейся картине. Примерно такая же динамика характерна и для конкурентоспособности в целом (таблица 1).

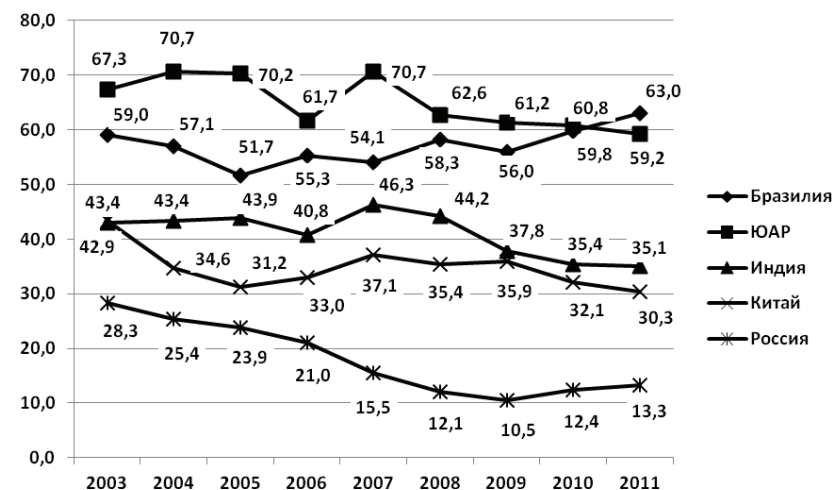

Рис. 3. Уровень коррупции (перцентильный ранг)

Источник: Worldwide Governance Indicators. World Bank Data//URL: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>

Во-вторых, нарастающая коррупция внесла свой очевидный вклад и в разрушение прав собственности. Если обратиться к такому источнику, как оценка состояния этих прав организацией Heritage Foundation (Фонд наследия), составляющей Индекс экономической свободы в мире, то картина выглядела следующим образом. В 1995–2001 годах они получили оценку 50 (высший балл — 100). Затем в период 2002–2008 годов она снизилась до 30. И наконец, начиная с 2009 года она находится на уровне 25¹².

¹² 2013 Index of Economic Freedom. Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/index/downloads>

Что означают эти баллы? Составители Индекса экономической свободы дают следующие характеристики состояния, отвечающего оценке 30: права собственности слабо защищены, судебная система очень неэффективна, коррупция широко распространена и юстиция находится под сильным влиянием других ветвей власти, экспроприация возможна. Оценка на уровне 20 баллов говорит о том, что: частная собственность слабо защищена; судебная система настолько неэффективна и коррумпирована, что стороннее урегулирование споров и арбитраж являются нормой; права собственности трудно реализовать, судебная коррупция широко распространена, а экспроприация — обычное явление¹³.

В специальном исследовании о конкурентоспособности России эксперты ВЭФ объявляют положение с правами собственности и коррупцией первой по значимости из ее ключевых проблем. Они подчеркивают: «Непотизм и захват государственной администрации и юстиции препятствуют эффективности общественных институтов, которые являются ключевыми для функционирования экономики»¹⁴. И далее обобщают: «Без решительного прорыва в улучшении институциональной среды Россия не сможет повысить конкурентоспособность»¹⁵.

То, что именно в радикальном изменении к лучшему институциональной среды кроются огромные резервы для роста конкурентоспособности российской экономики, подтверждает недавнее исследование, в котором было показано, что Россия могла бы продвинуться в составляемом Всемирным банком рейтинге «Ведение бизнеса» на 69 мест вверх (с 112-го на 43-е), если бы не коррупция¹⁶. Однако и в принципе правильные фразы международных экспертов, и расчеты отечественных экономистов вряд ли смогут как-то заинтересовать российские власти. В подходе экономистов-советников почти всегда доминирует тщетная

¹³ Ibid.

¹⁴ The Russia Competitiveness Report 2011/M.D. Hanouse, A. Prazdnichnykh (eds.). World Economic Forum. URL: <http://www.weforum.org/reports/russia-competitiveness-report-2011>.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Беляева Е., Николаенко С.* Воздействие коррупции на развитие бизнеса: эмпирическая оценка // Вопросы экономики, 2013. № 9.

надежда на «благожелательного деспота», который осознает глубину провала и предпримет активные меры по выходу из него.

На самом же деле для российской власти важна прежде всего сама власть, а обладание монополией на нее узким кругом лиц, эксплуатирующим ее в личных интересах, как правило, оказывается просто несовместимым с тем, что эксперты ВЭФ назвали «эффективными общественными институтами». В России к настоящему времени сложился и утвердился такой тип государства, который зарубежные экономисты обычно именуют «хищническим» (*predatory*). В нем заложен мощный потенциал саморазрушения, а не реформирования.

Россия: «экономика опричника»

Национальная специфика российской экономики лучше всего выражает себя в том, что социолог В. Волков назвал «государственным силовым предпринимательством»¹⁷. Пишущие о нем пользуются разными терминами. Например, политолог В. Пастухов говорит о «полицэкономии госкапитализма» и «силовой экономике»¹⁸, юрист Е. Новикова — об «уголовно-правовом способе управления экономикой»¹⁹, а известный бывший федеральный судья С. Пашин — об «опричном способе производства»²⁰.

Согласно Пастухову, «силовая экономика» — это «основанная на государственном рейдерстве система «соучастия» правоохранительных органов в управлении формально независимыми коммерческими структурами всех уровней независимо

¹⁷ *Волков В.В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. — СПб., 2012. С. 331.

¹⁸ *Пастухов В.Б.* Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. — М., 2012. С. 190, 218.

¹⁹ Бизнес в зале суда. Деньги. Власть. Право. Власть. Право. Научный семинар Фонда «Либеральная миссия». 13.09.2011. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5366>.

²⁰ Жирафы, зебры и темные лошади. Блокирующая роль силовых структур и неправого суда на пути модернизационного развития России. — М., 2011. С. 5.

от формы их собственности»²¹. Эта экономика привлекает к себе все большее внимание различных исследователей²².

Приведем некоторые данные о ее масштабах и последствиях. За 2000–2010 годы в связи с предпринимательской деятельностью уголовной репрессии было подвергнуто 15,2% от общего числа субъектов экономической деятельности (коммерческие организации, индивидуальные предприниматели, фермеры) по состоянию на 2010 год. По экспертным оценкам, в настоящее время число находящихся в местах лишения свободы лиц, осужденных в связи с предпринимательской деятельностью, превышает 100 000 человек²³. При этом не менее 15–20% осужденных за преступления в сфере экономики находятся в местах лишения свободы без достаточных к тому оснований, в том числе в связи с возбуждением против них заказных дел²⁴.

В одном из исследований Центра проблем правоприменения в Европейском университете (СПб) было установлено, что лишь 10–15% уголовных дел, возбужденных сотрудниками МВД по экономическим статьям, заканчиваются приговором суда. Даже если предположить, что все осужденные наказаны справедливо, это значит, что на каждого выявленного преступника приходится от 6 до 10 предпринимателей, привлекавшихся к уголовной ответственности²⁵. Этот разрыв может, в частности, служить показателем силового давления на предпринимателей с целью получения неформальных доходов или иных частных выгод.

²¹ Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. — М., 2012. С. 218.

²² Барсукова С.Ю. Государство и бандиты: драма с прологом и эпилогом // Общественные науки и современность. 2013. № 1. С. 16–26; Ореховский П.А. Роль страха в экономическом поведении в настоящее время и после полной победы демократии // Мир России. 2012, № 3. С. 65–79; Яковлев А. Как уменьшить силовое давление на бизнес в России? // Вопросы экономики. 2012, № 11. С. 4–23.

²³ Уголовная политика в сфере экономики: экспертные оценки. — М., 2011. С. 12.

²⁴ Там же. С. 39.

²⁵ Волков В.В., Панеях Э.Л., Титаев К.Д. Произвольная активность правоохранительных органов в сфере борьбы с экономической преступностью. Анализ статистики. — СПб., 2010. С. 3.

В результате мы имеем, во-первых, свертывание предпринимательской активности. В 2010 году количество прекративших деятельность коммерческих организаций составило 45,3% от общего числа зарегистрированных. О том, что это является очевидной тенденцией, свидетельствует динамика этого показателя, который в 2003 году составлял 4,63%, в 2004-м — 8,1% в 2005-м — 9,56%, в 2006-м — 21,39%, в 2007-м — 31,47%, в 2008-м — 37,29%, в 2009 году — 41,75%²⁶.

Во-вторых — явную склонность предпринимателей к эмиграции из страны. Приводятся данные социологических опросов, согласно которым 17% бизнесменов или уже покинули страну, или находятся в состоянии «ползучей эмиграции». И еще 32% предпринимателей не исключают возможность отъезда из страны²⁷.

В-третьих — огромный экономический урон. В 2004–2010 годах объектом уголовного преследования стали предприятия, годовой доход которых составлял от 0,35 до 6,48% ВВП. В результате за последние годы в результате уголовных преследований ежегодно прекращали свою деятельность предприятия, доход которых в среднем составлял около 1,82% ВВП (суммарно 12,75% ВВП за 2004–2010 годы)²⁸.

Расцвет государственного силового предпринимательства в России нашел свое отражение и в Индексе провалившихся государств, который ежегодно публикует организация «Фонд за мир» (Fund for Peace). В целом, согласно последней оценке, Россия заняла место в середине списка (83-е из 178 стран)²⁹. Однако некоторые составляющие общего Индекса указывают на угрожающее положение. Это не только состояние прав человека (8,1), но и аппарата безопасности (8,2), и фракционализация элит (8,0)³⁰. В данном случае обратим внимание только

²⁶ Уголовная политика в сфере экономики: экспертные оценки. — М., 2011. С. 41.

²⁷ Там же. С. 40.

²⁸ Там же. С. 21.

²⁹ В рейтинге провалившихся государств ранги определяются в обратной зависимости от степени провала государства: чем выше место, тем глубже провал.

³⁰ В скобках — баллы: 1 — высший, 10 — низший.

на состояние аппарата безопасности. 8,2 — это на уровне Гаити, Нигера и Узбекистана; на 0,1 хуже, чем в Эфиопии, и на 0,1 лучше, чем в Уганде или Иране.

Государственное силовое предпринимательство за последнее десятилетие превратилось в самый дестабилизирующий экономику фактор. Экономические кризисы, как известно, носят циклический характер, и кроме того, выполняют очистительную роль, ускоряя структурную перестройку экономики. В отличие от кризисов, государственное силовое предпринимательство действует постоянно и, как мы видели, со все возрастающей силой. При этом оно никакого положительного воздействия на экономику не оказывает; напротив, оно, как колоссальный глист-паразит, выедает ее изнутри, превращая прописанные на бумаге нормы правового государства в чисто фиктивные и пустые декларации.

Что сказали бы австрийцы?

Методологическим ключом к пониманию государственного силового предпринимательства может служить австрийская теория социализма. Собственно говоря, социализм и является предпринимательством такого рода. Для экономистов австрийской школы социализм в широком смысле представляется как «институционализированное вмешательство или агрессия против частной собственности и основанных на ней прав»³¹. При этом социализм неверно было бы отождествлять только с теми обществами, которые сами провозглашали себя социалистическими в XX веке. В той или иной мере все общества социалистические³². Все дело в том, какова величина этой меры, в какой степени они агрессивны по отношению к частной собственности.

Подавление прав частной собственности в России в описанных выше формах — не новость для теоретиков австрийской школы. Л. Мизес обращал внимание на страны Южной и Восточной Европы (по всей видимости, речь у него шла о таких странах,

³¹ *Hoppe H.-H. A Theory of Socialism and Capitalism. Boston and etc. Kluwer Academic Publishers, 2010. S. 10.*

³² *Ibid.*

как Венгрия, Румыния, Греция в период между двумя мировыми войнами), общественные системы которых характеризовались многими чертами, наблюдающимися в современной России.

«В такой системе государство обладает неограниченными возможностями разорить любое предприятие или одарить его привилегиями. Успех или неудача каждого дела полностью зависят от произвола должностных лиц. Если бизнесмен не является гражданином могущественной иностранной державы, дипломатические и консульские представительства которой обеспечивают ему защиту, то он оказывается во власти государственных чиновников и правящей партии. Они могут отнять у него всю собственность и заключить его в тюрьму. С другой стороны, они могут обогатить его»³³.

Если бы текст Мизеса был опубликован в нынешних российских изданиях без указания авторства и ссылки на страны Южной и Восточной Европы, то никто и не подумал бы, что приводимые в нем описания отношений государства и бизнеса не относятся к российской действительности. «Государство может использовать любой предлог для конфискации любого завода или магазина. Парламент является марионеткой в руках правителей; суды тенденциозно подобраны»³⁴. А что остается делать бизнесменам в таком социуме?

Мизес пишет, что им остается прибегать лишь к двум средствам: дипломатии и подкупу. В такой враждебной свободе среде бизнесмены, выросшие в условиях более либерального времени, были вынуждены уйти, а на их место пришли авантюристы³⁵. Западноевропейские и американские предприниматели с их привычкой к господству закона и корректности терпят там крах, если только не прибегают к местным посредникам³⁶.

Мизес подчеркивал, что эта система не создает стимулов для технического усовершенствования. «К новым видам про-

³³ *Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. — М., 1993. С. 61.*

³⁴ Там же.

³⁵ Современные экономисты описали бы это термином «негативный отбор» (*adverse selection*).

³⁶ *Мизес Л. фон. Указ. соч.*

изводства приступают, только когда государство предоставляет льготы, которые позволяют надеяться на огромные прибыли»³⁷. Подводя итог, он делает вывод: «Это бюрократизм, выродившийся в рэкет, в организованное вымогательство развращенных политиков»³⁸.

Учитывая то, насколько широко распространены сегодня при описании отношений власти и бизнеса в российском обществе слова «государственный рэкет», то остается только отдать должное тому, кто первым много лет назад увидел склонность к нему бюрократической машины, вырождающейся в огромную преступную организацию и орудующей под именем государства в рамках его институтов.

В принципе, можно утверждать, что австрийцы уже сказали свое слово по поводу сложившейся в России постсоветской системы, когда анализировали последствия социализма. Примером может служить упоминавшаяся в начале данной статьи книга Х. Уэрта де Сото, где им уделяется самое пристальное внимание³⁹. Постараемся кратко указать на некоторые из них, что особо характерны именно для современной российской ситуации.

Оценивая теорию общественного выбора, Уэрта де Сото отмечает, что австрийская концепция предпринимательской активности позволяет прийти к заключению о том, что «принудительная институциональная активность извращена гораздо больше, чем традиционно считала школа общественного выбора»⁴⁰. «Эта школа (теория общественного выбора. — А. З) в целом не обращала внимания на способность руководящего органа, действуя предпринимательно, *создавать* искаженные, разлагающие действия и стратегии, которые являются новыми и более эффективными, чем старые».

В целом такое утверждение относительно теории общественного выбора не бесспорно: достаточно вспомнить представленную в ней концепцию извлечения ренты и политическо-

³⁷ Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 62.

³⁸ Там же.

³⁹ Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. — М.; Челябинск, 2008. С. 138.

⁴⁰ Там же.

го вымогательства Ф. МакЧисни [McChesney, 1997]⁴¹. Однако в данном случае неважно, кто обратил внимание на то, что политик и бюрократ, выступая в роли предпринимателя, часто творит не созидание, а разрушение (отнюдь не созидательное). И чем более развиты их предпринимательские таланты особого рода, тем хуже для экономики и общества. Так, коррупционная активность тоже есть творчество, тоже предполагает накопление неявных знаний, тоже сопровождается «процедурой открытия». Только такое «государственное предпринимательство» ограничивает или даже исключает возможности открытия новых продуктов, способов организации производства, будущих выгод. Это — «извращенное предпринимательство».

Предпринимательская активность людей у власти нацелена на их главную задачу, которая заключается в том, чтобы «удерживать власть», оправдывая свою политику принуждения перед остальными членами общества. При этом «те, кто находится у власти, будут поощрять возникновение привилегированных групп интересов, поддерживающих власть в обмен на выгоды и привилегии, которые она им предоставила»⁴².

В силу того, что социализм подменяет законы как эволюционные институты, складывающиеся на протяжении длительного времени в результате свободного обмена информацией и взаимодействия между людьми, произвольными распоряжениями власти, формально также называемыми законами, то это ведет к деградации традиционных представлений о праве. И кроме того, поскольку человеку выгодно не следовать, а уклоняться от таких законов, то «население в целом начинает оценивать нарушение правил в большей степени как похвальные проявления человеческого хитроумия, достойные подражания и поощрения, чем покушение на систему норм и угрозу для общества»⁴³.

В результате человек накапливает социальный капитал,

⁴¹ О концепции извлечения ренты см.: Заостровцев А.П. Теория общественного выбора: экономический анализ поиска ренты, бюрократии и диктатур. — СПб., 2009. С. 83–89.

⁴² Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. — М.; Челябинск, 2008. С. 138–139.

⁴³ Там же. С. 145.

радикально отличный от того, который пригодился бы ему в условиях свободного предпринимательства. Выше уже шла речь об отборе худших качеств. В этом контексте новозаветное пророчество о том, что последние станут первыми, не сулит ничего хорошего. Человек накапливает навыки, нужные в активности по дележке пирога, а не в работе по его созданию. Однако деление не умножает, а сокращает богатство общества.

Очевидно, что российское «бегство от свободы», проявляющееся в первую очередь в виде разрушения частной собственности и верховенства права, нарастания государственного произвола и насилия, несет с собой деградацию социума. «Если история и может чему-либо научить нас, — писал Мизес, — то только лишь тому, что частная собственность на средства производства есть необходимая предпосылка цивилизации и материального благополучия»⁴⁴. В России, похоже, с каждым годом от этой предпосылки остается все меньше и меньше.

⁴⁴ Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. — М., 1993. С. 154.

Дмитрий Яковлевич Травин¹

ЛОВУШКИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье обращается внимание читателей на то, что модернизация — это естественное состояние экономики, когда одним странам приходится догонять другие. Почему в одних случаях догоняющая страна быстро преодолевает различия и приближается к лидерам, в то время как другие долго не могут достичь поставленных целей и десятилетиями обречены на роль аутсайдера? Автор критикует тех, кто связывает проблему отставания с особенностями национальной культуры. Нет патологически непригодных для модернизации стран. На примере опыта Испании, Германии, Франции и России автор раскрывает феномен «ловушки модернизации», при попадении в которую происходит естественная задержка развития. Причины социального торможения могут быть самыми разными, но одинаковой для таких стран является замена модернизации на имитацию прогресса.

TRAPS MODERNIZATION. The article focus the attention of readers on that modernization is a natural state of economy when one countries should catch up with others. Why, in some

---

¹ Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, руководитель центра исследований модернизации, кандидат экономических наук. E-mail: dtravin61@mail.ru

cases, the catching-up country quickly overcomes the differences and comes nearer to leaders while others, can't reach goals for a long time and are doomed to the role of outsider for decades? The author criticizes those who connects a lag problem with features of national culture. There are no pathologically unsuitable countries for modernization. The author, on the example of experience of Spain, Germany, France and Russia reveals the phenomenon of "modernization traps", having got in which, there is a natural delay of development. The reasons of social slowdown can be very different, but the replacement of modernization on progress imitation in such countries is identical.

При изучении процесса модернизации мы постоянно сталкиваемся с тем, что отстающим странам приходится догонять страны, ушедшие вперед. В связи с этим даже появился термин «догоняющая модернизация». Однако, как показывает исторический опыт, в некоторых случаях такая модернизация бывает успешной, тогда как в других отстающая страна не может догнать или даже приблизиться к лидерам на протяжении десятилетий и даже столетий.

Для объяснения этого феномена используются прямо противоположные подходы. Одна группа исследователей утверждает, что существует зависимость модернизации от культуры, а значит, могут быть национальные культуры, пригодные и непригодные для развития. Те, кто не может догнать лидеров по самой своей культуре, принадлежат к числу отстающих. По сути дела, они безнадежны.

Другая группа ученых полагает, что длительное отставание является следствием неправильных институтов. Если страна догоняющей модернизации проводит преобразования и меняет консервативные институты на прогрессивные, она добивается успеха. Если же пытается догонять со старой системой институтов (например, такой, в которой «хищники» могут легко захватывать и присваивать чужую собственность), то модернизация проваливается.

С нашей точки зрения, в некоторых случаях верным является первый подход (хотя сегодня прослеживается общая склонность сильно преувеличивать значение культуры), в некоторых — второй. Мы в данной статье остановимся только на анализе проблемы институтов. Необходимость совершенствования институтов не вызывает сомнения. Однако возникает вопрос: существуют ли объективные причины, по которым одним странам удается их трансформировать, а другим — нет? Является ли отсутствие реформ всего лишь причиной глупости реформаторов и косности народа, нуждающегося в просвещении, или же картина догоняющей модернизации выглядит сложнее?

На наш взгляд сложности, возникающие с трансформацией институтов, в ряде случаев объективно обусловлены спецификой исторического пути данной страны, или, по выражению А. Аузана, спецификой колеи, в которую она попала. Движение в колее может на протяжении длительного промежутка времени быть оптимальным для представителей доминирующих групп интересов, но при этом тормозить модернизацию в глобальном смысле. Для того чтобы разобраться в данном вопросе, целесообразно ввести понятие «ловушка модернизации».

Что такое «ловушка модернизации»

Что же представляет собой ловушка? Допустим, наша страна подходит к некоему ответственному рубежу, когда нужно осуществить реформы. Мы знаем, как осуществляли их страны, стоящие на верхних ступенях лестницы модернизации. Мы представляем, в каком направлении надо идти. Мы знаем, какие ресурсы следует задействовать для того, чтобы добиться успеха... Но увы, не имеем соответствующих ресурсов. Мы в силу зависимости от исторического пути не можем осуществить реформу так, как это было сделано в наиболее привлекательных для нас вариантах, известных из книг или иных источников.

Как поступить? Остановиться и подождать? Застой — весьма частое явление на пути модернизации, но он, как ни выжидай, не обеспечит нас искомыми ресурсами. А самое главное —

застой не может длиться вечно. Решение о том, как осуществлять развитие, все равно рано или поздно приходится принимать.

И вот вдруг, когда общество созревает для решения, выясняется, что страна богата другими ресурсами. Перед реформаторами встает дилемма. Затянешь с модернизацией — проиграешь конкурентную борьбу и в худшем случае проиграешь войну, которую навяжет тебе удачливый соперник. А если задействуешь иные, нежели этот соперник, ресурсы, то двинешься вперед с определенным шансом на успех. Понятно, что выбирается последний вариант и начинается движение вперед, в неясном направлении с не вполне ясными перспективами успеха. Образно выражаясь, река течет туда, куда ведет ее рельеф местности, хотя, возможно, для того чтобы выйти к морю, ей придется сделать огромный крюк.

Более того — в реальной жизни ситуация, как правило, осложняется тем, что решения не принимаются каким-то одним Великим Преобразователем на основе взвешенного рационального подхода. Решения в каждый данный момент вытекают из сложной системы взаимоотношений различных групп, имеющих свои интересы. Одни желают сохранить жизненный уровень, другие — нажиться, третьи — завоевать соседние страны, четвертые — предотвратить распад национальной культуры, пятые — спасти душу на Страшном суде, шестые — преобразить сей мир в свете разделяемой ими идеологии...

Это даже не классовое деление по Марксу. Это гораздо более сложная картина действительности. И управлять этой действительностью невозможно. Она преобразуется в том направлении, в каком ее двинет самая сильная группа интересов, задействовав для этого именно те ресурсы, которые есть в наличии.

Так мы попадаем в ловушку модернизации. Идем не туда, куда надо, а туда, куда получается. И, возможно, удлиняем свой путь. То есть отстаем не просто потому, что демонстрационный эффект с запозданием доходит до нашей периферии, но и потому, что получив вызов, «нормальные герои всегда идут в обход», как говорилось в популярном советском фильме. Все это довольно сложно, а потому нуждается в иллюстрациях. Проиллюстрируем вышесказанное несколькими историческими примерами.

Испанская ловушка, или ресурсное проклятие

После открытия Америки и обретения Испанией огромных колониальных территорий эта страна, недавно еще столь бедная ресурсами, внезапно разбогатела. Серебряные рудники, особенно находившиеся в Боливии, стали поставлять Испании большой объем драгоценного металла. Эта история хорошо известна и в частности, была профессионально исследована Егором Гайдаром в книге «Гибель империи», однако есть один важный аспект, на который обычно мало обращают внимание. Испания не просто разбогатела и благодаря богатству перестала развиваться. Испания искала за океаном ресурсы для осуществления модернизации (в том смысле, который мог бы на рубеже XV–XVI столетий вкладываться в это понятие, если бы оно тогда существовало) и найдя их, пошла к цели кратчайшим (наипростейшим) путем, который оказался для нее губителен.

Ресурсы в ту эпоху были нужны для того, чтобы модернизировать вооруженные силы, т. е. выстроить их на новых основах, не зависящих от сложной системы феодальных отношений «сеньор — вассал». Лидерами модернизации тогда могли считаться итальянские города-государства, которые благодаря бурному развитию ремесла и торговли обладали значительными финансовыми ресурсами и использовали их, в частности, на построение эффективной армии. В основе такой армии лежали два принципиальных момента. Во-первых, войска были наемными, а не вассальными, т. е. люди служили за деньги, которые им платили по факту службы, а не за землю, полученную от сеньора под обязательства будущей службы. Во-вторых, войска широко использовали дорогостоящее огнестрельное оружие.

Построить приличную по тем временам армию можно было только при наличии большого объема денег, а государства, не имевшие сильных городов, не имели, соответственно, и финансовых ресурсов. Иными словами, до появления американских серебряных рудников Испания, хорошо знакомая с передовыми военными технологиями итальянских городов-государств, не могла напрямую заимствовать этот опыт, поскольку имела чрезвычайно

ограниченную доходную базу, поставляя на европейский рынок практически одну лишь необработанную шерсть.

Важно понимать, что ресурсное богатство «свалилось на голову» испанским королям именно в такой ситуации. Поскольку позиции государства раннего Нового времени зависели в первую очередь от модернизации армии, а не экономики, естественной реакцией Испании стали максимальное расширение и качественная трансформация вооруженных сил. Все ресурсы, которые поставляла Америка, были пущены именно на эти цели. Теоретически можно себе представить, чтобы испанцы просчитали все неочевидные последствия данной операции, но на практике, конечно, такого рода расчетов не осуществлялось.

В итоге значительное увеличение денежной массы в Испании обусловило увеличение платежеспособного спроса, однако отечественная экономика не могла его удовлетворить. Все государства Европы стали «соревноваться»: кто больше заработает испанских денег. Кто-то поставлял товары, а кто-то наемников, и в результате деньги уходили за рубеж, причем по мере возрастания амбиций испанской короны бюджет стал испытывать хронический дефицит, что неоднократно оборачивалось дефолтом. Самая богатая страна Европы именно благодаря своему богатству стала в итоге самым большим должником.

В дальнейшем на протяжении нескольких столетий Испания не могла подняться, что породило, естественно, объяснение проблемы с позиций специфики национальной культуры. Во Франции стали говорить о природной испанской лени, а в самой Испании — о величии католической державы, которая защищает веру в бога, не размениваясь на всякие мелочи вроде экономики.

Для сравнения заметим, что другие европейские государства (в первую очередь Франция), не имея «свалившихся с неба» ресурсов для модернизации армии, вынуждены были пойти иным, нежели Испания, путем. Они формировали государственную бюрократию для взимания налогов с широких масс населения, что (при определенных минусах бюрократизации) позволило сформировать современное эффективно функционирующее государство, а за ним — и армию.

Испания же долго оставалась в ловушке, пытаясь догнать модернизирующихся соседей, но делала это не слишком успешно. В системе групповых интересов там явно доминировали интересы армии и церкви, тогда как, скажем, в бюрократизирующейся Франции наряду с аристократией шпаги поднималась так называемая аристократия мантии — чиновничество, от которого зависела судьба страны. Интересы бизнеса в XVI веке представляли высокоразвитые города испанских Нидерландов, однако ради армии и церкви их сделали дойной коровой, что обусловило нидерландскую революцию. В итоге голландские города отделились от империи, а фламандские зачахли. Ловушка захлопнулась.

Выбраться из ловушки Испании удалось лишь во второй половине XX века, когда демонстрационный эффект, порожденный успехами соседних стран, стал явно доминировать над зависимостью от исторического пути.

Французская ловушка, или революции вместо демократии

Ловушка, в которую в конце XVIII века попала Франция, не имела никакого отношения к проблеме природных ресурсов. Как отмечалось выше, эта страна стала первой в Европе, где сформировалось мощное бюрократическое государство, способное собирать налоги, необходимые для содержания армии. Однако во второй половине XVIII века военные расходы Франции значительно превысили ее финансовые возможности. Образовался большой государственный долг, обслуживать который становилось практически невозможно.

Объявить о банкротстве по примеру Испании XVI века Франция не могла, поскольку в XVIII столетии кредиторами короны были уже не отдельные иностранные банки, «кинуть» которые удалось бы без особых проблем, а широкий круг отечественных рантье. Интересами таких кредиторов нельзя было пренебречь. Потенциальным спасением могла бы стать налоговая реформа, переносившая часть бремени на дворянство, традиционно освобождавшееся от платежей в казну. Однако такого рода

преобразования нанесли бы удар по социальной базе монархии, причем не менее сильный, чем дефолт. Таким образом, Франция Людовика XVI попала в жесткую зависимость от проложенного еще при кардинале Ришелье исторического пути, на котором для поддержания величия державы требовалось выкачивать деньги из налогоплательщиков.

Король решил посоветоваться с обществом и собрал Генеральные Штаты, которыми французские монархи пренебрегали около двух столетий. Однако представители элиты раскошелиться не захотели и вместо этого потребовали свобод. Демонстрационный эффект, создававшийся двумя передовыми соседними государствами — Англией и Голландией, — породил стремление французской элиты к коренной трансформации устаревшего абсолютизма.

Но вместо мягких реформ имела место кровавая революция, в которой зависимость от исторического пути пришла в острое противоречие с демонстрационным эффектом. Элиты оказались неспособны повести страну по пути парламентаризма, поскольку государство рухнуло под бременем нерешенных финансовых проблем. Слабость государства обусловила гиперинфляцию, принудительные займы и жесткое экономическое администрирование. Тем не менее «силового ресурса» революции хватило для того, чтобы двинуть страну по пути модернизации с такими колоссальными издержками, которых не было у Англии и Голландии.

На протяжении почти столетия (с 1789 по 1870 год) Франция проходила через своеобразные циклы: революция — развал государства — авторитарная стабилизация — экономический подъем — новая революция. Такой путь был совершенно не похож на поступательное английское развитие. И это при том, что Англия постоянно оставалась желанным образцом для французских элит.

Цикличность столетнего развития стала своеобразной ловушкой, в которую угодила Франция, предприняв решительные модернизационные усилия, но не имея тех исходных условий, которые были у Англии и Голландии. Франция после Великой революции и наполеоновского правления оказалась расколотой страной. Элиты, разделенные на четыре идеологических направ-

ления, не могли примирить свои противоречия парламентскими методами.

Формирование каждого из четырех доминировавших идеологических направлений являлось результатом исторического пути. Точнее — того бурного революционного периода, который ломал страну «через колено», пытаясь отвергнуть прошлое, но сам при этом в прошлое уходить не желал. Поясним: за умы французов боролись легитимисты (сторонники восстановления на престоле династии Бурбонов), орлеанисты (сторонники Луи-Филиппа, который правил с 1830 по 1848 год), бонапартисты (стремившиеся утвердить династию Наполеона) и республиканцы (желавшие трансформации монархии в республику). Успеха в борьбе за власть по очереди добивались то одни, то другие, причем, поскольку каждое течение в определенный момент явно доминировало, оно не желало вступать в переговоры и действовало по принципу «победитель получает все».

Была ли столь бурная жизнь следствием особой революционной французской культуры? В XIX веке многие полагали, что именно так. У французов кровь кипит от вина, тогда как у англичан стынет от любимого ими чая: отсюда и разница.

Однако после Парижской коммуны никакие политические кризисы не приводили больше к революциям. Обстоятельства изменились качественным образом. Экономическое развитие привело к формированию широкого класса обеспеченных буржуа, которым было что терять в ходе революций, а потому они больше не поддавались ни на какие провокации радикальных элементов (типа студенческих протестов 1968 года). Справедливости ради надо, наверное, сказать, что в маргинальных слоях французского населения сформировалась устойчивая революционная культура, которой нет даже среди узкого круга радикалов в Англии или Скандинавии. Но это все же частности, не влиявшие в XX веке на модернизацию.

В целом же можно сказать, что Франция долго не могла выйти из ловушки, в которую завел ее специфический исторический путь. Однако с того момента, когда элита, реагирующая на демонстрационный эффект, стала достаточно сильна, проблемы зависимости от исторического пути были преодолены.

Германская ловушка, или искусство подчиняться

Если типичный культурный миф о французах утверждает, что они, мол, вечные бунтари, то типичный культурный миф о немцах говорит, что они, мол, склонны всегда подчиняться авторитарной власти. Немецкий миф, как и французский, полностью рухнул. Только применительно к Германии это произошло позже — после Второй мировой войны, когда немцы построили одну из наиболее эффективно функционирующих в мире демократий.

Уйдя в анализе германской специфики как можно глубже в историю, мы обнаружим, что в Средние века немецкие города были одними из наиболее свободных в Европе. По масштабу достигнутых вольностей они уступали только городам-государствам Северной Италии и, возможно, городам Фландрии. Французские и английские бюргеры не имели тех прав, которыми обладали немцы. Впрочем, с культурой это никак не связано.

По ряду причин в германской империи не сложилось сильной централизованной власти, желающей и умеющей подавлять города, чтобы облагать их тяжким налоговым бременем, необходимым, как мы видели выше, для построения эффективной наемной армии, вооруженной огнестрельным оружием. Соответственно, особенности исторического пути в средневековье предоставляли немцам своеобразную «фору» при продвижении к демократии. Однако дальнейшие перипетии этого пути кардинальным образом изменили ситуацию.

Некоторые исследователи полагают, что склонность немцев к порядку и страх перед всякой анархией сформировались после Тридцатилетней войны (1618–1648 годы), которая прокатилась именно по германским землям и унесла столь большое число жизней, какое раньше не уносила ни одна европейская война. Впрочем, проверить этот тезис научными методами вряд ли возможно.

Достоверно известно, что склонность немцев к демократизации проявилась в ходе революции 1848 года, хотя она, бесспорно, в Германии прошла не столь масштабно, как во Франции. Непосредственным образом в авторитарную ловушку Германия

угодила в 70-х годах XIX столетия после формирования единой империи.

Поворотным моментом, как ни покажется это странно, стало появление трансокеанских перевозок сельскохозяйственной продукции. Мы видели раньше, что трансокеанские поставки драгоценных металлов выстроили ловушку для Испании XVI столетия. Германия попала в похожую ситуацию, только она экономически не выиграла, а проиграла в связи с возникновением новых товарных потоков.

До определенного момента германские земли были крупнейшими экспортёрами сельскохозяйственной продукции в Европе. Юнкеры, наживавшиеся на производстве зерна, и крестьяне, специализировавшиеся на мясе, являлись сторонниками свободной торговли. Они по понятным причинам не хотели, чтобы соседние страны загоразивались высокими таможенными пошлинами. Консервативные аграрии поддерживали национал-либералов (основную партию интеллигенции), и этот альянс вполне устраивал такого тонкого политика, как Отто фон Бисмарк.

Однако в 70-е годы XIX столетия объективно складывавшиеся в стране обстоятельства нанесли по этому альянсу страшный удар. Либералы перестали быть популярны, поскольку в ходе кризиса 1873 года множество мелких инвесторов потеряли свои деньги и захотели госрегулирования, защищающего от стихии рынка. А аграрии перестали быть либеральны, поскольку американская и австралийская пшеница наряду с аргентинской говядиной оказались благодаря недорогим трансокеанским перевозкам дешевле продукции германского сельского хозяйства. Аграрии мигом забыли про свободу торговли и потребовали протекционизма, что вполне корреспондировало с общими государственно-экономическими стремлениями.

К этому следует добавить, что Бисмарку пришлось решать еще и проблему быстро усиливавшейся германской социал-демократии. Чтобы удержать рабочих от сползания к революционным настроениям, железный канцлер создал первую в мире государственную систему социального страхования. Рабочим это понравилось. Таким образом, Бисмарку удалось породить в обществе сильные авторитарно-патерналистские настроения.

Это позволило до поры до времени маргинализировать национал-либералов и социал-демократов, желавших свобод. Аграрии сохраняли свои прибыли, промышленники получали крупные военные заказы, а рабочие радовались соцстраху, не догадываясь, что в странах со свободной торговлей продовольствие дешевле. Все эти слои населения Бисмарк привлек к поддержанию своего консервативного альянса «стали и ржи».

Мало кто понимал в Германии тех лет, зачем вообще нужна демократия, если и так все хорошо. Во внутренней жизни страны реальная политика Бисмарка, основывающаяся не на высоких идеях, а на практических интересах, оказалась столь же успешной, как и во внешней. Правда, лишь в краткосрочном плане. Когда по итогам Первой мировой войны все вдруг стало плохо, авторитаризм мигом развалился вместе с империей. Общество предъявило спрос на демократию, полагая ее, очевидно, панацеей от всех внезапно свалившихся на страну бед. Демонстрационный эффект вступил в схватку с зависимостью от исторического пути. Ведь победили-то немцев в войне главные демократии Европы, и это настраивало новые поколения германской общественности на новый лад.

Однако в силу объективных и субъективных причин демонстрационный эффект демократии в 20-х годах XX века не сработал. Во-первых, западные «демократы» быстро скомпрометировали себя, чрезвычайно жестко обойдясь с немцами и потребовав от них немислимой величины репараций. Во-вторых, репарации и слабость государства породили гиперинфляцию, а с ней — полную дезорганизацию жизни, в результате чего стала возникать тоска по жесткой руке. В-третьих, едва успев выйти из состояния гиперинфляции, Германия погрузилась в Великую депрессию, в результате чего тоска по жесткой руке трансформировалась в голоса, поданные за Гитлера.

Все это были конкретные исторические обстоятельства, а вовсе не проявление особой германской культуры. Данные обстоятельства ослабили модернизационные элиты, ориентирующиеся на демонстрационный эффект, порожденный успехами западных демократий. Они усилили консервативную часть общества, мифологизировавшую «благословенные времена» автори-

тарного правления кайзера. В итоге второй рейх трансформировался в третий.

Специфика германской ловушки состояла в том, что авторитарными методами в определенных исторических обстоятельствах оказалось легче продвинуться вперед, нежели демократическими, причем для выбора авторитаризма не потребовалось даже нескольких революций французского образца. Выбраться из ловушки удалось лишь после того, как итоги Второй мировой войны наглядно продемонстрировали немцам трагические последствия их выбора.

Российская ловушка, или земля вместо денег

Теперь, рассмотрев, как попадали в ловушки модернизации ведущие европейские страны, мы можем обратиться к опыту России, и он не будет выглядеть какой-то особой восточной дикостью. Наша страна имела свою собственную ловушку, определяемую особенностями нашего исторического пути, но в целом попадание в такого рода ловушки является общей чертой различных стран.

Периферийность российского положения в Европе и длительность разрушительных татарских набегов определяли трудности развития экономики Московии в средние века и в начале Нового времени. Мы мало что могли экспортировать на Запад и, соответственно, имели незначительную экспортную выручку. К тому времени, когда потребовалось трансформировать феодальную военную организацию и выстраивать армию, способную воевать с поляками и шведами, московское государство не имело денежных ресурсов, которые можно было бы пустить на формирование наемных контингентов. В отличие от богатых итальянских городов, мы не имели собственных торговых доходов. В отличие от Испании, мы не имели заморских серебряных рудников. В отличие от Франции, мы не нашли возможности сформировать бюрократическую систему, способную выколачивать налоги из населения. И самое главное — мы были далеки от крупных центров европейского кредита, где можно было бы

позаимствовать деньги для построения армии. Даже такие окраинные европейские государства, как Польша и Швеция, прибегали к кредиту немецких ганзейских городов, но для Москвы этот источник денег не существовал.

Единственным ресурсом, которым со времен Ивана III московские государи обладали в достаточном объеме, была земля. Раздача земель за службу практиковалась и раньше, но с момента вступления на престол Ивана III до 30-х годов XVI века территория государства выросла более чем в шесть раз. Соответственно, выросли возможности раздач отдельных участков. «Дворяне наравне с детьми боярскими получали от великого князя во временное владение поместья, — отмечает исследователь русской армии Владимир Волков, — а в военное время выступали с ним или его воеводами в походы, являясь его ближайшими военными слугами. Стремясь сохранить кадры дворянского ополчения, правительство ограничивало их уход со службы». При этом кроме великокняжеских слуг в армию принимались послужилцы из распущенных по разным причинам московских боярских дворов (в том числе холопы и дворяне).

В результате армия стала преимущественно поместной. Она обеспечила быстрое увеличение численности войска и сравнительно успешные боевые действия при столкновении с относительно слабым противником, не перестроившим военную систему в соответствии с западноевропейскими стандартами: Казанским и Астраханским ханствами, Ливонским орденом, Литвой.

Крупнейшие конфискации земель Иван III осуществил после покорения Новгорода. Во-первых, новгородские бояре были депортированы в другие регионы страны, а их земли предоставили на правах условного держания (за службу) многочисленным дворянам. Во-вторых, конфискации подверглись владычные и монастырские вотчины, также поступившие в поместную раздачу.

С той территории, с которой раньше кормился один крупный вотчинник, теперь могло существовать множество людей. Это было чрезвычайно важно для построения армии. Причем совсем не потому, как полагают порой, что старая безусловная «частная собственность» заменялась теперь на условную. Поместная система не была механизмом разрушения частной соб-

ственности, поскольку таковой в современном понимании слова (независимой от власти) тогда не существовало. Известный историк Владимир Кобрин справедливо отмечал, что служить государю обязан был и вотчинник, и помещик. Отличие вотчины от поместья состояло лишь в том, что последнее нельзя было продать или отдать в монастырь.

Для построения крупной боеспособной армии важно было не изменить принципиально право владения землей, а усреднить размеры наделов. В. Кобрин прекрасно разъяснил, в чем состояли преимущества «опоры на средний класс»: «При вотчинной системе все время шел процесс “расслоения” вотчинников: богатые все богатели, а бедные — беднели. Шла поляризация размеров земельной собственности. Но этот процесс не мог не сказаться отрицательно на боеспособности войска: у мельчайших вотчинников зачастую не хватало средств, чтобы самим выйти на службу, зато крупные, “ленивые богатины”, как с ненавистью называл их публицист XVI века Иван Пересветов, даже при точном выполнении своих обязанностей выводили в поле лишь военных холопов, а не самостоятельных воинов. В интересах службы было усреднение размеров земельной собственности. Именно этого результата достигли при массовом испомещении».

Чем быстрее росло московское войско, тем больше требовалось земель для содержания воинов. Помимо боярских новгородских земель использовались дворцовые тверские. Важнейшим источником помещичьих наделов постепенно становились западные русские территории, которые Москва захватывала в ходе войны с Литвой. Оттуда тоже отселялись местные землевладельцы. Им приходилось отправляться в центральные районы страны. Наконец, немаловажную роль для формирования помещичьего войска играли и плодородные южные земли, которые долгое время вообще находились в запустении по причине бесконечных татарских набегов. Однако по мере того, как на южных рубежах выстраивались города-крепости и формировалась засечная линия, препятствующая быстрому продвижению конницы, эти земли вовлекались в оборот и становились источником прокорма многочисленных помещиков.

Рынок и бюрократия в военном деле

Словом, для выстраивания крупного поместного войска в Московии имелись достаточные условия. По оценке В. Волкова, его численность в XVI веке формально составляла вместе с боявыми холопами порядка 50 тысяч человек. Однако на практике оплата службы с помощью земельных раздач имела существенные недостатки, подрывавшие боеспособность армии в сравнении с той, которую на западе обеспечивали королям наемники.

Главной бедой русского поместного войска стало «нетство» (неявка на службу) дворян и детей боярских, а также бегство их из полков. «Во время затяжных войн, — отмечает В. Волков, — владелец поместья, вынужденный бросать хозяйство по первому же приказу властей, поднимался на службу, как правило, без большой охоты, а при первом же удобном случае старался уклониться от выполнения своего долга». Причем чем дольше тянулась война и чем сложнее для государства она становилась, тем больше была вероятность неисправной службы помещиков. Ведь именно в подобной ситуации их брошенное хозяйство приходило в особое запустение. В частности, Ливонская война при Иване Грозном обернулась массовым «нетством» помещиков, и это, помимо всего прочего, обусловило для Московии ее столь печальный итог.

Конечно, правительство предпринимало меры для розыска и наказания виновных. Оно вполне могло отнять землю у одного помещика и передать ее другому. Применять теперь дисциплинарные меры в отношении отдельных помещиков было значительно легче, чем раньше в отношении удельных князей, обладавших собственной воинской силой. И в этом смысле поместное войско было эффективнее феодального. Однако для всеобъемлющего учета и контроля всегда требуется мощный бюрократический аппарат. Его в XV–XVI столетиях быть на Руси не могло. Да и на западе его не имелось. Поэтому технически, понятно, гораздо проще было платить наемнику деньгами за «сделанную работу», чем платить землей помещику авансом (до того, как он реально отправится на поле боя), а потом отнимать выпла-

ченное в случае плохого выполнения своих обязанностей. В этом смысле наемничество оказывалось значительно эффективнее.

Кроме того, при неявке на службу по уважительным причинам (например, потому, что реально выделенный убогий надел не мог прокормить помещика) требовалось не наказывать виновного, а наоборот, улучшать его содержание. Но отличить объективные причины невыполнения государственных заданий от субъективных не мог, как известно, даже бюрократический аппарат планового хозяйства XX века. Слишком сильно влияли на решение вопроса отсутствие достаточной информации, коррупция проверяющих и т. д. Понятно, что в XV–XVI веках снять проблему «нетства» тем более было невозможно. В наемных же войсках на западе каждый солдат сам стремился явиться на службу, поскольку в противном случае автоматически не получал платы. По сути дела, мы здесь видим соотношение двух механизмов функционирования «военного производства» — рыночного и бюрократического. Понятно, что рыночный механизм работал эффективнее.

Чрезвычайно серьезной проблемой экономики поместного войска становилась справедливость при наделении земель. При оплате наемников деньги имеют одинаковую ценность. При вознаграждении помещиков выходит по-иному. Земельные участки одного и того же размера различны по плодородию и по местоположению. Одни, соответственно, дают большой урожай и скрыты от набегов, тогда как другие приносят мало плодов и расположены, скажем, в областях, через которые приходят на Русь татары, грабящие и разоряющие все на своем пути.

Другим аспектом той же проблемы являлась неравномерность поступления земель в «земельный фонд государства». «Первоначально размеры “дач” были значительными, — отмечает В. Волков, — но с увеличением численности служилых людей «по отечеству» они стали заметно сокращаться. В конце XVI века получали распространение случаи, когда помещик владел землей в несколько раз меньше своего оклада». Такой бедолага получал послабление по службе. Он использовался, как правило, не для дальних походов, а для сидения в гарнизонах. Совсем обедневший помещик мог быть полностью списан.

Понятно, что нехватка ресурсов была серьезной проблемой и при оплате услуг наемников, однако в этом случае у западных монархов сохранялась возможность финансового маневра — послать деньги туда, где в данный момент важнее всего осуществить выплаты. Иначе говоря, механизм финансирования наемной армии с помощью денег создавал возможность стимулирования именно тех солдат, от которых в данный момент больше всего зависел военный успех. А механизм финансирования поместной армии с помощью земельных дач никак не корреспондировал с текущей ситуацией на фронтах.

Трудно было при поместной системе разбираться с ранеными в боях ветеранами. Если дети их были малы для несения службы, то старикам приходилось долго тянуть ляжку за свой надел. Известен случай одного страдальца, которого освободили от службы, только выяснив, что у него рука перебита саблей, ухо отсечено, щека продырявлена пулей и зубы выбиты. Да и то ему пришлось выставлять на войну даточного человека до наступления совершеннолетия сыновей.

Тем не менее при всех недостатках поместной системы трансформировать институты и энергично двинуться по пути формирования наемных войск не удавалось. «Товарное хозяйство в XV–XVI веках было еще слабым, денег было мало, — отмечал В. Кобрин. — Поэтому обеспечить воинов денежным жалованием было просто невозможно. Единственным способом вознаграждения за службу была раздача земель с крестьянами».

Многочисленные попытки создать «квaziнаемников» имелись, но к кардинальным переменам это не приводило.

В 1550 году появились стрельцы. Для их содержания с населения собирали специальные «стрелецкие деньги». В итоге три тысячи человек, получавших жалование 4 рубля в год, составили постоянный московский гарнизон. Однако эти войска мало походили на западных наемников. Стрелец должен был построить свой дом, завести хозяйство, разбить сад, огород. Хлеб выдавался ему из казны (очевидно, при общей слабости денежного хозяйства проще было выдавать зарплату зерном, чем деньгами). Только так получалось сводить концы с концами. Кроме того, стрелецкая служба (вместе с домом и огородом) становилась на-

следственной. Понятно, что сын солдата не обязательно сам становится хорошим бойцом. Однако на востоке Европы не формировалось рынка профессиональных военных, на котором можно было бы, как в западных странах, отбирать при наличии достаточного объема денег лучше обученные и наиболее боеспособные отряды. В итоге «ружье» вынужденно передавалось по наследству.

Еще одним квазинаемным отрядом московской армии постепенно становились казаки. Формировались они, понятно, сами по себе, т. е. не по приказу сверху, поскольку представляли собой в основном потомков крестьян, переселявшихся на юг и юго-восток. Однако Москва быстро поняла, что благожелательно настроенные казаки могут быть использованы в военных целях, тогда как неблагоприятно настроенные представляют собой страшную разрушительную силу. Поэтому сразу же после окончания Смутного времени (в 1613 году) казакам стали посылать регулярное жалование, которое, понятно, не освобождало их от необходимости иметь иные доходы. В итоге казаки, наряду со стрельцами, сочетали боевую подготовку с мирным трудом.

К концу XVI — началу XVII века по разным оценкам в Московии имелось от 10 до 20 тысяч стрельцов и порядка 5–6 тысяч донских казаков. Скорее всего, они в совокупности составляли не больше половины от величины поместной армии, остававшейся основой московского войска. Понятно, что более высокое денежное содержание отдельных стрельцов, способное превратить их в настоящих наемников, автоматически сократило бы общую (и без того невысокую) численность данного контингента.

Первую настоящую попытку создания в русской армии подразделений, обученных по европейскому военному образцу, предпринял лишь в 1609 году блестящий полководец Михаил Скопин-Шуйский. Шведский наставник обучал войско, составленное в основном из крестьян.

Первые профессиональные полки появились лишь в 1631 году — полвека спустя после урока, полученного от Батория. Однако после окончания очередной войны с поляками они были в основном распущены, а служивших там иноземцев (средних и старших офицеров) выслали из России. «Видимо, сыграли

свою роль финансовые причины, — отмечает В. Волков, — и правительство решило сэкономить казенные средства. Однако преимущества новых частей по сравнению со стрелецкими были настолько очевидны, что в ближайшие годы правительство возобновило организацию полков «нового строя».

Тем не менее, поскольку финансовые проблемы не рассосались, Россия в дальнейшем на протяжении почти всего XVII столетия не слишком успешно пыталась совместить профессиональную службу солдат с самокупаемостью. Например, крестьян с южных рубежей страны записывали в драгуны без отрыва от производства. В своей деревне они худо-бедно выполняли «гражданский долг», но когда их посылали в отдаленные города или в походы, служба становилась непосильной. «Чтобы облегчить службу, — отмечает В. Волков, — драгунам приходилось сдавать часть ее (треть или половину) другим лицам за деньги или за соответствующую часть своего земельного участка. В результате подобной операции драгун являлся на службу через год или два».

Таким образом, мы видим, что существует прямая связь между слабым развитием городов, обусловившим нехватку денег на Руси, и формированием армии в виде поместного (а не наемного) войска. При этом необходимость поддерживать неэффективное по европейским меркам поместное войско в состоянии хоть какой-то боеспособности обусловила серьезные изменения в экономике и в государственном устройстве, которые при поверхностном рассмотрении вопроса представляются то ли элементом азиатской культуры, то ли следствием варварской жестокости и примитивной ограниченности русских царей.

Земля без работника не могла сама по себе прокормить помещика и, следовательно, обеспечить функционирование поместной армии. При этом нанять работника на рынке землевладелец не мог по уже известной нам причине отсутствия денег. Иными словами, для того, чтобы эффективно воевать со своими врагами, русское государство должно было платить помещикам землей с прикрепленными к ним работниками. Так стало неизбежно использование крепостного права. Крестьянина, по сути дела, тоже поставили «под ружье», как и помещика, но только

в переносном смысле. Он являлся бойцом тыла, бойцом «невидимого фронта», без которого русский воин-помещик никак не мог существовать.

Когда мы рассматриваем крепостническую систему, сегодня она представляется нам дикостью и признаком очевидной отсталости русских земель. Однако для XVI–XVII столетий она представляла собой единственно возможный способ добиваться успеха в той сфере деятельности, которая для государей была наиболее значима — в военной. Анализ экономического положения, осуществленный в предыдущих статьях данного цикла, показал, что по совершенно объективным причинам иной возможности эффективно воевать у русских государей не было. Страна развивалась в том направлении, которое у нее имелось. Крепостническая система оказалась отнюдь не следствием рабской психологии народа и даже не следствием злых эксплуататорских стремлений господствующего класса. Это был, увы, оптимальный выбор модели, обусловленный реалиями того времени.

Наша страна угодила в ловушку модернизации. С одной стороны, она развивалась наиболее естественным для того времени путем и сохраняла относительный военный паритет со своими соперниками. С другой же стороны, этот естественный в краткосрочном плане вариант развития обусловил застой экономики в долгосрочной перспективе. Закабаленный работник не развивался. Переход к капитализму из крепостного права и поместной системы становился делом значительно более трудным, нежели переход к капитализму в странах, использовавших наемные войска и расплачивавшихся с ними звонкой монетой, а не землей с поселенными на ней крестьянами.

Дальнейшее развитие России представляло собой не просто преодоление отсталости, обусловленной слабым воздействием на нее демонстрационного эффекта. Нам требовалось выбираться из ловушки, притом что все существующие группы интересов (цари, бюрократия, помещики и даже крестьяне) постепенно приспособились к существованию в этой западне. Осуществление реформ для страны, находящейся в ловушке модернизации, оказалось вдвойне сложной задачей.

Выводы

Представление о ловушке модернизации помогает нам понять те трудности, с которыми Россия сталкивается сегодня. Фактически можно сказать, что мы угодили в очередную ловушку, которую принято именовать «ресурсным проклятием». Высокие цены на энергоносители позволяют в краткосрочном плане развиваться без серьезной трансформации институтов, которая могла бы способствовать развитию рыночной экономики и демократии. Наиболее влиятельные группы интересов вписались в систему рентоориентированного поведения. Они имеют свою долю от нефтяных и газовых доходов страны. Соответственно, у нас нет групп интересов, которые бы всерьез были настроены на очередные реформы.

Подчеркнем, что как во всякой ловушке модернизации, проблема состоит отнюдь не в отсутствии знаний о правильных путях развития. Знаний этих хватает. Экономисты не устают предупреждать власть и общество об опасностях нынешней хозяйственной модели, а политологи постоянно твердят о преимуществах демократии. Однако движение в рамках ловушки пока что удобнее, чем трансформация институтов. Соответственно, до тех пор, пока ловушка позволяет развиваться и удовлетворять основные группы интересов, иного варианта модернизации ожидать не следует.

Александр Александрович Раквиашвили¹

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ НЕТОЛЕРАНТНОСТЬ

Статья посвящена анализу важнейшего принципа либеральной этики — уважения свободы. В ней отмечается, что отстаивание либертарианством прав человека часто бывает противоречивым. Автор находит основы либертарианства произвольными и, анализируя работы Р. Нозика и Ч. Кукатаса, приходит к выводу о непригодности «использования концепции естественных прав для обоснования той или иной институциональной структуры общества». Именно поэтому, считает он, нетерпимость так распространена в среде либертарианства. Отрицая сомнительные аксиомы, автор утверждает, что в экономической теории необходимо соседство различных концепций, опирающихся на разные подходы, что позволяет повысить качество экономического анализа.

LIBERTARIAN INTOLERANCE. Article is devoted to the analysis of the most important principle of liberal ethics — respect of freedom. It notes that upholding by libertarianism of human rights is often contradictory. The author finds the liber-

---

¹ Доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук. E-mail: rakviashvili@gmail.com

tarianism foundations random and, analyzing the works of R. Nozick's, Ch. Kukatas, comes to the conclusion about unfitness of "uses of the concept of the natural rights for justification of this or that institutional structure of society". For this reason, he considers, intolerance is so common in libertarianism environment. Denying doubtful axioms, the author affirm that in the economic theory the neighborhood of various concepts based on different approaches that allows to improve the quality of the economic analysis is necessary.

Либертарианство, как правило, ассоциируется с толерантностью, так как важнейшие постулаты последователей Ротбарда и Нозика заключаются в признании права человека самостоятельно распоряжаться самим собой и в запрете агрессивного насилия. Это право, хоть и получило несколько новую коннотацию во второй половине XX века, корнями уходит к концепции естественного права, зародившейся в Древней Греции и Риме. Цицерон писал: «истинный закон — это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное. ... Предлагать полную или частичную отмену такого закона — кощунство; сколько-нибудь ограничивать его действие не дозволено; отменить его полностью невозможно, и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем... и не будет одного закона в Риме, другого в Афинах, одного ныне, другого в будущем»². Иначе говоря, законы общества не придумываются произвольно, а открываются, как и законы природы. Соответствующая точка зрения была превалирующей вплоть до XX века, и на ней основана система прецедентного права, распространенная в англо-саксонских странах, в первую очередь в Англии и США. Как отмечал Катон Ст., «Римская правовая система была создана умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни несколь-

² Цицерон. Диалоги. — М., 1966. С. 64.

ких поколений. Ибо... никогда не было такого одаренного человека, от которого ничто не могло бы ускользнуть, и все дарования, сосредоточенные в одном человеке, не могли бы в одно и то же время проявиться в такой предусмотрительности, чтобы он мог объять все стороны дела, не обладая долговременным опытом»³. Впоследствии эта идея будет вновь открыта в виде «спонтанного порядка» Ф. Хайека и станет ключевой в понимании эволюции человеческого общества.

Доминирование в Европе христианской философии привнесло в теорию естественного права элементы сакральности, божественного начала, но секуляризация прав, начавшаяся еще в средневековье, вернула общую рационалистическую традицию, шедшую из Древней Греции.

Так, если Локк обосновывал необходимость права собственности на самого себя (выводя из этого все прочие права), утверждая божественное происхождение прав, то уже в конце XVIII — начале XIX века берет верх утилитарное понимание прав⁴: идея Бога прочно забывается у Бентама или отходит на второй план, как у Канта⁵.

В современном понимании концепция естественных прав предполагает наличие у человека определенных неотчуждаемых прав, к которым обычно относят право самопринадлежности. Можно также встретить более подробное деление: право обособленной собственности, свобода договора, право первообладания, право на самозащиту и право на реституцию⁶. Концепция естественных прав разграничивает область допустимого во взаимодействиях между людьми. Она указывает на недопустимое поведение, но не определяет, какое поведение является правильным или эффективным. Естественные права — собрание абстрактных, универсальных принципов, не содержащих при этом ответа на вопрос, каким образом эти права следует реализовывать.

И хотя подобное видение прав человека представляется

³ Цит. по Цицерон. Диалоги. — М., 1966. С. 34.

⁴ Штраус Л. Естественное право и история. — М., 2007. С. 225–240.

⁵ Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 1. М., 1994. С. 383–498.

⁶ Барнетт Р. Этические основания современного либертарианства // <http://www.libertarium.ru>.

многим привлекательным, при внимательном взгляде на либертарианские предпосылки оказывается, что с одной стороны, они полны противоречий, а с другой — ничем не хуже или лучше множества других предпосылок, в том числе чуждых толерантности.

Источники противоречий в либертарианском мировоззрении

Ч. Кукатас показал, что доведя логические рассуждения до конца, следует признать, что в либертарианском обществе более чем вероятны нетолерантные сообщества. С точки зрения Кукатаса, общество, где строго признается право самопринадлежности, ограничено двумя возможными формами⁷. Если право человека распоряжаться своей жизнью — основание отказаться от всякого вмешательства в деятельность людей, то общество примет вид некой федерации, где соседствуют различные объединения, автономные в определении внутренних правил. Такие сообщества могут как признавать права человека, так и ограничивать некоторые из них, а может быть, и большинство, поэтому в этом обществе могут жить люди, чьи права не защищены, и даже те, кто не знает, что у него есть эти права. Но защищать их права извне — вмешательство во внутренние дела сообществ, нарушающее право человека самостоятельно распоряжаться своей жизнью.

Если же для защиты прав допускается ограничение свободы тех, кто эти права нарушает, то сформируется некоторое подобие центральной власти, где верховный судья будет решать соответствие тех или иных действий своеобразному моральному кодексу. Там же будет и полиция, следящая за моралью, и т. д. В таком случае неукоснительное следование идее абсолютности естественных прав человека допускает существование авторитарных (даже тоталитарных) обществ, что также приводит к противоречию. Даже если найдется механизм сдерживания центральной власти, сразу возникает вопрос: как финансировать эту

⁷ Подробней см. *Кукатас Ч. Две модели либертарианского общества* // <http://www.inliberty.ru>

власть, так как налогообложение — акт принудительного изъятия собственности. То есть защита права собственности в этом случае приводит к необходимости нарушать право собственности.

Проблема толерантности проявляется и в вопросе точной дефиниции прав человека. Можно принимать за аксиому, что у человека есть права, но как быть с другими живыми существами? Если у всех (всего живого) есть право на жизнь, то не нарушая никаких прав, мы умрем от голода, а любой поиск критериев, разграничивающих живые существа, будет равносильным известному правилу: «Все животные равны, но некоторые животные равнее других».

Эта проблема затронута в работе Р. Нозика «Человек, государство и анархия», однако она там не решается, поскольку с точки зрения Нозика, трудно доказать, что животные имеют права, но не менее трудно в таком случае доказать, что правами владеют люди⁸. Противоречие возникнет вне зависимости от выбранных критериев. Допустим, человек — высшее существо, а все остальные известные нам животные — низшие существа. Но учитывая несовершенство нашего знания о мироздании, нельзя отвергать вероятность существования во Вселенной более развитой формы жизни, чем *homo sapiens*⁹. Тогда логика обяжет согласиться с тем, что в случае обнаружения таких существ права следует «передать» им, а человечество записать в разряд форм жизни более низкого порядка. Естественно, тогда нетолерантное отношение к человеку не будет нарушением каких-либо прав и окажется вполне допустимым.

Вместе с тем нельзя не отметить, что все указанные выше логические противоречия в конечном счете отражают лишь непригодность использования концепции естественных прав для обоснования той или иной институциональной структуры общества. Однако даже опустив эти проблемы, последовательный либертарианец должен признать, что в либертарианском мире возможна нетерпимость по той простой причине, что сами допущения, на которых базируется либертарианство, фактически

⁸ *Нозик Р. Анархия, государство и утопия* — М., 2008. — С. 60.

⁹ Критерии развитости не имеют значения. Какими бы они ни были, всегда есть возможность найти «более человеческого» человека.

произвольны и тем самым не позволяют отвергать любые иные концепции, даже диаметрально противоположные либертарианским идеям. Рассмотрим это утверждение подробнее.

По своей природе (ввиду их естественности) права не должны зависеть от воли человека, его суждений, мнения. Из-за этого утверждение о существовании прав равносильно религии, в данном случае выраженной верой в некий объективный высший закон. Попытки же секулярного обоснования объективности прав лишь играют роль ширмы, скрывающей религиозные начала¹⁰.

В этой связи, например, последовательный христианин, принявший в качестве аксиоматики заповеди Христа, логически окажется не менее и не более противоречив, чем либертарианец, принявший за веру «заповеди Ротбарда». Следовательно, осознавая противоречивость собственной позиции, либертарианец будет вынужден, находясь в согласии с законами логики, не мешать другим проявлять нетолерантность и тем самым строить нетолерантное общество. В таком случае поведение либертарианца является молчаливым одобрением нетолерантности. Проявлением нетолерантности будет и защитная агрессия, то есть агрессия по отношению к «идеологически равному», то есть к человеку, действия которого в той же мере обоснованы, как и принципы самого либертарианца.

Таким образом, в мире нетолерантности последовательный либертарианец неминуемо окажется нетолерантным и поставит себя в безнадежно противоречивое положение. То же самое можно сказать и о любых других «псевдосекулярных» концепциях, в частности о марксизме, принимающем за веру существование «объективных» законов развития общества и т. д. Но отрефлексировать начальные предпосылки, уйти от религиозных начал и выстроить секулярную научную концепцию, как ни странно, не такая уж тривиальная задача. Можно даже утверждать, что в гуманитарных науках данная проблема фактически игнорируется и в большинстве случаев остается нерешенной. Например, в экономической теории неотрефлексированность базовых предпосылок обуславливает соседство в рамках одних и тех же

научных парадигм взаимоисключающих идей. Именно поэтому экономический «мейнстрим», как отметил Р. Коуз, потерял связь с предметом исследования, сконцентрировавшись на методе или, используя терминологию Дж. Робинсон, «мейнстрим» превратился в toolbox — набор инструментов, а не целостную теорию о человеческой деятельности¹¹. Единственный же путь уйти от псевдо-и «околонаучности» — осмысление, корректный отбор и жесткое следование принятым начальным условиям.

Принципы поиска и отбора секулярных предпосылок теории

В современном мире соседство отличных друг от друга мировоззрений воспринимается как само собой разумеющийся факт, тогда как еще совсем недавно разное видение истины казалось чем-то невозможным. Как писал Исайя Берлин, вплоть до XVIII века идея о том, «что истина не обязательно одна, что ценностей много, что они могут вступать в противоречие, что есть нечто возвышенное в смерти за свое собственное понимание истины, даже если весь мир ее осуждает»¹², показалась бы по меньшей мере странной. Но драматическая и трагическая история XX века, а также стремительная глобализация сделали проблему соседства разных идей, культур и традиций чрезвычайно актуальной.

В то же время стоит иметь в виду, что «истина имеет значение в метафизике как нечто непреходящее и вечное, которое никогда не может основываться на мимолетности и бренности человеческого существа»¹³. Она «существует независимо» и является единой для всех¹⁴ и вследствие этого статична, нахо-

¹⁰ См. например Кузнецов Ю. Либерализм против праксиологии // <http://inliberty.ru/blog/ykuznetsov/2874/>

¹¹ Coas R. The New Institutional Economics // The American Economic Review, Vol. 88, Issue 2, 1998. — P.73.

¹² Берлин И. Европейское единство и превратности его судьбы // <http://www.inliberty.ru>

¹³ Хайдеггер М. О сущности истины // <http://filosof.historic.ru>.

¹⁴ Аласания К.Ю. Теоретические и методологические основания анализа политической власти во французском постмодернизме (вторая половина XX — начало XXI века). — М., 2010. С. 26.

дится вне времени и актуальна для любого пространства¹⁵. Истин не может быть множество, однако поиск истины — всегда акт познания, субъективный акт познания, объективизации которого препятствует наш духовный и интеллектуальный мир, в рамках которого и рождается понимание истины. Если использовать терминологию Бурдье, в процессе познания всегда наличествует проблема объективизации субъекта объективизации¹⁶.

В частности, явным ограничителем в поиске истины является язык. Появившаяся возможность эффективной коммуникации, обусловленная развитием сложных языковых систем, позволила человеку оказаться наиболее успешным живым существом известного нам мира, но тот же язык стал неизбежной преградой в его познании.

Ж. Деррида отметил, что любая знаковая система произвольна, не будучи объективно связанной с референтом, а мир является для человека бесконечной интерпретацией знаков, закрывающей собой принципиально несказываемое Бытие¹⁷. Интерпретация познания как субъективного анализа следов, текста «в принципе отрицает возможность достоверности и объективности..., такие понятия, как «справедливость» или «правота» утрачивают свое значение...»¹⁸. Хорошей иллюстрацией этого является восприятие людьми времени, ассоциирующегося у европейцев «со стрелой», а, например, у народа аймара — со «зрением», то есть для них будущее позади, так как скрыто от глаз, а прошлое впереди, так как известно, было увидено¹⁹. Даже такое

на первый взгляд универсальное понятие, как «числовая прямая», в зависимости от языка и образования воспринимается разными народами по-разному²⁰.

Язык обуславливает двойную субъективность мировоззрения. С одной стороны, воспринимаемый мир субъективен, будучи результатом восприятия индивида, а с другой — сам язык есть отдельный мир, отражающий субъективную картину мира человека. Помимо прочего, это всегда обусловлено «контекстом» слов, который невозможно исчерпывающе передать. По верному замечанию Гадамера, «все, о чем говорится, указывает всегда еще на нечто, превышающее все, что удастся выразить»²¹. Процесс взаимопонимания — процесс выявления общего в субъективных картинах мира коммуницирующих индивидов²². Чем уже смысл слов, тем меньше вероятность нахождения взаимопонимания. Абсолютно конкретное выражение останется абсолютно непонятным, так как будет включать в себя всю картину мира субъекта, создавшего выражение, и при этом не потерпит изменений этой картины. Поэтому для полного взаимопонимания придется найти двух людей с идентичным мировосприятием. А накладка неопределенности контекста на «предрассудок», мнения, суждения, предшествующие сознательному осмыслению, обуславливает появление двойной неопределенности: формулирования

аймара. Дисс. ... докт. ист. н. — М., 2002. 359 с.

²⁰ Nunez R, Cooperrider K, Wassmann J. Number Concepts without Number Lines in an Indigenous Group of Papua New Guinea // <http://www.plosone.org/>

²¹ Гадамер Г. Текст и интерпретация // <http://sbiblio.com/>

²² Гадамер по этому поводу писал: «...человеческое взаимодоговаривание в разговоре не отличается от взаимного объяснения животных. Однако человеческую речь следует мыслить как особый и единственный в своем роде процесс постольку, поскольку в процессе языкового взаимопонимания раскрывается “мир”. Языковое взаимодоговаривание ставит перед собеседниками то, о чем они договариваются, подобно предмету спора, который как бы лежит посередине между спорящими сторонами. Мир есть, таким образом, общее основание, на которое никто не вступает, которое все признают и которое связывает между собой всех тех, кто договаривает друг с другом». (Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. — М., 1988. С. 516.)

¹⁵ Аласания К.Ю. Указ. соч.

¹⁶ Бурдье П. Объективировать объективирующего субъекта // Бурдье П. Начала. — М., 1994. С. 141–147.

¹⁷ Нечипуренко В.Н., Полонская И.Н. Поиски национальной идентификации в философии Жака Деррида // Научная мысль Кавказа. 2007. № 1. С. 41–49; см. также Деррида Ж. Письмо и различие. — СПб., 2000. 432 с. и Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. Differance. — Томск, 1999. 160 с.

¹⁸ Брайсон В. Политическая теория феминизма. — М., 2001. С. 12. См. также Кимелев Ю.А. «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии: Научно-аналитический обзор. — М., 2006. С. 24–25.

¹⁹ См. Якушенков С.Н. Семиотический анализ духовной культуры

и восприятия. Вследствие этого интерпретация сама по себе — акт созидания, привнесения новых коннотаций, нового смысла со стороны интерпретатора.

Все это, конечно, не указывает на то, что истины нет или что возможна множественность истин. В конечном счете, как указывал Поппер, — истина всегда одна, но нет критериев истинности, которые позволили бы отсечь все ложные утверждения²³. Из-за этого возникает допустимость соседства истин, когда разные, иногда и противоречащие друг другу утверждения воспринимаются как равно-истинные. Подобная неизбежность соседства разных субъективных миров значительно усложняет процесс коммуникации. Многозначность языка обуславливает игру смыслов. Она определяется, утверждается не игроками, а через них, втягивая их в себя. Поэтому сам процесс коммуникации есть отдельный мир, в чем-то похожий на третий мир Поппера²⁴, который не имеет материальной природы, но в высшей степени детерминирует поведения индивидов, через них и проявляясь.

Учитывая все вышесказанное, в поиске секулярной аксиоматики последовательный релятивизм — единственный приемлемый из известных подходов.

Последовательный релятивизм же предполагает, что любой набор базовых условий будет иметь как минимум еще один альтернативный и не в меньшей степени обоснованный набор, и каждое утверждение, взятое в качестве аксиомы, лишь условно истинно, а полученные выводы будут истинны (при сохранении логических связей) лишь в рамках принятой аксиоматики.

В таком случае невозможно говорить о «правильных» аксиомах, а лишь о предпочтительных, которые, естественно, от этого истинными оказаться никак не могут.

²³ См. *Поппер К.* Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. — М., 2008. С. 38–39, 147; а также *Тарский А.* Истина и доказательство // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 136–145; *Tarski A.* The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics // Philosophy and Phenomenological Research, 1944, Vol. 4, №.3. P. 341–375.

²⁴ *Поппер К.* Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. — М., 2008. С. 47–132.

Однако если посмотреть на все возможные наборы аксиом, то среди них можно найти те, предпочтительность которых будет универсальной. Например, утверждение, что «Люди разумны и способны логически познавать окружающий их мир», хоть и не является очевидной истиной, но должна быть принята в качестве аксиомы любым исследователем. В противном случае, если предполагается, что соответствующая аксиома не выполняется, следует допустить, что либо люди способны лишь созерцать окружающую действительность, либо людей не существует в принципе. Хотя утверждать невозможность этих альтернатив у нас нет оснований, сама попытка познания мира, каким бы он ни был, требует принятия данной аксиомы. Конечно же, из аксиомы не следует и абсолютная разумность людей. Она предполагает, что люди наделены разумом, но в какой мере и как часто он востребован, в данном случае не важно.

Второе утверждение, необходимое для исследователя, — допущение, что «Люди обладают свободой воли». При этом не имеет значения, когда и как проявляется свобода воли, важно лишь то, что человек наделен ею. Отказ от этой предпосылки предполагает рассмотрение полностью детерминированного мира, в котором нет места каким бы то ни было логическим построениям. Это может быть мир роботов, но не людей, лишенный как смысла, так и цели — за исключением тех случаев, когда человечество выполняет цели внешних источников детерминации.

Еще одна аксиома должна касаться разграничения научного и ненаучного знания, если, конечно, подобное разделение важно для исследования. В качестве допустимого варианта можно предложить следующий критерий: «Научные концепции универсальны по отношению к объектам, к которым они применяются».

Если аксиомы I и II — необходимые условия, обеспечивающие возможность познания в мире, где нет места объективному знанию, лишь допуская соответствие наблюдений объективному существующему миру²⁵, то третье утверждение не является столь

²⁵ Собственно, и объективность существования мира является в данном случае лишь допущением.

необходимым. Однако акт познания предполагает конструирование абстрактных причинно-следственных связей, которые с необходимостью универсальны к изучаемым объектам — в том смысле, в котором закон всемирного тяготения не зависит от отдельных объектов, а является равно применимым к каждому из них. И в этом контексте теория, являющаяся набором разрозненных фактов, в лучшем случае — копия наблюдаемого мира, но не результат акта познания. Поэтому, хотя возможны различные критерии разграничения научного и ненаучного знаний, научное исследование так или иначе должно вырабатывать универсальные принципы, а не ограничиваться описанием разрозненных фактов и частных связей между ними, даже если эти описания интересны, привлекательны и достойны потраченного на них времени.

Секулярная аксиоматика

Интересно, что принятие указанных аксиом сразу ограничивает область исследования. Например, популярные среди ученых «национальные модели» экономик не являются научными, так как, не раскрывая причинно-следственные связи, ограничиваются простым описанием — естественно, неполным и, как правило, отображающим ту часть характеристик, которые показали исследователю достойными внимания. Поэтому в той мере, в какой экономическая теория — это наука о человеческой деятельности, она должна быть равно применима ко всем людям, вырабатывая принципы, одинаково истинные для любых обществ, вне зависимости от времени и положения в пространстве.

Условие универсальности прямо вытекает и из критериев научности, предложенных К. Поппером.

Если взять критерии фальсифицируемости, как предлагал Поппер, то не универсальная теория будет опровергнута в момент своего появления. Так, концепция, согласно которой поведение человека в стране X отлично от поведения человека в стране Y в силу специфики территории, а не характеристик человека, неминуемо будет сфальсифицирована наблюдением за индивидом.

Вместе с тем И. Лакатос указывал, что фальсификация не уничтожает концепцию, а заставляет ее модифицировать, создавая защитные барьеры, вследствие чего в научном мире могут сосуществовать несколько исследовательских программ. Он, в частности, указывал, что марксизм не сделал ни одного значимого прогноза, который бы сбылся, тогда как марксизм *post factum* «объяснил» все неудобные явления²⁶. Но экономическая теория не физика, и объект ее исследования — люди, обладающие свободой воли, а не бездушные элементарные частицы. Попытка точного прогноза о будущем состоянии мира равносильна отказу отдельным индивидам в свободе воли. На деле же в экономической науке возможны лишь качественные предсказания, а не точные прогнозы (хотя некоторые экономисты считали именно точность прогнозов главным критерием успешности научной концепции²⁷). Данная особенность методологии хорошо раскрыта в работах представителей австрийской школы, и в первую очередь — Л. Мизеса²⁸. Поэтому требовать точных прогнозов от гуманитарных наук бесполезно, но тем не менее они вполне могут являться наукой, если:

- концепция вырабатывает фальсифицируемые утверждения;
- концепция содержит значимые прогнозы будущего состояния мира (или допускает их появление);
- концепция удовлетворяет критерию универсальности применяемых к объектам исследования принципов.

Приведенные три условия могут стать заменой третьей аксиомы, предложенной выше, что позволит полнее отграничить научные концепции от ненаучных и защититься от тавтологических и нефальсифицируемых утверждений, способных обесценить любые, даже самые изощренные логические конструкции.

²⁶ Лакатос И. Наука и псевдонаука (Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.) // www.nsu.ru.

²⁷ Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.

²⁸ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. — Челябинск, 2008. С. 101–102.

***

Как уже было отмечено, приведенные аксиомы не могут считаться априорно истинными, но они очерчивают жесткие границы для любого исследования и показывают, насколько важны начальные предпосылки. Возможно, есть другие наборы аксиом, лучше подходящих для исследований человеческой деятельности, но в данном случае важно лишь подчеркнуть необходимость рефлексии всех начальных условий. А в ситуации, когда не существует критериев истинности, единственный выход — последовательный релятивизм, следуя которому нет возможности опираться на один фиксированный набор аксиом. Сомнения в истинности даже самых очевидных условий — критерий научной честности, поэтому крайне важно сформировать все возможные начальные предпосылки, релевантные для экономической теории и гуманитарных наук в целом. В таком случае в экономической теории появится возможность соседствовать концепциям, опирающимся на различные наборы равноистинных аксиом, как в математике сосуществуют геометрии, опирающиеся на различные базовые предпосылки. Формирование этих альтернатив, а не постулирование истинности какого-либо одного набора идей, и есть последовательно проводимый релятивистский подход, способный привести к становлению секулярной аксиоматики экономической науки.

Владимир Александрович Четвернин¹

ПОНЯТИЕ ПРАВА: КОНКУРИРУЮЩИЕ ПАРАДИГМЫ

В своей работе автор отстаивает преимущества либертарной концепции права. Находясь у истоков этого направления, он представил логичную модель либертарного права, противостоящую праву потестарному. Он обращает внимание на принципиальные различия в наших представлениях о правовом и неправовом; или в понимании феномена нормативности в различных парадигмах права и рассматривает право с позиции либертарно-институциональной теории, как специфический социальный институт или систему институтов, важнейшим принципом формирования которой является принцип свободы. При этом различные социокультурные среды могут существенно отличаться друг от друга в понимании права, что приводит к их разному представлению об одном и том же явлении. Так, по мнению автора, либеральная логика неприменима к «природоресурсному» государству, существующему за счет перераспределения доходов от продажи ресурсов на внешнем рынке.

---

¹ Профессор НИУ ВШЭ, доктор юридических наук. E-mail: chetvernin@rambler.ru

CONCEPT OF LAW: COMPETING PARADIGMS. In his work the author defends the advantages of the libertarian concept of law. Being at sources of this direction, he introduced the logical model of libertarian right opposing the Potestary law. He pays attention to fundamental differences in our views on the legal and non-legal; or in understanding of the phenomenon of normativity in various paradigms of the law and considers the law from the position of the libertarian and institutional theory as specific social institute or system of institutes, the most important principle of formation of which is the principle of freedom. Thus, various socio-cultural environments can differ significantly from each other in understanding of the right that leads to their different representations of the same phenomenon. So, according to the author, the liberal logic is inapplicable to the “nature-resource” state existing at the expense of redistribution of the income from sale of resources in a foreign market.

В разных культурах и, соответственно, в концепциях, выражающих ценности этих культур, в это понятие может вкладываться принципиально разный смысл. Речь идет не о «правильном» и «неправильном» понимании сущности некоего объекта, известного всем под названием права, а об использовании самого термина «право» в разных значениях. На этот счет существует заблуждение, что конкурирующие теории интерпретируют один и тот же «сложный многомерный объект — право», но абсолютизируют разные его стороны, и якобы поэтому приходят к противоположным выводам относительно сущности права. На самом деле в разных дискурсах одним и тем же термином «право» нередко называются нетождественные, в сущности разные социальные явления, и поэтому конкурирующие понятия и теории «права» несовместимы, а их адепты говорят на разных языках. Одним и тем же объектом теорий, оперирующих терми-

ном «право», можно было бы считать общество; но и общество тоже существует не «вообще», а в качестве типологически различных социокультур, и социальные теории, выражающие разные парадигмы социальности, относятся к противоположным культурным типам.

Если в рассуждениях о теоретическом правопонимании принять за основу словосочетание «правовые нормы», используемое в континентальных европейских дискурсах², то мы получим четыре типа правопонимания. Во-первых, *правовое* качество по-разному понимают в *потестарной* и *либертарной* парадигмах. Во-вторых, «нормы» понимаются по-разному в *логоцентрической* и *социологической* (социально-научной) парадигмах.

² В английском языке нет слова «право» в значении совокупности норм («объективное право») и, соответственно, невозможно словосочетание «правовые нормы». Термином *right* («право») обозначаются только субъективные права — особые, «правильные» притязания или полномочия. Термин же *law*, эквивалентный латинскому *lex*, означает «закон» — *правила, имеющие высшую силу*. Причем в англо-американской культуре правила считаются имеющими силу *law (legal rules)* постольку, поскольку они формулируются и применяются судом.

Напротив, в континентальных европейских языках (в «романо-германской правовой семье») «право» (*Recht, droit, derecho etc.*) может означать и субъективные права, и «объективное право». Соответственно, совокупность норм может быть названа и словом «закон», и словом «право». Поэтому в континентальных дискурсах возможно как различение, так и отождествление права и закона. Уже отсюда ясно, что нужно разделять ответы на вопрос «что есть право?» применительно к англо-американской и континентальной европейской культурам. Но их различие лишь образует фон, на котором проявляются типологические различия в понимании права — типы правопонимания. Я покажу их так, как они проявляются в соответствующих дискурсах континентальных европейских культур.

	<p><i>Потестарная парадигма:</i> правовое качество означает высшую меру обязательности, отождествляется с высшей принудительной силой; правовое идентифицируется по формальному критерию: право = закон</p>	<p><i>Либертарная парадигма:</i> правом называется свобода человека распоряжаться собой (своим собственным) и порядком (система норм, институты), построенный на признании самопринадлежности, автономности человека</p>
<p><i>Логоцентрическое понимание нормы:</i> нормы, которые считаются правовыми, понимаются как Должное — внешний по отношению к социальным акторам источник порядка; бытие нормы сводится к авторитетному прескриптивному тексту</p>	<p><i>Командная теория, легистика (самоназвание — «юридический позитивизм»):</i> право (закон) представляется совокупностью официальных предписаний, которые называются правовыми независимо от их содержания и считаются общеобязательными нормами независимо от их социальной признанности</p>	<p><i>Теория правового закона:</i> эклетиическое сочетание либертаризма и логоцентризма; правом считаются законы, соответствующие правовому принципу, который понимается как Должное, аналог «естественного права»</p>
<p><i>Социологическое понимание нормы:</i> социальные нормы — это правила деятельности, признанные социальными акторами («социально признанные нормы»); прескриптивного текста, имеющего внешний по отношению к акторам источник, недостаточно для того чтобы утверждать, что есть социальная норма</p>	<p><i>Позитивистская социология:</i> правовыми считаются социальные нормы (институты), которые действуют сильнее, чем другие нормы (институты), т. е. такие, которые обладают или поддерживаются сильнейшим, наиболее эффективным механизмом принуждения</p>	<p><i>Институциональная теория права:</i> право — тип социальных институтов, содержательно определяемый в его противоположности институтам потестарного типа; правовые институты могут доминировать, как это было в западной культуре, но в большинстве культур преобладают потестарные институты</p>

Предвидя возражения, что известные концепции права более многообразны, чем это вытекает из данной типологии, и что не всякую концепцию можно однозначно отнести к одному из этих типов, поясню, что типологизация (в отличие от классификаций) и не предполагает проведения четких границ между различаемыми типами. Таким образом, данная типология по определению не претендует на то, что с ее помощью можно «разложить по полочкам» все возможные суждения о «праве».

Понимание правового

Конкурирующие смыслы *правового* качества — это противоположные ответы на вопрос о соотношении права и закона, права и силы (принуждения, насилия). *Потестарное* и *либертарное* понимание правового я объясняю как две противоположные, взаимоисключающие парадигмы социального порядка, коррелирующие с двумя типами социокультуры. Эти две парадигмы социального порядка суть два пути «бегства от хаоса» — того, чего человек, создающий культуру, страшится более всего. Они обозначены в известной статье Юрия Лотмана³. Один путь — это «безоговорочное вручение себя во власть», вручение себя упорядочивающей Высшей Силе. Другой путь — договор людей о правилах. Здесь можно вспомнить о характерных для западной культуры представлениях об общественном договоре и немного перефразировать Б. Франклина: право — это договор о правилах между одинаково хорошо вооруженными джентльменами.

В потестарной парадигме источником социального порядка признается только внешняя сила. Для людей, мыслящих и действующих в потестарной парадигме, будет *правильным* не просто «вручить себя во власть» некой социальной силе, но партиципироваться к Высшей Силе, служить ей или действовать от ее имени. Для этих людей *правомерно* то, что исходит от Высшей Силы, будь то метафизический Абсолют или реаль-

³ Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. — Таллинн, 1993. С. 345–355.

ная социальная организация, фактически создающая наиболее эффективный принудительный порядок, обладающая монополией на насилие. Или просто то, что является законом, обладает высшей принудительной силой⁴. Правовой порядок для этих людей — это самый сильный принудительный порядок. Правовыми нормами (законами) они считают установления Верховной Власти или правила, имеющие наиболее сильный, наиболее эффективный механизм принуждения.

На этой позиции стоит легизм (самоназвание — «юридический позитивизм»), особенно «командная теория», до сих пор доминирующая в российских правовых дискурсах. Но термин «правовое» в его потестарном значении — как «в общепринятом смысле» — может использоваться даже людьми, которые не придерживаются потестарной парадигмы, ибо потестарное понимание правового с конца XIX века, с наступлением социализма, преобладает в западной культуре. В частности, в позитивистской социологии просто используется мейнстримовское понимание

⁴ В потестарной парадигме «право» даже этимологически интерпретируется как обозначение высшей степени силы. Так, современный историк И.Н. Данилевский, рассуждая о Русской Правде, акцентирует потестарный оттенок первоначального смысла термина «правда»: «Уже само ее название включало слово (“правда”), от которого образован чуть ли не весь современный правовой лексикон — “право”, “справедливость”, “правота”, “правление” и даже “праведный”. Между тем его первоначальное значение, в котором оно бытовало в Древней Руси, существенно отличается от нашего понимания того, что стоит за словом “правда”. Корень *pro-, видимо, праиндоевропейский. ...Наиболее ранними его значениями были “сильный, выдающийся (по силе или изобилию)”, позднее к ним присоединились “деятельный, смелый, стоящий впереди”, затем “облеченный властью, имеющий право” и, наконец, “добрый, честный, порядочный”. В Древней Руси первое из указанных значений скорее всего было доминирующим. Кстати, именно поэтому десная рука, как более сильная у большинства людей, называется у нас правой. Представление о праве и правде традиционно связано по смыслу с понятием силы, насилия». (Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). — М., 1998. (http://www.lants.tellur.ru:8100/history/danilevsky/d08_3.htm#3))

«правового». И в то же время в противоположность формалистическому легизму социология показывает, что «правовыми», т. е. наиболее сильными, следует считать не приказы номинального законодателя, а те правила, которые формулируются или санкционируются и применяются судами. И в легизме, и в позитивистской социологии «правовое» определяется по формальному критерию, нормы подразделяются на правовые и неправовые относительно к их содержанию.

Противоположный путь «спасения от хаоса» предполагает, во-первых, что люди признают друг друга свободными, принадлежащими самим себе, и во-вторых — что они способны договориться о правилах социальной жизни (культура начинается с правил). Для людей, мыслящих и действующих в либертарной парадигме, порядок, который изначально строится на принуждении, на том, что одни люди управляют другими как объектами, — это порядок силового, потестарного типа, и этот порядок для них — неправильный. Правильным (и в этом смысле правовым) для них будет только порядок, который строится на взаимном признании субъектности (свободы, самопринадлежности, самостоятельности) социальных акторов и на запрете агрессивного насилия. Этот тип порядка не порождается действиями, направленными на уничтожение других людей или на срыв их действий. Правовой порядок складывается у людей, действующих в сотрудничестве с другими людьми для того, чтобы все участники могли достичь своих целей. Это сотрудничество, где каждый участник видит в успехе партнера средство для своих собственных достижений⁵. Правовыми, таким образом, признаются социальные институты и составляющие их нормы, которые обеспечивают свободную жизнедеятельность и позволяют пресекать, подавляют агрессивное насилие.

В отличие от либертарианской идеологии (требующей от всех взаимного признания самопринадлежности, настаивающей на том, что законы должны быть правовыми), *социальная наука*, развивающаяся в либертарной парадигме, не различает в со-

⁵ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Пер. с англ. — Челябинск, 2005. С. 160–161.

циальном устройстве правильные и неправильные институты. Но она фиксирует два исторически проявившихся типа социального порядка, которые в соответствии с западной традицией можно обозначить как правовой и потестарный типы социокультуры. Эта наука отнюдь не отрицает факт исторического преобладания потестарного типа социокультуры. Она акцентирует альтернативу — социокультуру, построенную на свободных обменах, на запрете агрессивного насилия.

Наличие в социальной теории этих противоположных парадигм — не случайность, а выражение двух типов социокультуры. И подобная типологизация культур в том или ином виде присутствует у всех культурологов. Я же лишь интерпретирую типы социокультуры именно как потестарный и правовой. В основе такой интерпретации и такого различия типов социокультуры лежит известное рассуждение, которое логически верно, и опровергнуть его не представляется возможным. А именно, есть только два типа социальной деятельности: либо одни люди управляют другими как объектами, и в таком случае первые обладают ресурсами возможного принуждения, либо же люди признают друг друга равнозначными субъектами, и в таком случае для взаимодействия им придется договориться. Соответственно, может быть только два принципа (или два идеальных типа) социального порядка — третьего не дано. Либо социальный порядок строится на управлении людьми как объектами, либо — на договорах субъектов.

Потестарную парадигму можно объяснять как холистский, доличностный и антиличностный тип ментальности — унаследованное от наших далеких предков и транслированное большинством исторических культур априорное полагание человеком себя как *части* по отношению к внеположенному онтологически первичному *целому* — Роду, Народу, Обществу, Государству и т. д.⁶ Для людей, участвующих к такому Целому,

⁶ См.: Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл. — М., 2012; Пелипенко А.А. Русская система в культурном измерении // Фонд «Либеральная миссия»: Дискуссии: Куда ведет кризис культуры? Семинар второй. 21.10.2010. С. 9. (<http://teoria-prava.hse.ru/library/41-article/221--q-q>); Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. — М., 1998.

правомерно только то, что служит Целому, а любые права человека — это права «частного человека» по отношению к другим «частным человекам», но не по отношению к Целому, ибо оно онтологически первично. «Частный человек» с его «частной собственностью» в этой парадигме подчинен интересам Целого, управляющим «органам», которые выступают от имени Целого.

С научной позиции, онтологически первичное целое — это мифологема, предполагающая веру в метафизический Абсолют и его изофункциональные корреляты (о чем говорится ниже), в качестве которых в переживаниях человека могут выступать как божественно-мистические силы, так и их сакрализуемые земные проекции и ипостаси, например, Государство⁷.

Понимание нормативности

На противоположность понимания правового в потестарной и либертарной парадигмах накладывается еще одно измерение правопонимания — в нем обнаруживаются принципиальные различия в понимании *должного*. Их можно обозначить как *логоцентрическую* и *социологическую* (социально-научную) позиции.

Согласно А. А. Пелипенко, логоцентризм — это универсальная макропарадигма культуры, господствующая с осевой эпохи. В логоцентрической парадигме знак и символ выступают онтологически первичным источником всякого культурного бытия: сакрализованное слово создает реальность. В логоцентрической парадигме презумптуруется духовный Абсолют как сверхиерархическая инстанция (логос), одним из коррелятов которого выступает Должное. Здесь Должное — это не нормы и идеалы вообще, а именно метафизический Абсолют, ядерный смысловой комплекс всей логоцентрической системы⁸. Люди, мыслящие в логоцентрической парадигме, исходят из объективного,

⁷ Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Указ. соч. С. 2, 4.

⁸ Пелипенко А.А. Русская система в культурном измерении // Фонд «Либеральная миссия»: Дискуссии: Куда ведет кризис культуры? Семинар второй. 21.10.2010. С. 19.

внеположенного человеку Должного — мерил «правильного» социального порядка.

С конца XIX века логоцентристские дискурсы (легизм и юснатурализм) постепенно вытесняются рационалистической социальной наукой (социологией). Социальная наука изучает и объясняет нормативные представления, в частности образы Должного как часть социокультурной реальности. С позиции социологии эти представления суть лишь моделирование социальной практики, и любая система Должного может быть рассмотрена, в частности, как навязывание некоей группой другим группам выгодных для нее нормативных представлений.

В контексте и теоретического, и практического понимания эти различия в понимании должного проявляются следующим образом. В логоцентрическом сознании презюмируются внеположенные «хаотической» реальности «правильные» или просто «общеобязательные» нормы, которые — как проекция Должного («естественное право», «общественная мораль» или веления Государства) — заданы социальным акторам в виде *авторитетных прескриптивных текстов*. В частности, легистам *формально корректные* нормативные тексты представляются источником «правильной» социальной практики. Отсюда происходит то, что можно назвать *формалистическим* подходом: отождествление бытия «правовой нормы» с наличием авторитетного прескриптивного текста (официального закона, властно-приказного акта). Соответственно, юриспруденция, ограниченная формалистическим подходом, превращается здесь в науку о прескриптивных текстах.

С точки же зрения социологии, правовые нормы, как и любые другие социальные нормы, суть ментальные модели поведения, которые признают социальные акторы и которыми акторы руководствуются. Реально нормы существуют в представлениях самих социальных акторов, хотя последние могут считать их проявлениями внеположенного человеку Должного. С точки зрения социальной науки, прескриптивные тексты выражают представления о должном прежде всего авторов этих текстов. Даже если это авторитетные тексты, они могут и не соответствовать реальным социальным нормам, релевантной социальной практике.

Для социальной науки показатель наличия или отсутствия социальной нормы в конкретном обществе — это деятельность, практика социальных взаимодействий. Авторитетные прескриптивные тексты, например официальные, исходящие от публично-властных акторов, сами по себе еще недостаточны для существования нормы: реально социальная норма существует так, как ее представляют (и применяют) все участники социальных взаимодействий, а не только авторитетные авторы. Другие субъекты, множество социальных акторов, могут использовать эти тексты как знаковую модель, как эталон понимания нормы (авторитетный текст, если он выражает реально существующую норму, нужен для единообразного ее понимания). Но они могут и не признавать эти тексты нормативными. Прескриптивный текст, облеченный в официальную или иную авторитетную форму, может быть лишь заявлением, не соответствующим действительным намерениям автора или его представлениям о должном.

Если официальный текст действительно отражает социальные нормы, он представляет собой только один из их атрибутов, и в то же время он является *обозначением* норм, реально существующих лишь в определенном социокультурном контексте. Тексты о нормах — как *обозначающее* — могут транслироваться за пределы культуры, в которой они возникли, но при этом социокультурный феномен — *обозначаемое* — вместе с текстом не транслируется и не может быть воспроизведен в чуждой ему культурной среде. Культура — это и есть нормы, и нельзя «внедрить» в нее противные ей нормы, не разрушая ее. Пример постсоветской рецепции в России текстов западной культуры подтверждает, что эти тексты не порождают смоделированные в них социальные институты.

Формалистический подход проявляется прежде всего в *легизме*, где нормами считаются официальные законоположения — нормативные суждения публично-властных акторов. «Право» здесь понимается как специфическая самодостаточная модель социальной практики — модель «правопорядка». Последний оказывается, таким образом, уже «реализацией права» («правовых норм»). В *социологии* же «правовые нормы» и «правопорядок» не разделяются. Право понимается в социологии как

социально признанные нормы или институты (комплексы норм), содержание которых может отличаться от официальных законодательных моделей. Например, каких-то официально заявленных или предписанных правил в социальной практике может и не быть и, наоборот, реальные нормы могут и не иметь официального выражения.

Формалистическое понимание нормы возможно и при либертарианском понимании правового. Например, предложенная В. С. Нерсисянцем теория правового закона [см.: 5] является эклектическим соединением либертариизма с элементами логоцентризма: правовой принцип (формальное равенство) мыслится в качестве Должного («закон должен быть правовым»), а будущим этапом исторически-прогрессивной реализации этого Должного предполагается «цивилизм» (проективный идеал). Такой эклектицизм не уникален: все проективные идеалы обнаруживают свою внеположенную социокультурной реальности сущность в идеях равенства и справедливости, позднее — свободы⁹.

С социологической точки зрения, социальная норма существует там, тогда и постольку, где, когда и поскольку она проявляется в трех ипостасях. Это, во-первых, наблюдаемая социальная практика — типичная, повторяющаяся. Во-вторых, это нормативное сознание людей, образующих некий круг общения, в котором и наблюдается названная практика. И в-третьих, это авторитетный нормативный текст, авторитетное суждение как эталон представлений о должном.

Социальные нормы не существуют подобно правилам арифметики. Если существует то, что называют правовой нормой, то оно существует в конкретном социуме, в социальном порядке, создаваемом и поддерживаемом реальными людьми. Подчинение поведения правилу происходит не бессознательно и не безмотивно. Люди знают, что в такой-то ситуации следует действовать именно так, и что в противном случае должны, по их мнению, наступить некие негативные для них последствия. Или они полагают, что иначе не добьются нужного результата. Или они просто считают, что поступать так — «правильно».

⁹ Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Указ. соч. С. 318.

Норму можно более или менее точно, определенно выразить только через текст. И наличие социальной нормы предполагает авторитетный intersubъективно транслируемый текст — хотя бы устный, — с которым отдельные акторы могут сверять свои представления о содержании этой нормы. Пока нет такого текста, нет и социальной нормы, потому что каждый социальный актор может понимать предполагаемое правило несколько иначе, и конфликты могут возникать не столько из нарушения предполагаемой нормы, сколько из несовпадения представлений о ее требованиях.

По мере развития договорной и законотворческой практики, «юридической техники» — техники составления текстов о нормах, о правах и обязанностях — именно в правовой культуре были выработаны общие приемы формализации суждений о должном, благодаря которым и достигается бóльшая определенность в понимании норм. Но и такая определенность не совершенна. Формально-определенный текст есть лишь попытка его автора, публично-властного или иного авторитетного субъекта, максимально определенно выразить свое понимание, или видение, или даже желание некой нормы, которую другие более или менее авторитетные субъекты могут представлять себе иначе. Не говоря уже о том, что на практике текст все равно может получиться недостаточно определенным, логически допускающим разные толкования. Поэтому наличие или издание формализованного текста о норме не означает, что отныне все понимают ее одинаково и что дальнейшее ее уточнение, ее конкретизация и детализация путем толкования этого текста невозможны.

Право как социальный институт (система институтов)

Социальный *институт* — это выражающий определенный принцип и выполняющий некую функцию устойчивый порядок социальных коммуникаций (система норм, формальных и неформальных правил). Институты налагаются на «субстрат»,

в качестве которого выступают связи и взаимодействия — семейные и родственные, этнические, поселенческие, экономические (производственно-обменные), духовные и публично-властные (политические). Институты организации и осуществления публичной власти образуют государственность.

Институциональным подходом к праву я называю, в соответствии с уже наметившимся словоупотреблением¹⁰, исследование права как социального института или комплекса институтов.

С позиции либертарно-институциональной теории право — это содержательно определяемый тип институтов. Иначе говоря, в качестве права я обозначаю комплекс институтов, подчиняющий социальные взаимодействия правовому принципу — запрету агрессивного насилия. С этой точки зрения все институты, включая государственность, подразделяются на *правовой* и *силовой* типы, и в зависимости от того, какой тип институтов доминирует, получается социокультура (или цивилизация) правового или потестарного типа. (У любого народа в его культуре, наряду с господствующей субкультурой, определяющей отношение этой культуры в целом к одному из типов, присутствуют и субкультуры противоположного типа).

Право и свобода

В либертарно-институциональной теории право рассматривается как один из двух основных конкурирующих принципов социокультуры и как построенный на этом принципе тип социальных институтов, или система институтов, обеспечивающих свободные обмены и защиту от агрессивного насилия.

¹⁰ См.: Law as institutional normative order / Ed. by M. Del Mar and Z. Bankowski. — Edinburgh, 2009; *MacCormick N.* Institutions of law: An essay in legal theory. — Oxford, 2007; *MacCormick N., Weinberger O.* An institutional theory of law: New approaches to legal positivism. — Dordrecht, 1986; *Morton P.* An institutional theory of law: Keeping law in its place. — Oxford, 1998.

Краткие определения:

право — это институт, обеспечивающий свободные социальные взаимодействия (вариант: обеспечивающий свободу договора);

право — это институт (система формальных и неформальных норм¹¹), построенный на запрете агрессивного насилия.

Принцип права

Принцип, на котором строятся институты правового типа, формулируется по-разному: формальное равенство (равенство в свободе), самопринадлежность, собственность, запрет агрессивного насилия и т. д. Но во всех вариантах имеется в виду в сущности одно и то же. Этот принцип выводится рационалистическим путем — на основе аксиомы самопринадлежности, а такие его формулировки, как, например, запрет агрессивного насилия, являются логическим следствием аксиомы самопринадлежности.

Рассматриваемая аксиома возможна только в рационалистическом дискурсе и принимается людьми, относящимися к личностному ментальному типу (т. е. она не принимается людьми, мыслящими в логоцентрической парадигме). Она строится на следующих рационально-логических рассуждениях. Во-первых, реальным действующим субъектом может быть только человек, никаких субъектов, кроме людей, не существует, а все,

¹¹ Нормами в данном определении признаются правила, которые эксплицитно выражаются (формулируются) и применяются судом. Формальные нормы выражаются в надлежащих текстах, которые считаются таковыми в соответствии с «правилом признания» (в смысле концепции *Харта*), главным образом — в нормативных актах и судебных решениях. Неформальные нормы складываются в форме обычая, включая обычаи применения и толкования формальных норм. В частности, селективное применение закона можно рассматривать как трансформацию формальных норм в неформальные.

что представляется нам социальными целостностями, на самом деле складывается из связей и взаимодействий между отдельными людьми. Во-вторых, отношения между людьми могут быть только двух типов: либо каждый человек принадлежит самому себе, либо — не каждый (т. е. в этом случае одни люди принадлежат другим). Третьего не дано.

Если признать, что люди равны, тогда аксиома самопринадлежности гласит: *каждый человек принадлежит самому себе, и тот, кто распоряжается другим без его согласия, тот совершает агрессивное насилие*. Имеется в виду каждый человек — полноценный по стандартам конкретной культуры — например, каждый взрослый и психически здоровый человек. Равенство людей может быть только формальным, ибо фактически все люди неодинаковы по любым социальным и биологическим параметрам, кроме одного — самопринадлежности. Другое дело, что люди реально могут как признавать, так и не признавать самопринадлежность других. Но деятельный отказ другому в значении его самопринадлежности — это и есть агрессивное насилие.

Там, где люди (социально значимое большинство) принимают аксиому самопринадлежности, там социальные институты строятся на запрете агрессивного насилия. Это и есть институты (и культуры) правового типа. В этих культурах агрессивное насилие против любого человека противоправно, а оборонительное насилие, соразмерное нападению, правомерно.

Наоборот, там, где эта аксиома не принимается большинством, там доминируют потестарные институты: правила, в соответствии с которыми одни люди, как считается, имеют «право» распоряжаться другими, принадлежащими им людьми как объектами.

Сегодня в мире почти нет таких культур, в которых элиты или иные группы открыто заявляли бы о том, что люди неравны в самопринадлежности, и поэтому одни люди обязаны подчиняться другим, а в противном случае будет правомерным их принуждать, вплоть до физического насилия. Почти во всех культурах потестарного типа доминирующие идеологии строятся в логоцентрической парадигме. Они вообще отрицают самопринадлежность человека, проповедают принадлежность всех и каждого Абсолюту/Целому и требуют подчинения Должному.

С этим обстоятельством связана путаница в вопросах свободы и собственности. Из аксиомы самопринадлежности вытекает, что свободными в социальной деятельности (вне социальной деятельности понятие свободы не имеет смысла) люди могут быть лишь постольку, поскольку они признают самопринадлежность друг друга. Следовательно, свобода в смысле либертарианства — это и есть самопринадлежность. Иначе говоря, свобода — это право каждого человека на самого себя, или собственность на себя, что одно и то же. Точно так же можно сказать, что собственность есть безусловная принадлежность человеку его самого и освоенных им объектов — принадлежность только ему самому, собственнику и больше никому.

И в этом смысле свободы или собственности нет в культуре потестарного типа, где тем не менее ресурсы жизнедеятельности как-то распределяются и где может происходить их фактическое присвоение, где есть условное держание, владение и т. п. Но безусловное присвоение здесь нелегитимно, оно не гарантируется публичной властью — здесь у нее другая функция. Здесь порядок производства, распределения и потребления ресурсов жизнедеятельности определяется не собственностью, а публично-властным управлением. В потестарной культуре понятия «свобода», «свое», «собственное» не имеют того смысла, который они имеют в правовой культуре.

Если признавать, что человек принадлежит самому себе, то это значит, что только сам человек может распоряжаться собой, своим собственным и что запрещено распоряжаться чужим, другими людьми. Но потестарная культура (и потестарный тип ментальности) как раз отрицает самопринадлежность и утверждает принадлежность человека к онтологически первичному Целому. Следует принимать как факт, что большинство людей, особенно в России, убеждены в существовании этого Целого, и невозможно доказать им противное. В представлении этих людей Целое посредством своих управляющих «органов» управляет и самим человеком (людьми) как своей частью, и частной же собственностью — когда она допускается. Подчеркну, что русские термины «частная собственность», «частная жизнь» и т. п. не тождественны термину «приватное», его смыслу в правовой культуре. Частное, часть

не может быть независимым от онтологически первичного Целого. Частный человек не может принадлежать только себе. Частная собственность образуется путем деления, или распределения, того, что первично принадлежит Целому.

В потестарных культурах считается, что первично и сам человек, и все, что может быть у людей, принадлежит Народу, Отечеству, Обществу, Государству или еще каким-то ипостасям Целого, а уже во вторую очередь человек может в той или иной мере принадлежать самому себе и даже быть «частным собственником» — держателем части Целого, например Общественного. Иначе говоря, первичны обязанности человека перед Целым (а защита Целого обычно объявляется Священным Долгом каждого). Он должен выполнять некую функцию в рамках Целого, должен подчиняться «органам» и правилам Целого, а затем уже он может распоряжаться собой — опять же по правилам этого первичного Целого, которые, например, определяют, какие сделки можно совершать, а какие — нет. Поэтому здесь нет свободы в смысле правовой культуры. В ментальности людей — носителей потестарной культуры нет понимания свободы как самопринадлежности. А если нет самопринадлежности, то нет и самооценности как первичного и равного для всех статуса. Даже когда провозглашается «социальное равенство», все равно оказывается, что «некоторые равнее других». Здесь первична социальная роль (роль человека в иерархической структуре Целого), заданная человеку от рождения или благоприобретенная. И чем выше роль человека в иерархии Целого, тем меньше таких людей, которым он должен подчиняться. В конечном счете, как учил Гегель, «Восток знает, что свободен только один».

В потестарной культуре может допускаться «частная собственность», но нет и не может быть приватной, личной собственности: в этой культуре первичным, верховным собственником всех ресурсов жизнедеятельности считается Целое или же его верховно-властные представители. Этот «собственник» может называться по-разному — Император, Аллах, Народ, Общество. Суть от этого не меняется, а именно: «органы» Целого или управляющий класс, т. е. люди, действующие — как публично-властные акторы — от имени Целого, так или иначе распоряжаются всем, чем номинально владеют «частные собственники».

Также следует иметь в виду, что собственник не платит дани, не облагается принудительным налогом, который он не санкционировал непосредственно или через своих представителей в парламенте. А «частный собственник» обязан отчислять часть своих доходов в пользу Целого, и, разумеется, налоги определяют «органы» Целого в одностороннем порядке.

Исторически свобода (как феномен социального общения) проявляется сначала как «непринадлежность другому человеку» — при сохранении представлений о Должном, о принадлежности всех Абсолюту или онтологически первичному Целому. И лишь по мере исторического накопления носителей личностного типа ментальности в культуре правового типа достигается понимание свободы как самопринадлежности. Причем две эти версии свободы конкурируют и по сей день. В *современных либеральных* дискурсах считается само собой разумеющимся, что свободный человек не может быть свободен от Должного/Целого, и венцом развития свободы может быть только «оптимальное сочетание» «свободы и ответственности», «личных и общественных интересов» и т. д.; то есть сегодня в качестве *либерализма* маркируется одна из разновидностей социализма.

Например, в Основном Законе ФРГ 1949 года, построенном на социалистической идеологии, собственность интерпретируется как «частная собственность», производная от Целого, как условное держание. «Собственность обязывает!» — гласит Основной Закон. То есть вместо «все остальные обязаны не препятствовать человеку в его свободе распоряжаться собой и принадлежащим ему имуществом» получается наоборот: собственностью, оказывается, следует пользоваться так, чтобы это служило благу некоего Целого, которое немецкие социалисты назвали “die Allgemeinheit”.

Функция права

Любой социальный институт складывается и существует постольку, поскольку он выполняет некую функцию — дает возможность людям определенным образом удовлетворять их потребности. Даже если некий институт не позволяет удовлетворять

потребности столь же эффективно, как институты, известные в других культурах, он будет тем не менее сохраняться, пока он выполняет свою функцию, несмотря на попытки заменить его более эффективным, но инокультурным институтом. В связи с этим принято говорить об «институциональных ловушках», «институциональной колее» и т. п.

В общем и целом институты правового типа позволяют удовлетворять те же потребности, что и институты потестарного типа. Так что вопрос об их функциях — это вопрос о том, кому именно и как именно позволяют удовлетворять потребности институты правового и, соответственно, потестарного типов.

Институты правового типа позволяют удовлетворять потребности по принципу свободной конкуренции. Это означает, что в выигрышном положении оказывается тот, кто предлагает другим условия удовлетворения их потребностей более выгодные, чем те, которые предлагают его конкуренты. Таким образом, право позволяет максимально удовлетворять потребности тем, кто оказывается наиболее конкурентным при запрете агрессивного насилия и препятствует удовлетворению потребностей наименее конкурентных в этом смысле субъектов.

Напротив, потестарные институты позволяют людям удовлетворять потребности в соответствии с их выгодным или невыгодным статусом в системе силового распределения или перераспределения (независимо от того, что они дают другим). Правовые институты выгодны более конкурентным, потестарные — менее конкурентным в условиях свободной конкуренции. Понятно, что ценность таким образом функционально определяемого права является существенно разной для разных групп, и этим объясняется повсеместное стремление менее конкурентных (в смысле свободной конкуренции) к установлению или расширению потестарных институтов — публично-властного распределения и перераспределения ресурсов жизнедеятельности.

Следует, однако, иметь в виду, что в условиях свободной конкуренции, при доминировании правовых институтов, в противоположность потестарной цивилизационной ситуации, «конкурентные» и «неконкурентные» — это не статусы и не заданные социальные роли. Правовые институты дают возмож-

ность почти всем хотя бы минимально удовлетворять потребности, что и продемонстрировал капитализм: именно последний открыл человечеству путь избавления от нищеты. Другое дело, что человек не любит более всего две вещи — работать и страдать, и для того чтобы и не работать и не страдать от этого, люди изобрели, по словам Фредерика Бастиа, «величайшую фикцию» под названием «Государство» — перераспределительные институты, посредством которых все стремятся жить за счет других.

Структура права как социального института

С точки зрения структуры, в любом институте есть «позитивные нормы» (на языке легистов — «регулятивные нормы») и «механизм принуждения» (включая «охранительные нормы» — санкции, выражающие негативную реакцию на нарушение «позитивных норм»). Формально нормы, регулирующие «механизм принуждения», тоже можно рассматривать как «позитивные», поскольку даже «охранительные нормы» можно считать «позитивными» правилами для акторов принуждения. Но по существу такое структурирование права заставляет нас различать лишь деятельность частных лиц и публично-властных акторов или публично-властные роли, которые в совокупности и образуют юридический механизм принуждения — правовую государственность.

Иначе говоря, в первом приближении можно понимать такое структурирование как различие гражданского (гражданского) права («позитивные нормы») и публичного права («механизм принуждения», правовая государственность). Но с точки зрения либертарно-институциональной теории структура правовой системы гораздо сложнее.

Из принципа права следует известная максима: *pacta sunt servanda*. Ибо противное означало бы допущение агрессивного насилия в виде обмана.

Далее — из принципа права вытекает *свобода договора*. Никакое добровольное соглашение полноправных субъектов не может быть признано противоправным. Если сами стороны, имея возможность, не оспаривают действительность соглашения

или исполнение договорных обязательств, соглашение не может быть признано недействительным. Любое публично-властное ограничение свободы договора является агрессивным насилием.

Из принципа права также вытекает, что договор об агрессивном насилии в отношении третьих лиц по определению противоречит праву и не является договором в юридическом смысле. Также соглашение о причинении смерти одной из сторон другой стороне не является действительным договором, так как со смертью исчезает возможность оспорить его действительность (заявить об отказе от намерения умереть); следовательно, не может быть достаточных оснований считать, что последней волей умерщвленного было желание умереть.

Так называемый «договор о продаже себя в рабство» невозможен в юридическом смысле, если признается самопринадлежность каждого человека. По смыслу такого «договора» (по существу, это акт вручения себя в полную власть другому человеку), одна из сторон утрачивает самопринадлежность, что противоречит исходному условию. На первый взгляд, ситуация может показаться парадоксальной, ибо в силу своей самопринадлежности человек «имеет право» вручить себя другому. Но социальные последствия такого акта определяются не психическим самовосприятием человека, а социокультурным контекстом акта. А именно: чтобы та-

кой «договор» порождал общеобязательные последствия (утрату правосубъектности и признание этого другими), нужно разделение людей на свободных и рабов. То есть только в неразвитой правовой культуре — там, где не признается самопринадлежность каждого и считается нормальным, что один человек принадлежит другому, — человек имеет право изменить свой статус, обменять самопринадлежность на иные социальные блага, например избавление его семьи от долговых обязательств. В развитой же правовой культуре соблюдать такой «договор» не обязательно. То есть по правилам этой культуры каждый человек имеет право, например, считать себя «рабом» другого, имеет право добровольно ему повиноваться (например, в эротических играх «человек-раб» имеет право абсолютно повиноваться своей «госпоже»). Но он также имеет право в любой момент передумать быть «рабом», и никто не вправе принуждать другого находиться в подневольном состоянии. Там, где признается самопринадлежность каждого, человек имеет право наняться в услужение другому на любых условиях, вплоть до его *квазирабского* положения — именно квазирабского, ибо точно так же он имеет право в любой момент расторгнуть договор личного найма, возместив, разумеется, другой стороне ее потери.

В праве «позитивные нормы» — это прежде всего так называемые диспозитивные нормы *цивильного*, или гражданского права. Эти нормы не противоречат свободе договора, они восполняют пробелы в договорах.

Казалось бы, «императивные нормы» невозможны там, где есть свобода договора. Но это не совсем так. Стороны свободны в определении их прав и обязанностей, но они не вправе навязывать третьим лицам свои представления, например о действительности договора, о форме сделки, о сроках исковой давности и подобных формальных элементах договора, которые могут оказаться весьма существенными в случае возникновения спора об исполнении обязательств. Если таким третьим лицом оказывается судья, к которому стороны обращаются за разрешением спора, то он вправе требовать, чтобы стороны заключали договоры по стандартам, принятым в судебной практике, в судебском юридическом сообществе. Если же сторонам эти стандарты не нравятся, они вправе найти себе другого арбитра.

Кроме того, к «позитивным нормам» относятся известные под названием административного права правила безопасности внедоговорной деятельности. Там, где люди правомерно действуют в одностороннем порядке (распоряжаются своим собственным), их деятельность может быть тем не менее опасной для других. Там, где происходят типичные столкновения интересов, всегда складываются правила, ограничивающие свободу односторонней деятельности из соображений безопасности (например, правила дорожного движения). Причем если такие столкновения несут в себе угрозу для жизни, здоровья или имущества других людей, эти правила устанавливаются (или санкционируются) и поддерживаются публично-властными инстанциями.

Все остальное, по логике позитивистского институционализма, образует некий механизм принуждения, который в праве не имеет никаких структурных особенностей. Но позитивистская социология не понимает правовой принцип и вытекающую отсюда структурную специфику права. Для позитивистов что право, что административное управление, что принудительное регулирование — все одно и то же. Для них право — это институт, у которого механизм принуждения — просто самый сильный, самый эффективный. С их точки зрения, люди, управляющие этим механизмом принуждения, просто контролируют всех остальных и принуждают соблюдать «позитивные нормы», подавляют отклоняющееся поведение по правилам административного права, уголовного права и уголовного процесса, уголовно-исполнительного права.

Позитивисты не учитывают, что из принципа права вытекает специфическое качество правовых отношений, которое называется «юстициабельность». Смысл его объясняется следующим рассуждением.

При правовом общении люди равны в свободе, и в частности, люди, выполняющие социальные роли государственно-властных акторов, не становятся от этого хозяевами, господами над остальными. Следовательно, например, утверждение одного человека, что другой совершил правонарушение, равносильно утверждению этого другого, что он ничего противоправного не совершал. Или утверждение одних людей (депутатов, которые про-

голосовали за некий закон), что должна быть желательная для них общеобязательная норма, равносильно утверждению любого иного субъекта права, что такой нормы быть не должно, потому что такая норма нарушала бы его права, и т. д.

Отсюда вытекает, что никакое решение, приватное или публично-властное, порождающее последствия для прав и обязанностей других лиц, не может приниматься окончательно в одностороннем порядке. И если кто-то не согласен с односторонним решением, то возникает спор о праве, который должен быть разрешен по принципу формального равенства — в процедуре, стороны которой формально равны. Разрешен судьей, независимым от сторон спора.

Конкретно это означает следующее:

- если лицо утверждает, что другое лицо приватными действиями нарушило его права и это другое лицо не согласно с претензиями первого, то возникает спор о том, было ли отклоняющееся поведение в виде гражданско-правового деликта, и этот спор разрешается по правилам гражданского процесса;
- если уполномоченный публично-властный актор (прокурор и т. п.) утверждает, что некто совершил преступление, то обязательно происходит разбирательство по правилам уголовного процесса — на тему: было ли отклоняющееся поведение в виде преступления, где адвокат обвиняемого/подсудимого оспаривает обвинение в рамках судебного состязания;
- если компетентный публично-властный актор, даже коллегиальный, издает нормативный/индивидуальный акт, возлагающий на кого-либо обязанности, и кто-то из последних не согласен, он вправе оспорить правомерность этого акта в суде административной или конституционной юрисдикции.

Итак, юстициабельность — как принцип отношений между субъектами права, как свойство именно правового общения — означает, что помимо «позитивных норм», помимо правил, регулирующих принуждение, подавление отклоняющегося поведения (агрессивного насилия), есть еще правила, по которым

определяют, было ли отклоняющееся поведение, какая норма или какие права были нарушены, есть ли такая норма права или такие права, что именно вытекает из нормы, по поводу которой идет спор, и т. д.

Все эти правила и составляют, в сущности, единое процессуальное право, которое в континентальном законодательстве подразделяется по видам процесса – гражданский, уголовный, административный и конституционный.

Таким образом, структура юридического механизма принуждения включает в себя:

- материально-правовые нормы принуждения и «подавления отклоняющегося поведения», т. е. наказательное право (административно-деликтное и уголовное), а также правила гражданско-правовой ответственности (гражданское деликтное право);
- процессуальное право;
- государственное право, регламентирующее организацию и компетенции в государственном аппарате, необходимом для защиты прав, принуждения и «подавления отклоняющегося поведения» (агрессивного насилия).

Историческая типология цивилизаций

Я рассматриваю реальные культуры и институты в контексте исторического столкновения правового и потестарного принципов социальности. При этом я выделяю две исторические эпохи: аграрную и индустриальную. Получается цивилизационно-историческая типология, которую схематически можно представить следующим образом:

В аграрную эпоху существуют общества только аграрные, а в индустриальную эпоху возникают еще и общества индустриальные. Аграрным я называю (и использую здесь как синоним термин «природоресурсное общество») такое общество, где потребляемый продукт, его потребительские свойства определяются в основном природой, получаются не в результате производственной, преобразующей деятельности, а главным образом

Культуры потестарного типа		Культуры правового типа	
Цивилизации потестарного типа	Коммунизм (завершенный тоталитаризм); имитация индустриального общества. Тотальность потестарных институтов достигается через «создание нового человека», информационную манипуляцию его сознанием и эффективное силовое пресечение любой самостоятельности	Смешанные цивилизации, относящиеся к правовому (слева) и потестарному (справа) типам культуры	Восточный социал-капитализм: смешанный тип с неразвитыми правовыми институтами
Культуры правового типа	Западный социал-капитализм: смешанный тип на основе развитых правовых институтов	Западный социал-капитализм: смешанный тип на основе развитых правовых институтов	Западный феодализм
Исторические эпохи	Индустриальную эпоху: общества индустриальные (перерабатывающая экономика) и природоресурсные — природоресурсные — природоресурсные индустриальных стран	Капитализм: исторически развитый правовой тип	Греко-римская античность: исторически неразвитый правовой тип
Исторические эпохи	В аграрную эпоху: общества только природоресурсного типа	Капитализм: исторически развитый правовой тип	Греко-римская античность: исторически неразвитый правовой тип
	Деспотизм. Доминирование потестарных институтов опирается на общинную традицию. Возможности властного контроля социальной жизни технически ограничены	Восточный феодализм	Западный феодализм

вследствие того, что в природном состоянии они уже есть. Общество, которое само не создает продукты с надприродными потребительскими свойствами, и максимум может или предпочитает обменивать свои природные ресурсы на такие продукты, производимые в индустриальных обществах, является обществом аграрным. По меньшей мере, можно называть такое общество, вроде современной России, индустриально неразвитым.

В индустриальном обществе потребительские свойства продукта определяются именно преобразующим воздействием, а не природой. Разумеется, какая-то переработка природного сырья есть везде, но культурный смысл ее может быть принципиально разным. Я не выделяю такой исторический этап и не использую такую категорию — «постиндустриальное общество». Во-первых, в предложенной исторической типологии такой этап просто логически невозможен: аграрная эпоха и индустриальная эпоха исчерпывают всю историю человечества на Земле, историю жизни за счет земных природных ресурсов. Во-вторых, «постиндустриальные общества» вписываются в понятие индустриального общества. То, что называют «постиндустриальным обществом», — это «знаниевая» стадия индустриального развития, сегодняшнее состояние наиболее развитых индустриальных обществ. К тому же я просто не вижу таких «постиндустриальных обществ», в которых люди силой своего разума творят ресурсы человеческого существования.

Есть разница в положении людей природоресурсного общества в аграрную эпоху и в индустриальную. В индустриальную люди природоресурсного общества могут паразитировать на индустриальных обществах. Точнее, правящие элиты и нужные им для управления группы, сословия получают в обмен на природные ресурсы своих стран часть того, что в индустриальном мире производится из этих природных ресурсов.

Помимо фундаментального различия социокультурных типов я использую понятие «цивилизация». По существу социокультура и цивилизация — это одно и то же, хотя понятие социокультуры шире. Цивилизованное — это уже «постпервобытное», не примитивное состояние социокультуры, т. е. такое, которое допускает альтернативность и многообразие социальных

институтов, генерирует разные социокультурные типы. У различных народов (не у примитивных, а у цивилизованных народов) их социокультуры демонстрируют не просто разнообразие социальных институтов, но и разные комбинации сходных институтов. И типичные комбинации институтов можно обобщить понятием цивилизационных типов. Типологическое же различие цивилизаций определяется сущностным различием доминирующих в них институтов.

Причем цивилизации в предлагаемой типологии получают не только однозначно правовые или однозначно потестарные, но еще и смешанные, промежуточные. Цивилизацией правового типа я называю преимущественно правовую институциональную среду человеческой деятельности. Соответственно, потестарный цивилизационный тип — это доминирование потестарных институтов. Но в некоторых цивилизациях не просто наличествуют институты обоих типов — они конкурируют так, что не представляется возможным однозначно маркировать такие цивилизации как правовые или потестарные.

Античная греко-римская цивилизация, в которой впервые в истории достигается свобода (институты гражданского права и демократии, или республиканизма), представляет собой исторически неразвитые проявления принципа права. Исторически развитую цивилизацию правового типа демонстрирует *капитализм* (правовая цивилизация индустриальной эпохи), при котором достигается признание свободы как самопринадлежности и всеобщее формальное равенство. Дальнейшее, «послебуржуазное» *экстенсивное* развитие права невозможно, поскольку принцип формального равенства постепенно распространяется на всех членов капиталистического общества.

Потестарный цивилизационный тип исторически проявляется в виде *древнего деспотизма* (потестарная цивилизация аграрной эпохи) и *коммунизма*, или завершенного *тоталитаризма* (потестарная цивилизация индустриальной эпохи).

Кроме того, и в аграрную, и в индустриальную эпохи, помимо цивилизаций правового и потестарного типов, проявляются и смешанные цивилизационные ситуации. Здесь следует подчеркнуть, что публично-властное *перераспределение* социальных

благ, распределяющихся по принципу формального равенства, в либертарной парадигме не может рассматриваться как деятельность, подчиненная правовому принципу, даже если для ее обоснования используется некая идеология прав человека («права человека второго поколения»). Если социальные блага распределяются по правовому принципу, то их публично-властное перераспределение может быть лишь разновидностью агрессивного насилия.

Несмотря на их смешанный характер, каждый из таких цивилизационных типов примыкает к одному из базовых типов. Поэтому смешанные типы можно условно называть «восточными» и «западными», имея в виду, что они образуются в результате деформаций: первые — цивилизаций потестарного типа, и сохраняют свой потестарный культурный код, вторые — цивилизаций правового типа, имеют и сохраняют правовую традицию, пока не погибают. Таким образом, остается в силе принципиальное деление цивилизаций на два онтологических типа — правовой и потестарный.

Смешанные цивилизации в *аграрную* эпоху — это западная и восточная разновидности *феодализма*, в индустриальную эпоху — такого же рода разновидности *социал-капитализма*.

При социал-капитализме существует «частная собственность». Она публично-властно гарантируется, но «по остаточному принципу». То есть здесь экономически выгодное/невыгодное положение субъекта зависит от его места в политических институтах, от возможности получения в ходе государственного перераспределения, от объема предоставляемых ему привилегий. Различие же западного социал-капитализма и восточного состоит в развитости правовых институтов в первом и, соответственно, в их неразвитости во втором.

Западный социал-капитализм складывался по мере нарастания *государственного интервенционизма* в условиях уже существующих сильных правовых институтов, которые позволяют более или менее эффективно контролировать этот интервенционизм на предмет его соответствия официально заявленным целям. Прежде всего это относится к перераспределению в пользу социально слабых: управляющий класс не столько присваивает

средства, изымаемые в виде налогов, сколько реально делит их между законными получателями. В условиях западного социал-капитализма происходило *интенсивное* развитие права, в частности становление институтов конституционной и административной юстиции, института наднациональной защиты прав человека (Суд по правам человека в Страсбурге).

Наоборот, восточный социал-капитализм складывается в результате модернизации, опять же — «восточного» типа. В свое время, еще до господства социалистической идеологии, «современным обществом» на Западе назвали индустриальное общество, в котором уже нет сословных различий, т. е. цивилизационную ситуацию равноправия, капитализм. Модернизация на Западе, в культуре правового типа — это свершившийся в Новое время переход от собственности как привилегии части членов общества к равноправию, к признанию равного права каждого на себя, права каждого быть собственником. Именно в результате модернизации на Западе произошел радикальный экономический рост, началось массовое производство и т. п. Ибо когда собственность уже перестает быть привилегией, когда нормой становится всеобщая свободная конкуренция, то благополучие человека зависит в первую очередь от того, что он может дать другим — от того, что человек, как собственник, может предложить другим для удовлетворения их потребностей.

Иначе говоря, модернизация на Западе — это и есть переход к капитализму. Отсюда вытекает, что такой модернизации — модернизации «в западном смысле» — в культурах потестарного типа быть не может. Может быть лишь модернизация «на восточный лад», приспособление потестарных культур — но только не к капитализму, а к «государственному капитализму», к западному социализму (социал-капитализму), который цивилизационно ближе к потестарному типу. И по аналогии с «западной» модернизацией можно называть «восточной» модернизацией переход от «частной собственности» как привилегии высших, служилых сословий к такой цивилизационной ситуации, когда каждый в принципе может стать самостоятельным производителем и иметь официально-властно признаваемый статус «частного собственника». Такое «равноправие» достигнуто

далеко не во всех странах потестарной культуры, и реальные институты в этих странах нередко принципиально расходятся с заявленными, с официальными декларациями. Но именно там, где эта модернизация шла более или менее успешно, мы наблюдали колоссальный экономический рост, например в Японии, на Тайване или в сегодняшнем материковом Китае.

Поскольку в условиях восточного социал-капитализма правовые институты в лучшем случае отстают в своем развитии, то не может быть и эффективного контроля за соответствием государственного распределения и перераспределения официально заявленным целям: правящие группы прежде всего присваивают доступные им ресурсы общества и уже «по остаточному принципу» делят их между законными получателями¹².

Коммунизм — это не альтернатива «восточной» модер-

¹² Р. Неф, один из лидеров Швейцарской либертарианской школы, несколько иначе трактует различие в перераспределении на Западе и на Востоке:

Механизм перераспределения включает в себя не только тех, у кого отнимают и для кого отнимают. Между ними стоит огромный перераспределяющий аппарат — политический класс, бюрократия. И этот перераспределяющий аппарат работает отнюдь не бесплатно. Напротив, этот аппарат является столь дорогостоящим, что весь процесс перераспределения оказывается неэффективным. Есть примеры (здесь можно упомянуть Индию) того, как перераспределение фактически происходит от богатых к перераспределяющим, а действительно бедные вообще ничего не получают. В Швейцарии мы еще не зашли так далеко. Но эта форма дегенерации имманентна любому механизму перераспределения. Все время говорят, что нужно сделать перераспределение более точным, адресным и т. п. — и закачивают в перераспределяющий аппарат все большие средства с целью его реформирования или совершенствования. В конечном счете с этого кормится только сам перераспределяющий аппарат. Когда этот процесс уже пошел, то не помогут никакие реформы. Теперь требуются уже системные изменения» [13, с. 12].

Однако представляется очевидным, что пока в Швейцарии, равно как и в США или Швеции, «еще не зашли так далеко», мы можем утверждать, что Швейцария и Индия представляют два разных типа социокультуры, и, следовательно, характерные для этих типов институты выполняют разные функции.

низации, а «модернизация наоборот», контрмодернизация. При коммунизме отвергается право каждого быть «частным собственником». Подчеркну, что никакая модернизация невозможна в «чисто» потестарной цивилизации. В коммунистическом обществе потестарное начало социальности доводится до предела, все держится на силе, на централизованном управлении, на принуждении к «правильной» социальной жизни. Но коммунистические институты не позволяют большинству групп удовлетворять потребности так, как заявлено в коммунистической идеологии. Они — экономически негодные, они не дают того роста производительности, который происходит в результате модернизации, но они насаждаются как «должные», «идейно правильные». И в конце концов эти экономически негодные институты доводят социум до такого состояния, что когда ресурсы принуждения уже исчерпываются, тогда социальная система, в ее прежнем формате, разваливается и хоронит под собой часть населения.

Применительно к фашистской Италии и нацистской Германии можно сказать, что это специфические деформации *правового* типа культуры в странах, переживавших срыв индустриальной модернизации и, как следствие, «бунт» «взбесившейся» потестарной субкультуры¹³. Я беру на себя смелость утверждать, что

¹³ В любом обществе срыв модернизации в индустриальную эпоху проявляется в установлении новых силовых институтов, но культурный архетип при этом не меняется. Срыв модернизации в конкретной культуре правового типа отбрасывает ее назад, с точки зрения развития свободы, но через некоторое время доминанта правовой субкультуры восстанавливается — быстрее или медленнее, в зависимости от наличия или отсутствия благоприятствующих этому факторов. Так, быстрое, исторически «моментальное» уничтожение нацизма внешней силой сделало возможным восстановление правовых институтов в той части Германии, которая была оккупирована западными державами, всего лишь через 15 лет после начала нацистского эксперимента; в Восточной же Германии их восстановление отложилось до окончания коммунистического эксперимента и происходило более болезненно, чем в свое время в Западной Германии, но все же успешно; а вот в посттоталитарной России, несмотря на известный прогресс свободы, конституционные правовые институты никак не приживаются, так как они противоречат российской потестарной традиции.

фашизм и немецкий нацизм не являются тоталитаризмом в буквальном смысле. Это были лишь попытки устроить тоталитаризм, предпринятые в общем русле социалистических тенденций на Западе. Ибо для «настоящего тоталитаризма» — для того, чтобы все управлялось публичной властью, — не должно быть даже «частной собственности». А итальянский фашизм и немецкий национал-социализм существовали, по историческим меркам, мгновение (нацизм — каких-то 12 лет), и, конечно, за такое время ничего принципиально нового — цивилизационно нового — возникнуть не могло. И на искоренение «частной собственности» они не претендовали. Они пошли по пути социалистического регулирования, государственного интервенционизма, уже хорошо известного на Западе. Правда, в этом они далеко опередили другие западные страны. И у них получился весьма одиозный для западной культуры вариант власти-собственности. Но если в качестве тоталитаризма маркировать именно коммунизм, то нужно признать, что подобного тоталитаризма даже у нацистов не было и быть не могло. Это был западный социал-капитализм без псевдогуманистической обертки, не «розовый», а «коричневый», созданный тогда, когда производительность труда еще не позволяла делать социализм «для всех».

Общества, относящиеся к потестарному типу социокультуры, в условиях перехода от «чисто» потестарного цивилизационно формата (коммунизма) к социал-капитализму не способны быстро создать публично-властные институты правового типа. Переход к социал-капитализму восточного типа может быть успешным лишь при условии перехода от природоресурсной к производящей экономике. Примером последнего является Япония, которая еще в XIX веке исчерпала свои природные ресурсы и в XX столетии оказалась способной адаптировать к своей культуре некоторые западные институты. Наоборот, сохранение природоресурсной экономики делает этот переход невозможным, порождая не вождельный социал-капитализм, а неофеодализм¹⁴, который блокирует любую модернизацию до тех пор, пока запасы природных ресурсов позволяют удовлетворять потребности основной массы населения и особенно правящей группы.

¹⁴ Нерсесянц В.С. Философия права. — М., 1997. С. 392–395.

Отличие права от морали

Соотношение права и морали — это прежде всего вопрос о терминах. В контексте излагаемой институциональной теории для такой постановки вопроса нет места. Если угодно, правовой принцип можно определить как такую личностную мораль, которая запрещает агрессивное насилие. Можно рассматривать эту теорию как интерпретацию реальных культур и институтов с либертарианской моральной позиции. Что я и не скрываю, в частности, в рассуждениях о понимании правового в потестарной и либертарной парадигмах. Таким образом, эта теория не ставит вопрос о соотношении права с «другими социальными регуляторами» (моральными, религиозными, политическими, корпоративными и т. д. нормами), а типологически подразделяет институты на правовые и потестарные. Это значит, что институты, которые в каком-то дискурсе интерпретируются, например, как мораль, в либертарно-юридическом дискурсе должны интерпретироваться как потестарные или правовые.

Вместе с тем нужно учитывать, что рассуждения о морали, вплоть до теоретических, присутствуют в основном в логоцентрических дискурсах, в которых одновременно любая личностная парадигма маркируется как аморальная или антиморальная. Обычно в этих дискурсах то, что обозначается как «общественная мораль» (она же — «общечеловеческие ценности» и т. п.), полагается как Должное и может быть противопоставлено иным ценностям, включая свободу. При потестарном регулировании, основанном на логоцентрической морали, даже символические действия (в добровольных взаимодействиях) подавляются грубым физическим насилием, если они противоречат «общественной морали», т. е., в представлении ее адептов, посягают на сами основы Социального Порядка.

Таким образом, правовой принцип противостоит логоцентрической морали. С юридической точки зрения, в добровольных взаимодействиях люди вправе делать все, что им нравится, но они не вправе навязывать свои нравы другим. Люди, осуждающие нравы (убеждения, верования и т. д.) других, имеют право публично выражать свою позицию — но только от своего имени, а не от имени Государства, Общества и т. п. Человек, действующий

от своего имени, вправе не вступать в отношения с теми, кто ему не нравится, и в частности не совершать с ними такие сделки, какие он совершает с другими. Человек не вправе принуждать другого совершать с ним сделку, даже если он и ему подобные считают, что отказ совершать с ними сделки подвергает их дискриминации.

С логоцентрической же позиции, добровольные взаимодействия, противоречащие «общественной морали», в зависимости от уровня их «общественной опасности» должны пресекаться и подавляться публично-властным принуждением — вплоть до «побивания камнями». В современной смешанной цивилизации типичным проявлением логоцентризма является требование ограничения прав человека «в интересах защиты нравственности». Например, Всеобщая декларация прав человека утверждает, что права и свободы каждого подлежат ограничениям, в частности для удовлетворения справедливых требований морали (ч. 2 ст. 29).

Требования «общественной морали» отрицают самопринадлежность человека, его право не вступать в отношения против своей воли.

Кроме того, можно затронуть вопрос о соотношении правового принципа и так называемой традиционной морали, ориентирующей человека на помощь другим ради сохранения или выживания некоего социального Целого. Люди, мыслящие и действующие в правовой парадигме, обычно считают нормальным добровольно помогать другим, особенно нуждающимся, но отвергают принуждение к этому как посягательство на ответственность. С этой точки зрения, никакая аргументация узаконенного грабежа, государственного перераспределения «в пользу бедных» не может быть юридически приемлемой.

Почему человек должен подчиняться праву?

Этот вопрос, очевидно, сформулирован в логоцентрической парадигме. Ибо в самой постановке вопроса предполагается, что «человек» непременно должен подчиняться праву. Вопрос лишь в том — почему именно?

Между тем вопрос о подчинении праву будет звучать по-разному в разных дискурсах — в зависимости от парадигмы наших рассуждений. Если в логоцентристском дискурсе эта неприменная обязанность так или иначе выводится из объяснения «права» в качестве ипостаси Должного, то в социально-научном дискурсе уже сама постановка такого вопроса выглядит некорректной. Ибо с социологической точки зрения «человек» должен (или наоборот — не должен) подчиняться чему-то, по меньшей мере, в зависимости от целей, которые он перед собой ставит. Например, если конкретный человек более всего желает совершить некий акт агрессивного насилия, при том что и он, и другие понимают правовой принцип как запрет агрессивного насилия, то для достижения его цели он как раз не должен подчиняться праву.

В социально-научном дискурсе корректной будет иная постановка вопроса: почему люди подчиняются или не подчиняются правилам социальных институтов, в частности институтам правового типа? Этот вопрос, однако, требует специального исследования, выходящего за рамки теории права.

Но можно конкретизировать его применительно к либертарно-юридическому дискурсу, например, так: должны ли люди, привыкшие мыслить и действовать в правовой парадигме, быть законопослушными, подчиняться публично-властным предписаниям, правилам наличных институтов, даже если считают их противоречащими правовому принципу? И ответ на этот вопрос представляется мне положительным, хотя на первый взгляд это может показаться парадоксальным.

Предположим сначала, что такой человек с какой-то целью оказался в чужой для него социокультурной ситуации доминирования институтов потестарного типа. Например, он приехал из США в Россию с целью бизнеса. И он полагает, что здесь правила, соблюдение которых требуется для достижения этой цели, нарушают его права. Очевидно, что либо он найдет возможность приспособиться к этим институтам и тогда достигнет своей цели, хотя и с такими издержками, которые ненормальны в правовой ситуации, либо будет требовать соблюдения его прав (как он их понимает). В этом, последнем случае он, скорее всего, не найдет институциональной защиты или поддержки своих притязаний

и, во-первых, не добьется цели, во-вторых, возможно, подвергнется еще большему, чем в первом случае, институциональному принуждению, которое он будет расценивать как агрессивное насилие.

По сути, ничего не меняется, если в такой ситуации существует не один, а множество людей — в частности, когда они образуют маргинальную в потестарной культуре субкультуру правового типа. Либо эти люди довольствуются правовыми обменами в пределах своего культурного («субкультурного») круга, а выходя за его пределы, они подчиняются уже «чужим» правилам, либо они вступают в конфликт с доминирующими в большом обществе институтами и тогда не добиваются своих целей, если, конечно, сам конфликт не является такой целью.

Здесь люди оказываются в институциональной ловушке: даже если большинство населения отрицательно относится к доминирующим потестарным институтам, негативные последствия неповиновения, явно отклоняющегося поведения представляются людям (в обозримой перспективе) большими издержками, нежели те, которые связаны с конформистским поведением.

Несколько иначе выглядит положение в условиях современного западного социал-капитализма, т. е. в смешанной цивилизационной ситуации правового типа. В этой цивилизации обязанность быть законопослушным может быть аргументирована юридически, поскольку в правовой культуре исходно считается, что публично-властные роли создаются и публично-властные акторы действуют для подавления агрессивного насилия (презумпция правомерности публично-властного принуждения). В то же время даже в «чисто» правовой цивилизационной ситуации не исключено, что отдельные публично-властные акторы будут использовать имеющиеся у них ресурсы принуждения как инструмент агрессивного насилия. Если в такой ситуации человек полагает, что нарушаются его права, он тем не менее обязан подчиниться, а затем у него будет возможность оспорить публично-властные действия/решения в компетентном суде. Можно предвидеть резонное возражение: а если публично-властные акторы угрожают жизни и здоровью его самого или близких ему людей? На этот вопрос определенного ответа быть не может. Определенно можно лишь сказать, что не может быть общим правилом та-

кое положение, когда адресат публично-властного принуждения сам, в одностороннем порядке, определяет, что он находится в состоянии необходимой обороны, и поэтому он вправе дать силовой отпор публично-властным акторам, от которых, по его мнению, исходит агрессивное насилие. Если это будет общим правилом, то начнется гражданская война.

Здесь мы подошли к важнейшей проблеме интерпретации функций государственности — проблеме различия так называемых явных и латентных функций. Как известно, такое их различие ввел Р. Мертон для того, чтобы не смешивать субъективные мотивы социальной деятельности с объективными функциями институтов. В качестве явных и латентных функций он обозначал такие объективные результаты действия институтов, которые их акторы планируют и осознают, и такие, которые они, соответственно, не планируют и не осознают¹⁵. Однако уже из рассуждений самого Мертона вытекает возможность другой интерпретации данного различия. А именно: во-первых, то, что названо «явной функцией», в действительности может быть лишь заявленной или мнимой функцией; т. е. такой функции объективно нет, а есть лишь заблуждение, что институт выполняет эту функцию. В таком случае, если институт тем не менее существует, он выполняет некую латентную функцию, которая действительно обеспечивает удовлетворение определенных социальных потребностей. Во-вторых, латентные функции Мертон определял как неосознанные и непреднамеренные. Однако латентность этого не предполагает. Функция института может быть скрытой от некоторых, но не от всех акторов. Если функция не заявлена, это не значит, что она не предвидится теми, в чью пользу она осуществляется. Скорее наоборот: действительную функцию некоего института открыто не заявляют не потому, что ее не понимают, а потому, что она не может быть легитимной с позиции социального большинства.

По этим причинам я предпочитаю говорить применительно к публично-властным институтам не о явных и латентных, а об официально заявленных и действительных, хотя

¹⁵ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. — М., 2006. С. 146, 158.

и скрываемых, функциях этих институтов. А именно: перераспределительные институты, вопреки официальным (конституционным, законным или доктринальным) заявлениям об их функциях, действуют прежде всего в интересах самих акторов публичной власти, а не в интересах неконкурентных, социально слабых, «социально незащищенных», «непривилегированных» и т. п. И уж тем более — не в интересах «общества в целом» (такого субъекта не существует).

Например, какую функцию выполняет почти тотальный в западных странах запрет курения в «публичных местах»? Прежде всего, они только называются «публичными» и являются, как правило, объектами собственности, приватными заведениями. Этот запрет обычно аргументируется тем, что курение в «публичных местах» нарушает права других, некурящих. Если предположить, что здесь используется действительно правовая аргументация, то нужно предположить и то, что запрет не действует в местах, предназначенных специально для курящих.

Однако оказывается, такие специальные «публичные места» не предусматриваются. Вообще в патерналистской культуре нормально наказывать человека за то, что он не пристегивается ремнем безопасности, купается там, где можно утонуть или подцепить какую-нибудь заразу, и даже за то, что он подвержен порокам — например, курит табак. Ибо опекающее правительство отбирает у налогоплательщика часть имущества, чтобы обеспечить ему бесплатное лечение, — если понадобится. А если не понадобится, то можно использовать аккумулируемые средства на другие нужды, вплоть до финансирования крупного бизнеса. Главное — перераспределять как можно больше: чем больше оборот, тем больше оседает у перераспределяющей бюрократии... Но если население не заботится о своем здоровье — а оно в основной массе не будет делать это добровольно, хотя бы потому, что обещано бесплатное лечение, — то на здравоохранение средств не хватит, не говоря уже о нуждах крупнейших банков. Управляемые интересны правительству (правлящим «группам интересов») как налогоплательщики, а не как потребители бюджетных средств. Следовательно, если сначала отнимают часть имущества под предлогом бесплатного лечения в будущем, то потом зако-

номерно наказывают за то, что человек вредит своему здоровью. Причем прибегают к квазиюридической аргументации: если вы открываете ресторан только для курящих, то тем самым вы «подвергаете других дискриминации», «нарушаете права других» посещать любые «публичные места» и «право на гигиену труда» тех, кто будет работать в вашем ресторане.

Казалось бы, естественно возразить: если человек приходит к вам домой, вправе ли он принуждать, чтобы при нем не курили, или он вправе лишь решить — уйти ему, потому что здесь курят, или остаться, несмотря на вредное воздействие табачного дыма. Но у социалистической идеологии иная логика: когда вы приглашаете или не пускаете к себе домой определенных лиц, вы выступаете как «частное лицо», но когда вы приглашаете к себе абстрактную публику, то ваше «частное» заведение, по этой логике, сразу же превращается в публичный дом, а публичный дом вправе посещать каждый, и он якобы вправе рассчитывать на то, что в публичном доме не будет ничего вредоносного, опасного для здоровья. Заботиться же о безопасности публичных домов обязано правительство, а вы обязаны соблюдать в вашем заведении тот порядок, который правительство вам предпишет. Остается вспомнить Владимира Ильича Ленина: для большевиков нет ничего частного, все — публичное!

Другой пример — наказание юридических лиц. С точки зрения рационалистической юриспруденции возможна только гражданско-правовая, имущественная деликтоспособность юридических лиц. Уголовному или административному наказанию могут быть подвергнуты только люди. Невозможно наказать «вымышленное лицо», от имени которого действуют реальные лица. И если последние, действуя в таком качестве, совершают то, что может быть квалифицировано как преступление, именно они и подлежат уголовной ответственности.

С точки же зрения формалистической легистики юридические лица могут быть хоть субъектом преступления (или административного деликта), хоть «недобросовестным налогоплательщиком», хоть кандидатом в президенты и т. д. — в зависимости от того, что написано в официальных текстах, которые для легистов являются мерой права.

Конечно, даже с точки зрения интервенционистской доктрины, юридическое лицо не может совершить кражу или мошенничество, не говоря уже об убийстве. Но оно может нарушать разного рода правила хозяйственной деятельности, и если за нарушение этих правил установлена административная или даже уголовная ответственность (например, при условии, что такое нарушение повлекло за собой гибель людей), то она может распространяться и на юридические лица. А это будет уже не просто возмещение вреда — это будет еще и штраф, поступающий в доход государства.

По мере усиления интервенционизма складываются новые институты силового типа. К таковым относится и уголовная ответственность юридических лиц — разумеется, «частных лиц», а не публично-властных субъектов — которая представляет собой новую разновидность узаконенного грабежа, под предлогом необходимости более эффективных мер борьбы с «общественно опасной деятельностью корпораций».

Практика уголовного наказания животных и неживых объектов характерна для примитивного, иррационального сознания. Казалось бы, уголовная ответственность коров, свиней, насекомых, камней, колоколов и т. д. должна остаться в прошлом. Но со второй половины XX века открылась новая страница в истории абсурда — признание уголовной деликтоспособности юридических лиц. Кому-то очень понадобилось ужесточить нормы, позволяющие воздействовать на корпорации. Аргументировалось это необходимостью защиты здоровья населения, окружающей среды и конечно же, необходимостью противодействия «монополизму». Привлечение к уголовной ответственности физических лиц, действующих от имени фирмы, было объявлено неэффективным средством борьбы с «общественно опасной деятельностью корпораций». В настоящее время уголовная ответственность юридических лиц в той или иной мере признана в США, Франции, Италии, Германии, Нидерландах.

Каковы же основания считать уголовное наказание физических лиц неэффективным? Прежде всего, здесь используется аргумент: с физических лиц, как правило, нельзя взыскать в виде

штрафа столько, сколько можно взыскать с фирмы... Действительно, в виде уголовного штрафа — нельзя, но с точки зрения права, это и не нужно. Если фирма причиняет вред, она должна полностью возместить его в отношениях гражданско-правовой ответственности. Помимо этого, когда в действиях физических лиц, совершенных от имени фирмы, есть признаки преступления, например налогового, они могут быть наказаны лишением свободы, если штраф неэффективен.

Другое дело, что при такой трактовке деликтоспособности юридических лиц ничего не достанется государственному бюджету, в который при уголовной ответственности юридических лиц поступают денежные средства от штрафов, на порядки превышающие штрафы на физических лиц. Таким образом, действительная функция института уголовной (и административной) ответственности юридических лиц — конфискационное налогообложение, результатом которого в первую очередь становится повышение цен. За признание уголовной деликтоспособности юридических лиц платят потребители.

Права человека

Если исходить из запрета агрессивного насилия, то получается, что человек имеет *абсолютные, безусловные права* только на свое собственное, т. е. на себя самого и на произведенные им, освоенные или приобретенные без агрессивного насилия объекты. Все остальные права (относительные права, т. е. права на определенные действия других), которые человек может иметь при соблюдении запрета агрессивного насилия, являются условными. Они определяются договорами и правилами существующих институтов.

Например, можно утверждать, что человек имеет право на защиту от агрессивного насилия. Отсюда определенно вытекает только право человека на необходимую оборону, по меньшей мере — на соразмерное насилие против агрессора. Но отсюда не вытекают определенные требования в отношении публично-властных акторов, действующих в рамках правоохранительных

институтов и обязанных (возможно, в силу конституции) защищать права человека. Правомочия людей, требующих государственной защиты их прав, определяются не абстрактным суждением о праве каждого на защиту от агрессивного насилия, а конкретными правоохранительными институтами, различными в разных правовых культурах.

Разумеется, не являются правовыми культивируемые при социализме (в перераспределительном государстве) притязания на «справедливую долю общественного богатства» — на получение социальных благ «бесплатно или за доступную плату», т. е. за счет налогоплательщиков. По существу это притязания на «честную долю» награбленного.

Равным образом не имеют ничего общего с правами так называемые массовая демократия и массовое избирательное право. В правовой цивилизационной ситуации публично-властные институты и вообще правовой порядок функционируют за счет налогов. Следовательно, налогоплательщики вправе контролировать деятельность государственного аппарата путем свободных выборов. Но отсюда вовсе не вытекает, что те, кто не платит налоги и особенно кто существует за счет налогоплательщиков, вправе участвовать в выборах.

Всеобщность избирательных прав (*прав* в юридическом смысле) не означает, что каждый имеет право вмешиваться в чужие дела: каждый имеет право управлять только своими делами — в частности, управлять общими делами («общим благом»), в которых он участвует. Каждый участвующий в создании «общего блага», каковым является правопорядок, вправе избирать (и быть избранным) тех, кто управляет деятельностью, обеспечивающей правопорядок. Тот, кто только пользуется правопорядком как «неделимым благом», не может избирать и быть избранным в органы управления правопорядком. Иначе говоря, не имеют права участвовать в выборах государственных органов те, кто не платит налоги, обеспечивающие правовую государственность. Демократией в собственном смысле является «демократия налогоплательщиков».

Равные избирательные права не означают непременно принцип «один человек — один голос». Последнее является вы-

ражением равноправия лишь при условии, что все избиратели платят налоги поровну, в абсолютном исчислении.

Эта логика не имеет отношения к природоресурсному государству и не может расцениваться как призыв «лишить избирательных прав» тех, кто не платит налоги, поскольку здесь общество существует главным образом не за счет налогов, а за счет природных ресурсов, государственного распределения и перераспределения доходов от их продажи на внешнем рынке. Более того, если бы в условиях петрократии природные ресурсы принадлежали всем вместе, то было бы логично, если бы все граждане участвовали в избрании высших акторов распределяющей власти, чего культура потестарного типа, однако, не предполагает.

Ирина Александровна Макарова¹

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГОВ

Мировая практика и российский опыт показывают, что более 70% доходов государственной казны приходится на налоговые поступления. Государство в лице государственных органов должно быть заинтересовано в том, чтобы правовой нигилизм, выраженный в неуплате налогов, был минимален, а ожидаемые суммы денег исправно поступали в бюджет. Вводя и устанавливая налоги, государственные органы не должны забывать о сущности налогов и положениях налогового законодательства. В статье рассмотрен один из основных принципов налогообложения — принцип экономического обоснования налогообложения. Механизм действия названного принципа проанализирован и раскрыт на примере отдельных аспектов некоторых налогов, о которых наиболее часто говорят сегодня в обществе, а именно — на примере налога на роскошь, транспортного налога, налога на недвижимость и налога на бездетность.

---

¹ Доцент НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, кандидат экономических наук. E-mail: irina.a.makarova@gmail.com

ECONOMIC VALIDITY OF LEGAL TAX REGULATION. International practice and the Russian experience shows that more than 70% of the state treasury accounts for tax revenues. The State represented by public authorities should be interested in the fact that the legal nihilism, expressed in non-payment of taxes, was minimal, and the expected amount of money regularly to the budget. Introducing and setting taxes, the authorities should not forget about the essence of tax and tax provisions. The paper considers one of the basic principles of taxation — the principle feasibility of taxation. The mechanism of action of these principles is analyzed and disclosed by the example of aspects of some taxes, which are the most commonly spoken today in society, namely, the example of luxury tax, transport tax, property tax and tax on childlessness.

Теоретические основания

Ст. 3 Налогового Кодекса РФ² (далее — НК РФ) закрепляет основные начала законодательства о налогах и сборах и в числе специальных принципов налогообложения называет принцип экономического обоснования налогообложения. Пункт 3 ст. 3 НК РФ устанавливает, что налоги и сборы должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными. Экономическое основание предполагает характерный для каждого налога объект налогообложения — операции по реализации товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, стоимость реализованных товаров (выполненных работ, оказанных услуг) либо иной объект, имеющий стоимостную,

---

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // РГ. № 148–149, 1998. 6 августа.

количественную или физическую характеристику. Объектом налогообложения выступают юридические факты, с которыми законодатель связывает возникновение налоговой обязанности. Такими юридическими фактами могут быть действия (сделка или реализация товаров), события (дарение), состояние (право собственности или иное вещное право). Говоря об экономическом основании налогов и сборов, законодатель установил, что объект налогообложения должен быть связан с наличием некоторых материальных благ, выгод, приращением собственности, хозяйственной активностью налогоплательщика. Немецкие ученые Л. Остерло и Т. Джобс говорят, что «налогообложение должно быть привязано к показателям платежеспособности, а именно: к наличию имущества, к обладанию имуществом или к использованию имущества. Таким образом, это общее бремя, которое вовлекает всех жителей, в зависимости от их доходов, имущества и потребительской способности, в финансирование государственных задач»³.

В соответствии с рассматриваемым принципом налогообложения установление налогов и сборов должно основываться на экономической ситуации в государстве, целесообразности, базироваться на всестороннем экспертном и статистическом анализе финансового состояния страны, увязываться с бюджетным процессом, соответствовать провозглашенным политическим целям государства. При этом совокупный размер бюджетных расходов (потребности государства в бюджетных средствах) не может выступать определяющим критерием в налогообложении. Поэтому сам по себе бюджетный дефицит, т. е. отсутствие финансовых средств у государства, еще не составляет необходимое и достаточное экономическое основание для взимания налогов и сборов, хотя, безусловно, влияет на структуру налоговой системы⁴.

Интересна позиция Верховного суда РФ, выраженная в Определении от 17 ноября 2004 года по делу № 9-Г04-24:

³ Остерло Л., Джобс Т. Конституционные принципы налогов и сборов в ФРГ // Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации в 2003 г. — М., 2004. С. 99.

⁴ Терехина А.П. Правовые принципы налогообложения // Финансовое право. 2012. № 5. С. 33–39.

в соответствии с п. 3 ст. 3 Налогового Кодекса налоги и сборы должны иметь экономическое основание, а не обоснование. Налоговым кодексом РФ не предусмотрено обязательного включения в тексты законодательных актов о налогах экономического обоснования. Кроме того, требование Налогового кодекса РФ об экономическом основании относится к налогу, а не к его составляющей. Как отметила И. Е. Зубарева, именно на принципе экономического основания «можно строить линию защиты при спорах с налоговой инспекцией в арбитражном суде»⁵.

По мнению Ю.А. Крохиной, принцип экономической обоснованности имеет два аспекта: во-первых, налоги должны быть эффективными с точки зрения самокупаемости, то есть суммы, собираемые государством по каждому отдельному налогу, должны превышать затраты на его администрирование (сбор, взимание и контроль); во-вторых, при установлении налога и определении его существенных элементов должны учитываться макро-и микроэкономические последствия как для государственной казны или определенной отрасли экономики (например, уровень налогового бремени на производителя продукции), так и для конкретного налогоплательщика⁶.

Следовательно, механизм реализации принципа экономической обоснованности должен предусматривать своей целью финансовое обеспечение деятельности государства и муниципальных образований.

Интересен тот факт, что ученые, занимающиеся теорией налогового права, комментируя рассматриваемый принцип, приходят к абсолютно противоположным выводам. Так, одни полагают, что «экономическое основание соответствует экономической обоснованности налога и предполагает прежде всего эффективность, самокупаемость налогов, то есть суммы, взимаемые

⁵ Зубарева И.Е. Принцип экономического основания налогов — это скрытое оружие налогоплательщика или декларативная норма // Ваш налоговый адвокат. 2009. № 5.

⁶ Крохина Ю.А. Принцип экономической обоснованности налога в правовых позициях Конституционного Суда РФ // Налоговед. 2004. № 7; СПС «Гарант».

государством по каждому отдельному налогу, должны превышать затраты на его сбор, обслуживание и контроль»⁷.

Другие считают, что экономическое основание тесным образом связано с понятием налогового суверенитета. «Требование при установлении любого налога исходить из его экономического основания должно поставить барьеры так называемому налоговому произволу государства, когда оно устанавливает налоги исключительно из фискальных соображений, желая во что бы то ни стало пополнить доходную часть бюджета. Одной лишь потребности государства в финансовых ресурсах недостаточно для установления налога или сбора»⁸. По мнению А.Н. Козырина и А.А. Ялбулганова, понятие экономического основания налога должно быть напрямую связано с понятием объекта налогообложения. Д.В. Винницкий считает, что принцип экономической обоснованности характеризуется соразмерностью ограничения экономических интересов частных субъектов. При установлении, введении и взимании сборов он проявляет себя так же, как требование соразмерности сбора оказываемым плательщику услугам, правам или преимуществам, получаемым в связи с взиманием данного сбора⁹.

Как отмечает А.А. Свистунов, «налоговая политика в России никогда не основывалась на принципах экономической теории. Никогда за всю историю налогообложения величина обобществляемых средств через налоги не соизмерялась с экономико-финансовыми возможностями непосредственных производителей. Установление и сбор налогов всегда носили характер ярко выраженного императивного абсолютизма. В России, в отличие от западных стран рыночной демократии, авторитарная

государственно-властная система всегда определяла структуру и ход экономико-финансовых процессов»¹⁰. Действительно, к сожалению, сегодня при конструировании правовых норм не анализируются проблемы с экономической точки зрения. Зачастую мнения юристов и экономистов идут вразрез по одним и тем же вопросам, и они не могут понять друг друга, даже если речь идет об одинаковых социальных феноменах.

Как указывал Фридрих Август фон Хайек, «пагубные последствия специализации знания особенно сказываются в двух старейших дисциплинах — в экономической теории и юриспруденции... Правила справедливого поведения, изучаемые юристом, служат основанием определенного порядка, характерные свойства которого остаются юристу неизвестными, а изучением этого порядка занимается главным образом экономист, который, в свою очередь, мало что знает о характерных особенностях правил поведения, на которых покоится изучаемый порядок»¹¹. Проблема в данном случае заключается не только в том, что юристы перестали понимать экономический вокабуляр и считать необходимым знать элементарные законы микроэкономики или следить за дискуссиями в области экономической науки, но и в том, что экономисты на некоторое время (как минимум до 1970-х годов) утратили интерес к правовой проблематике, а впоследствии вернулись к ней, хотя даже в рамках новой институциональной экономической теории очень часто не уделяют должного внимания множеству важнейших деталей, без которых понимание экономических аспектов данной правовой проблемы достаточно затруднено¹².

⁷ Бойцов Г.В., Долгова М.Н., Бойцова Г.М. Постатейный комментарий к части первой Налогового кодекса Российской Федерации. — М., 2006 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации (ч. 1) (постатейный) / Под ред. А.Н. Козырина, А.А. Ялбулганова // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Винницкий Д.В. Основные проблемы теории российского налогового права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Екатеринбург, 2003. С. 31.

¹⁰ Свистунов А.А. Проблемы построения налоговой политики государства в процессе эволюции принципов налогообложения // История государства и права. 2006. № 8.

¹¹ Фон Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов и справедливости и политики. — М., 2006. С. 23.

¹² Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. — М., 2012. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений.

2. Механизм действия экономического основания налогов: практические выводы

В настоящее время сами налогоплательщики не могут повлиять на систему налогообложения, но далеко не всегда воля налогоплательщика не учитывалась: это можно проследить, проанализировав историю развития налогообложения. Государству невыгодно давать такую волю, поэтому ее и нет. Вопросы справедливости налогообложения и обоснованности взимания налогов волновали общество с давних пор. Гонясь за справедливостью налогообложения, одни предлагали ввести единый налог (Франсуа Кенэ, Уильям Петти, Анн Робер Жак Тюрго), который не оправдал себя, другие отстаивали внедрение пропорционального налогообложения, выгодного обеспеченным лицам (Пьер Поль Леруа-Болье, Джон Локк, Р. Стурм), наконец третьи требовали прогрессивного налога, выгодного малоимущему слою общества. С экономической точки зрения более справедливо и эффективно пропорциональное налогообложение, с социальной — наоборот: прогрессивное. Таким образом, пропорциональные налоги справедливы экономически, но затрудняют решение государством социальных задач, а прогрессивные налоги справедливы социально, но снижают экономическую заинтересованность субъектов хозяйствования¹³.

На сегодняшний день крайне актуальным является вопрос о возможном установлении в России прогрессивной шкалы ставок по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ). Ставка НДФЛ привлекательна тем, что с введением единой ставки 13% значительно упростился механизм уплаты налога и снизились затраты на его взимание. Налог на доходы физических лиц регулируется главой 23 НК РФ. Данный налог введен в Российской Федерации в 2001 году. Он заменил собой действовавший раньше подоходный налог с физических лиц, носивший прогрессивный характер.

Однако не только сумма налога, но и налоговая ставка возрастали по мере роста доходов налогоплательщика. Именно прогрессивный подоходный налог действует в большинстве раз-

витых стран. НДФЛ является одним из важнейших федеральных налогов, это регулируемый прямой налог, который полностью поступает в бюджеты субъектов, а с точки зрения формирования доходной части бюджета данный налог занимает третье место после НДС и налога на прибыль организаций.

Вопрос об установлении в России прогрессивной шкалы ставок по налогу на доходы физических лиц является темой для постоянных сегодня политических, экономических и социальных дискуссий с того самого момента, как в 2001 году вступила в силу глава 23 НК РФ, в которой была установлена так называемая плоская ставка налога. Снижение ставки НДФЛ (с 30 до 13%) и установление ее единого значения (13%) стало очень важным, если не сказать революционным, решением. Результатом такого достаточно неоднозначного шага стал резкий рост собираемости этого налога.

Сегодня многие говорят о том, что это не очень справедливо, поскольку те, кто получает большую зарплату, платят 13%, как и те, у кого маленький доход. Но к чему это приведет? В России уже была дифференцированная ставка, применение которой привело к тому, что очень многие платили налог с минимальной заработной платы, а разницу получали в конвертах. Возврат к дифференцированной ставке нежелателен в силу того, что отсутствует возможность его полноценного администрирования; не будет никакой социальной справедливости, так как те, кто получал меньшую заработную плату, будут и получать, и платить минимальную ставку. Соответственно, возникнут проблемы с выплатой трудовых пенсий.

Будущее конструирование прогрессивной системы НДФЛ в России должно опираться на комбинирование трех базовых принципов:

- 1) разные доходы — разные подходы;
- 2) есть «доходы», а есть «сверхдоходы»;
- 3) шаг прогрессии (шедула) должен быть минимальным.

Трудовые доходы (активные доходы) — это доходы, источником которых является труд, предпринимательство, самозанятость, творчество или иная личная активность налогоплательщика (доходы от трудовой и предпринимательской деятельности,

¹³ Налоговое право России / Под ред. Ю.А. Крохиной. — М., 2011. С. 93.

доходы по договорам подряда, авторские гонорары, патентные отчисления и т. п.). В качестве одной из основных целей налоговой реформы в Израиле в начале 2000-х годов выдвигалось непосредственное сокращение налогообложения результатов трудовой деятельности, предполагавшее придание дополнительного импульса экономической активности в стране.

Нетрудовые (пассивные) доходы — это доходы, получаемые не в результате личной активности налогоплательщика (дивиденды, проценты по вкладам, сдача в аренду недвижимости, подарки, доходы от продажи бизнеса и дорогостоящих объектов, выигрыши в лотерею, имущество, полученное в порядке наследования, расходы, не покрываемые доходами, и т. п.). Если же переход к прогрессивной системе НДФЛ в будущем неизбежен, то на первый план выходит важнейший вопрос о том, какой должна быть эта система. Как известно, при определении налоговой базы по НДФЛ учитываются все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах, а также доходы в виде материальной выгоды. Поэтому устанавливать прогрессивную шкалу по НДФЛ необходимо только на пассивные доходы с определением «шага прогрессии» в зависимости от полученного дохода (подарка, антиквариата, имущества, транспортных средств), а на активные доходы оставить ставку 13%. Например, если предусмотреть обычную ставку НДФЛ в размере 13%, то «пошаговая» ставка может составлять 15, 17, 19, 20% и максимальная (для сверхвысоких доходов) 25–30%.

Сверхдоходы — это доходы, которые по своему размеру никоим образом не могут быть соотнесены или сопоставлены с обычными доходами. Причем размер этих сверхдоходов должен быть действительно чрезмерным, экстраординарным. Представляется целесообразным и сверхдоходы дифференцировать на определенные шедулы по сверхдоходам от 12 до 120 млн руб. в год, от 120 до 360, а также свыше 360 млн руб. в год¹⁴.

Сегодня ставка налога на доходы физических лиц для практики привлекательна тем, что с введением единой ставки

¹⁴ Чайковская Л.А. Проблемы налогообложения в российской экономике (по материалам Всероссийской межвузовской научно-практической конференции) // Все для бухгалтера. 2011. № 4. С. 7–15.

13% значительно упростился механизм уплаты налога и снизились затраты на его взимание¹⁵. Тем не менее прогрессивное налогообложение далеко не всегда справедливо социально. Ярким примером тому служат предложения по введению налога на роскошь в современной России. Представляется интересным проанализировать и раскрыть значение и механизм действия принципа экономической обоснованности налогообложения на примере отдельных аспектов некоторых налогов, о которых наиболее часто говорят сегодня в обществе.

- а) налог на роскошь;
- б) транспортный налог;
- в) налог на недвижимость;
- г) налог на бездетность.

Налог на роскошь

В начале мая 2012 года в Комитет Государственной думы по бюджету и налогам поступил законопроект № 66360-6 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации, изменения в статью 13 части первой Налогового кодекса Российской Федерации и изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации», предусматривающий введение в российскую налоговую систему нового федерального налога — налога на объекты роскоши.

Плательщиками этого нового налога по проекту должны были стать организации и физические лица (в том числе индивидуальные предприниматели). К объектам налогообложения в соответствии с законопроектом отнесено как движимое (транспортные средства: автомобили, самолеты, вертолеты, теплоходы, яхты, парусные суда, катера), так и недвижимое (жилая недвижимость и земельные участки) имущество. При этом имущество, используемое налогоплательщиком для осуществления основного

¹⁵ Макарова И.А. Актуальные проблемы налогового права Российской Федерации // Актуальные проблемы правового регулирования экономической деятельности в России и Китае. — СПб., 2012. С. 235–242.

вида предпринимательской деятельности, объектом обложения новым налогом не является.

Минэкономразвития России предложило облагать налогом на роскошь недвижимость площадью от 1000 м² и автомобили мощностью свыше 200–250 л. с. Экс-министр экономического развития России, помощник Президента РФ Эльвира Сахипзадовна Набиуллина пояснила: «Что касается недвижимости, то суммироваться площадь, находящаяся в собственности одного владельца, не будет. Для того чтобы платить налог на роскошь, собственнику нужно иметь один объект площадью более одной тысячи квадратных метров»¹⁶. Представляется, что лишь по наличию или отсутствию конкретного объекта налогообложения, соответствующего определенным критериям, нельзя судить о материальном положении лица, которому имущество могло достаться, например, по наследству; должно подвергаться оценке общее благосостояние лица; кроме того, недвижимое имущество разумно оценивать не в квадратных метрах, а по суммарной стоимости, так как цены в столице и где-то в глубинке космически отличаются.

Любой налог должен быть самокупаемым, расходы на сбор налогов должны быть меньше доходов, которые приносят налоги. Но будет ли налог на роскошь самокупаемым? С одной стороны, граждане, владеющие предметами роскоши, будут уплачивать довольно крупные суммы денег, что существенно пополнит бюджет страны. С другой стороны, а много ли в стране людей, владеющих предметами роскоши? Тут все зависит от того значения, которое будет вложено в понятие «роскошь». Если под предметами роскоши понимать люксовые автомобили и иное имущество, имеющее огромную стоимость, например виллы, яхты, то тогда круг налогоплательщиков данного налога существенно снизится. Более того, если налог будет чрезмерно высоким, то это приведет к умышленному сокрытию имущества и, соответственно, к уходу от уплаты налогов либо к выезду состоятельных людей из страны, что уже можно наблюдать во Франции и некоторых других странах Европы. Если же налог будет не слишком

высоким, его уплата не принесет никакой существенной пользы бюджету.

Если же понятие «роскошь» расширить, то расширится и круг налогоплательщиков, но тогда встанет другой вопрос: не будет ли этот налог слишком обременительным для граждан? Ведь под понятие «роскоши», скорее всего, подпадут те товары, которые не являются товарами первой необходимости. Именно такое деление в свое время предлагал Адам Смит в своем труде «Исследование о причине богатства народов»: необходимые вещи и роскошь. А если принять во внимание, что потребительская корзина в РФ значительно беднее, чем во многих европейских государствах, то при таком подходе под понятие роскоши будут подпадать все предметы, которые приобретают граждане, стоящие на ступеньку выше минимального порога бедности. И опять получается палка о двух концах: снова имеет место многочисленный уход от уплаты налога.

Стоит согласиться с мнением профессора Александра Бланкенагеля о том, что должен соблюдаться принцип экономически разумного налогообложения, который заключается в том, что «налог не должен мешать экономике и поощрять неразумные расходы и производство, утраты или потерю общественно полезных благ»¹⁷. Государство должно по минимуму вмешиваться в экономику, личную жизнь людей. Об этом писал еще Фредерик Бастия: «Правительство должно руководить нами не по своей, скрытой воле, а по воле открытой и одобренной нами. Кабинету министров надлежит предлагать, излагать, проявлять инициативу; нам — судить и оценивать; нам — соглашаться или отказываться. Но чтобы судить и оценивать — нужно знать. Тот, кто встает и предлагает себя в проводники, знает или по меньшей мере полагает, что знает, к какой цели надо прийти и какую дорогу выбрать. Он ничего не утаивает от путников, тем более если эти путники образуют целый народ. Имеет ли правительство план, не имеет ли

¹⁶ Барсегян В. Роскошный Налог // ЭЖ-Юрист. 2012. № 23. С. 2.

¹⁷ Бланкенагель А. Экономическая сущность налога и ее правовое значение // Налоговое право в решениях Конституционного Суда РФ 2008 года: по материалам VI Международной научно-практической конференции 17–18 апреля 2009 г., Москва. Сборник под ред. С.Г. Пепеляева. — М., 2010.

его, оно всегда само судит, что ему делать. Во все время для того, чтобы управлять, нужна какая-то мысль, и это особенно важно сегодня»¹⁸.

Налог на бездетность

Пытаясь усилить роль регулятивной функции налогов, государство не должно доходить до абсурда. В СССР существовал налог на холостяков, малосемейных и бездетных граждан. Он был введен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 года и отменен только с 1 января 1992 г. в связи с принятием Постановления Верховного Совета РСФСР от 7 декабря 1991 года № 1999–1 «О порядке введения в действие Закона РСФСР “О подоходном налоге с физических лиц”»¹⁹. Следует отметить, что тогда введение налога на бездетность объяснялось необходимостью привлечения средств для содержания сирот в детских домах в условиях войны. Сейчас же власти вспомнили о налоге на бездетность в целях решения демографической проблемы и пополнения казны, планируя его ввести. Очевидно, что данная инициатива безнравственна со стороны государства по отношению к гражданам.

Сегодня все чаще говорят о необходимости введения налога на бездетность. С точки зрения самоокупаемости данный налог, возможно, и будет эффективным, но стоит учитывать, что расходы на взимание такого налога будут высоки. Как быть в случаях, если родители ребенка разведены? Никто из них не лишен родительских прав, но ребенок будет жить с одним из родителей. Если предположить, что женщина, имеющая ребенка, продолжительное время сожительствует с мужчиной, но не намерена пока регистрировать брак в органах ЗАГС? По сути, люди состоят в фактически брачных отношениях. Но российское законодательство признает только браки, заключенные в органах ЗАГС. Считать ли в данном случае мужчину бездетным, учитывая, что он может содержать и материально поддерживать ребенка своей

сожительницы? К тому же введение налога на бездетность приведет к тому, что часто детей будут рожать в целях ухода от уплаты налога. В дальнейшем это приведет к еще большему распаду института семьи, увеличению количества матерей-одиночек, количеству беспризорных детей, что, в свою очередь, создаст большую нагрузку на бюджетную систему РФ, необходимость введения налоговых льгот, а следовательно, уменьшение поступлений в бюджет. В результате в долгосрочной перспективе получится не увеличение дохода бюджета, а его сокращение.

Исходя из текста НК РФ, налоги не могут быть произвольными, они не должны нарушать права и свободы граждан, препятствовать гражданам реализовывать их конституционные права. Известны случаи, когда в СССР данный налог приходилось уплачивать женщинам, дети которых погибли во время военных действий. Сам по себе налог на бездетность в такой ситуации стал бы умалением достоинства личности. Ведь цель налога заключается в том, чтобы простимулировать улучшение демографической ситуации в стране, а вместе с тем пополнить казну. То есть государство не поощряет лиц, не способствующих развитию институтов семьи, материнства, детства. А в случае гибели в ходе участия в военных действий получается, что государство предъявляет претензии по поводу бездетности женщине, ребенок которой погиб, исполняя конституционную обязанность перед государством. Точно так же нигде не установлена обязанность заводить детей. Это означает, что у граждан есть как право завести ребенка, так и право не заводить детей. В таком случае этот налог будет ограничивать граждан в праве не иметь детей. Еще огромное количество подобных ситуаций можно привести в качестве примера, когда данный налог будет ограничивать права граждан, либо нарушать их.

Транспортный налог

В настоящее время транспортный налог является одним из самых обсуждаемых. Это связано с постоянным ростом его налоговой ставки, что вызывает недовольство граждан, в особенности

¹⁸ *Бастия Ф.* Протекционизм и коммунизм / пер. с франц. Ю.А. Школенко. — Челябинск: Социум, 2011. С. 283.

¹⁹ *Тютин Д.В.* Налоговое право: курс лекций. — М., 2012.

жителей Москвы и Санкт-Петербурга, где данный налог является наибольшим (регионы могут самостоятельно корректировать транспортный налог, в том числе уменьшать налоговую ставку). Чтобы выявить экономическую обоснованность этого налога, следует определить, каким образом он рассчитывается. Транспортный налог представляет собой произведение налоговой ставки региона, количество месяцев нахождения транспортного автомобиля в собственности в текущем году и мощность транспортного средства. Необходимость уплаты транспортного налога вызвана тем, что при эксплуатации автомобиля возрастает загруженность дорог, на ремонт и строительство которых ежегодно уходит большое количество государственных средств, портится экология. Учитывая эти факторы, становится понятно, почему в городах с наибольшей загруженностью дорог налоговые ставки самые высокие.

Однако существует несколько вопросов, связанных с обоснованностью взимания этого налога:

1. Почему человек, в собственности которого находится автомобиль, которым он не пользуется в течение всего года, должен уплачивать налог наравне со всеми? Получается, что в данной ситуации транспортный налог трансформируется в налог на имущество, и его экономическое основание как транспортного налога пропадает, не заменяясь иным основанием.
2. Зачем необходимо установление зависимости налоговой ставки от количества лошадиных сил автомобиля (мощности)? Автомобиль с мощностью в 100 лошадиных сил наносит вред экологии и дорогам ничуть не меньший, чем с 250 лошадиными силами. В данной ситуации происходит столкновение не с экономической обоснованностью такой зависимости между налоговой ставкой и мощностью автомобиля, а с существованием подразумеваемого налога на роскошь.

Для разрешения данных вопросов предлагается заменить транспортный налог повышением акцизов на топливо. Налог будет входить в стоимость топлива, и автомобилисты будут платить в зависимости от того, сколько они ездят. Таким образом, будет более справедливо распределяться налоговая нагрузка

на автовладельцев: кто больше ездит, тот больше платит. Количество уплаченных государству отчислений будет при таком раскладе базироваться не на факте наличия мощного автомобиля, а на действительном количестве его использования. Это позволит избавиться от ситуации, когда человек платит налог на автомобиль, которым не пользуется.

В Министерстве финансов пытались соединить транспортный налог и налог на роскошь. Минфин предложил следующий механизм взимания транспортного налога: при расчете налога необходимо варьировать размер налога в зависимости от мощности двигателя. Но такой механизм не идеален, поскольку под него могут попасть мощные, но старые внедорожники, которые не являются предметами роскоши. А вот старые модели ретро-автомобилей, например, цена на которые является одной из самых высоких на рынке автомобилей, налогом не облагались бы, т. к. мощность у них недостаточно велика.

В Министерстве финансов обсуждались также предложения по варьированной ставке в зависимости от марки автомобиля или его первоначальной рыночной стоимости, но такой механизм является довольно сложным и практически неосуществимым на практике. Член экспертного совета при Правительстве Александр Брагин, партнер аудиторской компании Deloitte, назвал весьма спорным критерий определения дорогостоящего транспортного средства в виде его мощности. По его мнению, это может привести к введению высоких налогов на мощные, но дешевые автомобили из развивающихся стран.

В июле 2012 года на официальном сайте Минфина появился проект налога на дорогие автомобили. Можно тезисно выделить основные моменты этого проекта (по данным Финмаркета):

- внести поправки в главу «Транспортный налог» НК РФ;
- для автомобилей с мощностью двигателя более 410 лошадиных сил (л. с.) нынешнюю базовую ставку увеличить в 20 раз – до 300 руб./л. с., запретив регионам ее снижать (причем выходило, что налог на самый дешевый из подпадающих под определение роскоши автомобилей – внедорожник Ford F-150 – составил бы минимум 123 000 руб. в год);
- регионы имеют право увеличить эту ставку до десяти раз.

В пять раз больше, чем сейчас, законопроектом предлагалось сделать ставки для мотоциклов и гидроциклов свыше 150 л. с. и для катеров и яхт более 300 л. с.²⁰ (повышенные налоговые ставки планируется применять в отношении транспортных средств, произведенных после 2000 года, и они не распространяются на спортивные автомобили и мотоциклы, используемые исключительно для участия в спортивных соревнованиях). Интересен факт, что в базах ГИБДД зарегистрировано около 20 000 автомобилей, соответствующих предлагаемым критериям роскоши. Из них 7000 находятся в Москве, 1000 — в Московской области. Этот законопроект был утвержден Правительством в сентябре 2012 года. Предполагалось, что до 1 марта 2013 года он будет вынесен на общественное обсуждение в рамках Открытого правительства вместе с проектом налога на недвижимость.

Налог на недвижимость

Налог на роскошь тесно связан и с налогом на недвижимость. Как указано в «Основных направлениях налоговой политики Российской Федерации на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов», «вопрос налогообложения объектов роскоши следует решать в рамках планируемого к введению налога на недвижимое имущество. При введении минимальной ставки налога на недвижимость (земельные участки, здания, строения, жилые и нежилые помещения, находящиеся в собственности физических лиц) предполагается установить ставки в зависимости от совокупной кадастровой стоимости всех объектов недвижимости в собственности физического лица в размере от 0,05 до 0,3%. При этом максимальная ставка (без возможности ее снижения на местном уровне) будет установлена для совокупной кадастровой стоимости всех объектов недвижимости свыше 300 млн рублей. Также предполагается, что повышенная налоговая ставка,

²⁰ Финмаркет. Минфин так и не смог обложить роскошь налогами // <http://www.finmarket.ru/z/news/hotnews.asp?id=3231676>.

применяемая к дорогостоящей недвижимости, будет применяться вне зависимости от количества собственников, а также наличия льгот у собственников»²¹. В этом же документе говорится, что в качестве налоговой базы для исчисления налога на недвижимое имущество устанавливается кадастровая стоимость соответствующего объекта налогообложения. На первом этапе в качестве плательщиков налога на недвижимое имущество предлагается признать физических лиц, обладающих правом собственности на здания, строения, сооружения, жилые и нежилые помещения, а также обладающих правом собственности, правом постоянного (бессрочного) пользования или правом пожизненного наследуемого владения на земельный участок. При этом в рамках налога на недвижимость будет введено повышенное налогообложение недвижимого имущества физических лиц с высокой кадастровой стоимостью. В соответствии с Планом реализации мероприятий, обеспечивающих введение на территории Российской Федерации налога на недвижимое имущество, оценка всех объектов капитального строительства в Российской Федерации должна быть завершена в 2012 году.

При этом сроки введения налога на недвижимость напрямую зависят от сроков завершения оценки капитального строительства, поскольку определение наиболее эффективных налоговых ставок по налогу на недвижимое имущество, а также установление конкретных размеров налоговых вычетов возможно только после окончания формирования налоговой базы — кадастровой стоимости объектов недвижимости. Иными словами, речь идет об идее введения налога, который объединит в себе земельный и имущественный налоги и будет основан на кадастровой (близкой к рыночной) цене жилья, то есть будет значительно выше существующих налогов.

Сторонники введения такого налога указывают на его необходимость и экономическую эффективность в целях уменьшения цен на жилье. Обосновывают они это тем, что в настоящее время высокие цены на недвижимость обусловлены ограничен-

²¹ Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов // СПС «КонсультантПлюс».

ным объемом предложений на рынке, несмотря на большие объемы строительства. Причиной этого является распространенное инвестирование в недвижимость. Соответственно, при введении большого налога на недвижимость покупать жилье только с целью инвестирования станет невыгодным, что приведет к росту предложений и снижению цен на недвижимость. Несмотря на приведение экономического обоснования, эффективность налога на недвижимость представляется сомнительной. Существует большая вероятность того, что благая цель, предполагаемая введением налога, не будет достигнута, а его введение лишь вызовет общественное недовольство и отказ собственников жилья платить неоправданно высокий налог.

Кирилл Валерьевич Пестерев¹

КАПИТАЛИЗМ И НАЛОГИ

Автор проводит анализ принципов устойчивой налоговой системы, которая максимально должна быть приближена к реалиям капиталистического общества. Он делает вывод о том, что современная мировая налоговая система в целом, как и налоговые системы отдельных стран, не является эффективной, и убедительно доказывает, что текущее состояние дел даже в экономически развитых странах не соответствует определению классического капитализма. Основное отличие заключается в чрезмерном государственном вмешательстве в экономику. Для решения указанного противоречия автор предлагает повысить уровень свободы в обществе, развивать частный бизнес, а также отказаться от текущей интервенционистской налоговой идеологии.

CAPITALISM AND TAXES. The author analyzes the principles of stable tax system which has to be most approached to realities of capitalist society. He makes a conclusion that the modern world tax system as a whole, as well as tax systems of the certain countries, isn't effective and is earnestly

---

¹ Ассистент Института экономики и права им. Ф. фон Хайека.
E-mail: inst@dlsfund.com

proved that current situation even in economically developed countries, doesn't correspond to definition of classical capitalism. The main difference lies in excessive state intervention in economy. For the solution of the specified contradiction the author suggests to increase the level of freedom in society, to develop private business, and also to refuse the current interventional tax ideology.

Существование государства невозможно без соответствующего финансирования — ведь те расходы, которые осуществляются в рамках реализации государственных программ, должны покрываться соответствующими доходными потоками, причем источник образования этих доходов может быть только принудительной, конфискационной природы, сводящийся к «отчуждению принадлежащих на праве собственности денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства»², т. е. к налогам, как их определяет налоговое законодательство России.

Более того, само существование и поддержание даже минимального государственного аппарата невозможно без финансирования этой деятельности. Как остроумно заметил неизвестный автор: «Работай усердно и честно плати налоги. Тысячи трудящихся в госаппарате рассчитывают на тебя».

Одним из наиболее точных определений капитализма является формулировка, данная Айн Рэнд в статье «Что такое капитализм?»³: «Капитализм — это общественный уклад, основанный на признании прав личности, в том числе права собственности, и предполагающий, что вся собственность находится в руках частных лиц». В то же время из данного определения прямо не следует полное отсутствие государства, и защита прав личности и права собственности зачастую рассматривается как функция государства, а вернее — ее единственная задача и причина существования. Так, Людвиг фон Мизес, ассоциировавший капитализм с обществом,

² Налоговый Кодекс РФ.

³ Рэнд А. Что такое капитализм?// www.inliberty.ru/library/classic/2918.

где реализуются либеральные принципы⁴, писал: «Для либерала государство представляется абсолютной необходимостью, так как на него возложены самые важные задачи: защита не только частной собственности, но и мира»⁵. Соответственно, в рамках данной концепции «любой налог представляется злом, но злом неизбежным»⁶. Данная позиция свойственна значительному числу либеральных исследователей и деятелей, но в то же время существует иная точка зрения, заключающаяся в возможности функционирования общества без института налогообложения, однако в данной статье под капитализмом будет пониматься общество с минимальным государством, а не с отсутствием такового (прежде всего — по причине нереализуемости последней концепции в настоящее время).

Таким образом, исходя из тесной связи между полномочиями государства, собираемыми налогами и установленной экономической системой, принципы, которые заложены в налоговую систему государства, напрямую определяют близость общества к капиталистическому идеалу. Уровень свободы зависит от роли государства, напрямую определяемой налоговыми принципами, поэтому для того, чтобы понять, движется ли современное общество к свободному рынку или же наоборот, к полному контролю экономики и чрезмерному государственному вмешательству, необходимо проанализировать текущую ситуацию в налогообложении, которая и определит конечную роль, которую будет играть государство в экономике.

Для начала анализа необходимо выделить основные принципы устойчивой налоговой системы, которые смогут выступить в качестве ориентиров для оценки текущей ситуации. Данные принципы, сформированные исследовательской организацией в области налогов Tax Foundation⁷, нельзя назвать ха-

⁴ Мизес Л. фон. Теория общественного сотрудничества. Антология // www.sotsium.ru/?link=BOOK&id=150.

⁵ Мизес Л. фон. Либерализм / Пер. с англ. А. В. Куряева. — М., 2001. 239 с.

⁶ Brandly M. Austrians and their Precursors on Taxation // www.mises.org/journals/scholar/brandly.pdf.

⁷ Principles of Sound Tax Policy // www.taxfoundation.org/principles-sound-tax-policy.

ракторными исключительно для капиталистического общества, но они являются результатом здравого смысла и не противоречат идеям свободного рынка:

- принцип низких налоговых ставок;
- принцип простоты, заключающийся в максимальном упрощении налогового законодательства и сокращения административных издержек, связанных с уплатой налогов;
- принцип прозрачности, заключающийся в отсутствии двусмысленных положений в налоговом законодательстве, а также четко обозначенных процедурах;
- принцип стабильности, заключающийся в отсутствии изменений в налоговом законодательстве, недопущении временных налогов и прочих мер налоговой политики;
- принцип нейтральности, заключающийся в том, что цель любого налога — пополнение бюджета государства (для выполнения функции защиты личных прав), а не в управлении экономикой (стимуляцией/дестимуляцией отдельных видов деятельности и т. д.).

Дальнейший анализ современной налоговой ситуации позволит сделать вывод, соответствует ли направление, взятое правительствами государств и международным сообществом, данным принципам.

Наиболее очевидным и измеримым показателем, характеризующим налоговую систему той или иной страны, является уровень налоговых ставок. Поскольку количество налогов в разных странах различается, так же как и степень важности того или иного налога, то для объективного сопоставления ставок в налоговых системах разных стран необходимо рассчитывать некий единый показатель — общую ставку налоговой нагрузки на бизнес.

Так, в исследовании *Global Paying Taxes 2014*⁸, проводимом в рамках подготовки доклада «Ведение бизнеса» (*Doing Business report*), в качестве такого показателя рассчитывается общая налоговая ставка, которая измеряет соотношение налоговых издержек (сумма налогов и обязательных отчислений, которые

⁸ *Paying Taxes 2014: The Global Picture*// www.doingbusiness.org/reports/thematic-reports/Paying-Taxes

уплачивает налогоплательщик во второй год существования компании за исключением удерживаемых компанией налогов (например, НДС) и косвенных налогов (например, НДС) к прибыли до вычета всех этих налоговых издержек.

Несмотря на то, что за 9 лет (время, в течение которого проводится исследование и, соответственно, считается данный показатель) среднемировая налоговая ставка сократилась на 9%, в 2014 году⁹ данный показатель равнялся 43,1%. Таким образом, компании в среднем по миру лишаются фактически половины своей прибыли, что означает сокращение потенциальных инвестиций, уменьшение вознаграждения за предпринимательскую активность и общую дестимуляцию развивать бизнес, ведь «прибыль — продукт ума, результат успешного предвосхищения будущего состояния рынка [и наилучшего обслуживания потребителей]»¹⁰.

Интересно проанализировать данный показатель в отношении отдельных стран, особенно в отношении тех, которые исторически считаются оплотом свободы, капитализма и рыночных принципов (т. н. западные страны).

Так, в США общая ставка налоговой нагрузки составляет 46,3%, Великобритании — 34,0%, Испании — 58,6%, Нидерландах — 39,3%, Германии — 49,4%, Франции — 64,7%, Италии — 65,8%, Австралии — 47,0%, Японии — 49,7%. При этом в странах так называемого «скандинавского социализма» ставки в большинстве своем не только сопоставимы, но и ниже: в Швеции — 52,0%, Норвегии — 40,7%, Финляндии — 39,8%, Дании — 27,0%. В сравнении же с лидерами рейтинга (Бахрейн — 13,5%, Бруней — 16,1%, Грузия — 16,4%, Косово — 15,4%, Кувейт — 12,4%, Лесото — 16,0%, Македония — 8,2%, Катар — 11,3%, Саудовская Аравия — 14,5%, Тимор-Лесте — 11,0%, ОАЭ — 14,9%, Вануату — 8,4%, Замбия — 15,1%) становится очевидно, что показатели «капиталистических» стран очень далеки от рыночного идеала.

В целом приведенные цифры позволяют утверждать, что текущее состояние мировой экономики в отношении величины

⁹ Имеется в виду исследование 2014 года, в котором была проанализирована финансовая информация за 2012 год.

¹⁰ *Мизес Л. фон. Прибыль и убыток* // www.sotsium.ru/books/208/323/Mises_Profit%20and%20Loss_rus.html

налоговой нагрузки и уровня ставок не соотносится с *принципом низких ставок*, который отражен в «золотом правиле налогообложения» Жана Батиста Сэя: «Лучшая схема финансирования состоит в том, чтобы тратить как можно меньше; а лучшим налогом всегда будет самый незначительный»¹¹. Кроме того, учитывая, что в наиболее развитых странах, оказывающих наибольшее влияние на мировую экономику и задающих основные тенденции развития других стран, налоговая нагрузка является предельно высокой, то можно утверждать, что на глобальном уровне принцип низких ставок не реализуется вовсе.

Другим важным принципом, который также оценивается в исследовании *Global Paying Taxes 2014*, является *принцип простоты*. В указанном исследовании рассчитываются два показателя, которые характеризуют простоту налоговой системы и уровень административных издержек, связанных с уплатой налогов, а именно:

- количество времени, необходимого для подготовки, подачи и уплаты основных налогов¹² и соответствующих деклараций за год;
- количество ежегодных налоговых платежей.

Так же как и в случае с анализом налоговых ставок, данные показатели в среднем по миру сократились с момента издания первого исследования, проведенного в 2004 году. Так, количество часов сократилось на 55, а количество платежей — на 7. В то же время несмотря на то, что данные показатели уменьшаются, их величина остается крайне высокой.

- Среднемировая величина количества часов, необходимых для подготовки, подачи и уплаты, насчитывает 268 часов, что составляет 33,5 рабочих дня или более полутора календарных месяцев.
- Среднемировая величина количества ежегодных налоговых платежей составляет 26,7 платежа, или один платеж менее чем в 2 недели.

¹¹ Ротбард М. Миф о нейтральном налогообложении // www.ep.ane.ru/pdf/EP_6-2009.pdf

¹² Имеются в виду налог на прибыль, НДС и налоги, связанные с оплатой труда.

Так же как и в случае анализа налоговых ставок, главным предметом интереса являются прежде всего «капиталистические» страны Запада. Так, количество часов равняется следующим величинам: в США — 175 часов, Великобритании — 110 часов, Испании — 167 часов, Нидерландах — 123 часов, Германии — 218 часов, Франции — 132 часа, Италии — 269 часов, Австралии — 105 часов, Японии — 330 часов. Причем показатели стран «скандинавского социализма» опять же не только сопоставимы, но и преимущественно ниже: в Швеции — 122 часа, Норвегии — 83 часа, Финляндии — 93 часа, Дании — 130 часов. Несмотря на то, что показатели приведенных стран лучше, чем среднемировая величина, они все равно сильно уступают лидерам рейтинга (Бахрейн — 36 часов, Люксембург — 55 часов, Сан-Марино — 52 часа, Катар — 41 час, ОАЭ — 12 часов). Наиболее же затратными по времени являются налоговые системы Бразилии (2600 часов или 325 рабочих дней, что значительно превышает количество рабочих дней в году), Боливии (1025 часов или 128 рабочих дней) и Нигерии (956 часов или 119,5 рабочих дней).

В отношении количества ежегодных налоговых платежей показатели следующие: в США — 11, Великобритании — 8, Испании — 8, Нидерландах — 9, Германии — 9, Франции — 7, Италии — 15, Австралии — 11, Японии — 14. Интересно, но несмотря на относительно низкую величину, даже по этому показателю страны «скандинавского социализма» опережают «капиталистические» страны: в Швеции — 4, Норвегии — 4, Финляндии — 8, Дании — 10. Мировыми лидерами являются Гонконг и Саудовская Аравия — 3, Катар и ОАЭ — 4 (наряду с Швецией и Норвегией).

Подводя итоги приведенного анализа, можно отметить, что в отличие от налоговых ставок, которые в развитых «капиталистических» странах выше, чем среднемировая величина, административные показатели выглядят более привлекательно, что объясняется более эффективной и прозрачной (в сравнении с остальными странами) бюрократической системой. В то же время эти величины не являются минимальными, что говорит о невозможности назвать налоговые системы данных стран (как и остальной мир) капиталистическими.

Кроме того, нужно учесть, что приведенные показатели

не позволяют оценить простоту и эффективность налоговых систем в полной мере, поскольку компании тратят значительное время не только на подготовку налоговых деклараций и уплату налогов, но также и на разрешение неясностей в законодательстве, налоговые проверки, судебные разбирательства с налоговыми органами. Для решения данных проблем привлекаются не только внутренние сотрудники, но и внешние консультанты, работа которых является для частного бизнеса дополнительными издержками. Данное обстоятельство обуславливается тем фактом, что чем экономически более развитой является страна, тем более сложным и чрезмерным является налоговое законодательство. Так, например, общее число страниц, регулирующих налоговое законодательство США в 2013 году, составляет 73 954 страницы формата А4¹³. Если на чтение одной страницы тратить 2 минуты (вероятнее всего, в действительности времени понадобится больше, учитывая специфику законодательного стиля языка), то только на прочтение всех норм уйдет более 154 рабочих дней. Если же учитывать постоянно вносимые изменения, часть прочитанной информации будет уже неактуальной.

Безусловно, при таком громоздком по объему законодательстве не может выполняться *принцип прозрачности налоговой системы*, подразумевающий отсутствие возможности двояко толковать те или иные нормы. Более того, в настоящее время существует тенденция, что даже в случае четко сформулированных норм и правил государственные органы все равно обвиняют налогоплательщиков, ссылаясь на абстрактные нормы морали и общественного долга.

Начиная с 2012 года как в американском, так и в британском парламенте проходят слушания по делу нескольких крупнейших транснациональных корпораций (Apple, Google, Microsoft, Hewlett-Packard, Amazon.com), использовавших налоговое планирование для оптимизации налоговых расходов. Компании, использовавшие нормы международного налогообложения, создавали внутригрупповые структуры, позволяющие легально пе-

¹³ CCH Inc. Number of pages in the CCH Standard Federal Tax Reporter // ww.cch.com/TaxLawPileUp.pdf

реносить центры прибыли из юрисдикций с высокой налоговой нагрузкой (США, Великобритания) в юрисдикции с низкой налоговой нагрузкой (оффшоры), были подвергнуты острой критике законодателей. Причем в этой критике политики позволяли себе опрометчиво переносить ответственность за существующие фискальные проблемы (высокая налоговая нагрузка, дефицит бюджета), возникшие по вине чрезмерно разросшегося государства и принятых ранее законодателями финансово безответственных решений, на бизнес, фактически содержащий этот государственный аппарат (обвиняемая Конгрессом США Apple в 2012 году заплатила \$6 млрд налога на прибыль в американский бюджет). Так, председатель подкомитета сената США по расследованиям, представитель Демократической партии США Карл Левин позволил себе следующий комментарий: «Мы разоблачим эту и другие схемы, с помощью которых Apple уходила от налогов за рубежом, чтобы честные налогоплательщики США увидели, как оффшорные лазейки увеличивают их налоговую нагрузку, дефицит федерального бюджета, и мы прикроем эти лазейки»¹⁴.

Важным фактором данного противостояния является и реакция обвиняемой стороны. Так, Тим Кук, генеральный директор Apple, заявил: «Мы платим все налоги, которые должны платить, каждый доллар. Мы подчиняемся закону и духу закона»¹⁵, а также – что компания не намерена возвращать прибыли в США, пока в стране такой высокий налог на прибыль и такой сложный налоговый кодекс¹⁶. Председатель совета директоров и сооснователь другой обвиняемой компании, Google, Эрик Шмидт также прокомментировал ситуацию: «Мы платим много налогов; мы платим налоги в соответствии с действующим законодательством. Я очень горжусь той схемой, которую мы создали. Мы сделали это, основываясь на льготах, которые предложили нам для работы власти разных стран. Компания не собирается отказываться от большой экономии на налогах. Это называется

¹⁴ Серьгина Е., Смирнов С. Охота на уклонистов // Ведомости-2013. Вып. 87 (3349).

¹⁵ РГ // www.rg.ru/2013/05/22/timcook-site-anons.html

¹⁶ Оверченко М., Шлейнов Р. Уклонение по-американски // Ведомости-2013. Вып. 90 (3352).

капитализм. Мы гордимся тем, что мы капиталисты. Мне нечего стыдиться»¹⁷. Слова Тима Кука и Эрика Шмидта точно следуют логике Людвиг фон Мизеса: «Что такое лазейка? Если закон не наказывает определенное действие или не облагает налогом определенную вещь, то это не лазейка. Это просто закон»¹⁸.

Сложившаяся ситуация соответствует текущему духу времени и той этатистской идеологии, которая преобладает на уровне политических и интеллектуальных элит. Создатели и управляющие компаний, приносящих многомиллиардную ценность потребителям, вынуждены объяснять разницу между законом и моралью, защищаясь перед людьми, живущими на их деньги и обвиняющими их в том, что они должны платить больше, чем то предусматривают законы, которые они сами же и принимают. В данном контексте уместна еще одна цитата Людвиг фон Мизеса: «С позиции интересов бюрократов любая мера, увеличивающая правительственную зарплату, — это прогресс»¹⁹.

В то же время некоторые компании не сопротивляются оказываемому прессингу и принимают навязанные правила игры. Так, после проведенного журналистского расследования Reuters международная сеть кофеен Starbucks, несмотря на убытки в Великобритании, добровольно заплатила 5 млн фунтов налогов, «решив воздержаться от определенных налоговых вычетов», предусмотренных законодательством²⁰.

Подводя итог применимости принципа прозрачности в современной мировой налоговой системе, можно утверждать, что он не реализуется. Ситуация, в которой бизнес могут обви-

¹⁷ Серьгина Е., Смирнов С. Охота на уклонистов // Ведомости-2013. Вып. 87 (3349).

¹⁸ Director A. Defense, Controls and Inflation // <http://library.mises.org/books/Aaron%20Director,%20ed/Defense,%20Controls,%20and%20Inflation.pdf>

¹⁹ Mises L. von. Planning for Freedom and twelve other essays and addresses // <http://library.mises.org/books/Ludwig%20von%20Mises/Planning%20for%20Freedom%20and%20Twelve%20other%20Essays%20and%20Addresses.pdf>

²⁰ Агамалова А. Starbucks впервые с 2008 г. заплатила налоги в Британии // www.vedomosti.ru/companies/news/13425461/starbucks_v_pervye_s_2008_g_zaplata_nalogi_v_britanii

нить в неуплате налогов, исходя не из законодательных норм, а из моральных обязательств, не может быть приемлема в капиталистическом обществе. И если раньше постулат о насильственной уплате налогов («Налоги платятся, потому что граждане боятся оказать сопротивление сборщикам налогов. Они знают, что любое неповиновение или сопротивление безнадежно. Пока положение дел остается таковым, государство способно собрать деньги, которые оно желает израсходовать. В конечном счете государство — это использование вооруженных людей: полицейских, жандармов, солдат, тюремных охранников и палачей. Основным признаком государства является то, что оно воплощает свои декреты путем избиений, убийств и заключения в тюрьму»²¹.) применялся только к тем налогам, что налогоплательщик должен заплатить по закону, то теперь он применим и к налогам, которые налогоплательщику *следует* заплатить, исходя из пожеланий политиков и государственных чиновников.

Анализируя принцип стабильности, необходимо отметить, что данный принцип не сохраняется на протяжении всего времени существования государства, найдя отражение в поговорке, что «нет ничего более постоянного, чем временное». Многие из текущих налогов были введены как временные меры (например, канадский подоходный налог, введенный премьер-министром Робертом Борденом в 1917 году как временная мера для финансирования военных расходов). Кроме того, при текущей политической ситуации, учитывая перманентные экономические сложности в США и Европейском Союзе, а также постоянно растущие государственные расходы, налоговые системы большинства стран постоянно претерпевают изменения.

Одним из наиболее ярких примеров является возникшая неопределенность по продлению налоговых льгот накануне фискального обрыва в конце 2012 года. Возникшее непонимание относительно будущего состояния налоговой системы заставило компании и инвесторов форсировать принятие решений. Так, многие инвесторы начали продавать свои активы (акции), по-

²¹ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность // www.libertarium.ru/humanact

высыв, соответственно, предложение и понизив капитализацию ряда компаний (по мнению участников рынка, этот факт оказал значительное влияние на падение стоимости акций Apple²²). Другим примером является досрочная выплата дивидендов, которые иначе могли бы быть использованы для развития бизнеса. Например, компания Google заранее выплатила дивидендов за 2013 финансовый год на общую сумму \$867 млн²³, чтобы не облагать выплаты повышенным налогом.

Последний рассматриваемый принцип — *принцип нейтральности* — заключается в недопустимости попытки управлять экономическими и общественными процессами с помощью налогового регулирования. Большинство современных экономистов мейнстрим-направления помимо фискальной функции выделяют и другие дополнительные функции налогов (контрольную, стимулирующую, социальную). Политические деятели и законодатели также придерживаются подобной позиции.

Введение «зеленых» налогов, прогрессивного подоходного налога, повышенных акцизов на «вредные» продукты, такие как алкоголь и сигареты, повышение налогов на основании перераспределительной и социальной риторики — наиболее яркие примеры того, что в современном обществе налоги вышли далеко за пределы своей первоначальной функции.

Более того, существует множество примеров попыток нелепого регулирования привычек и поведения людей с помощью механизмов налогообложения. В 2011 году в Дании был введен специальный дополнительный налог на продукты, содержащие более 2,3% насыщенных жиров, в том числе на масло, молоко, пиццу, мясо, чипсы, хот-доги и т. д. Цель данного налога заключалась в снижении потребления данных продуктов и уменьшения уровня тучности и числа сердечно-сосудистых заболеваний (налог был отменен в 2012 году)²⁴. В то же время на 2011 год в США

²² *Сергина Е., Оверченко М.* Apple упала перед обрывом // Ведомости-2013. Вып. 240 (3254).

²³ *Силонов А.* Ларри Эллисон получит аванс // Ведомости-2013. Вып. 231 (3245).

²⁴ The Economist // <http://www.economist.com/news/europe/21566664-danish-government-rescinds-its-unwieldy-fat-tax-fat-chance>

конфеты облагались бóльшим налогом, чем прочая бакалея в 17 штатах, а в 4 штатах существовал акциз на газированные напитки²⁵. Принятие подобных налогов, введенных для изменения потребительских привычек и поведения людей, не может быть допустимо в здоровой капиталистической экономике.

Таким образом, проведя анализ по каждому из пяти принципов устойчивой налоговой системы, которая максимально была бы приближена к реалиям капиталистического общества, можно утверждать, что в настоящий момент мировая налоговая система (так же как и налоговые системы отдельных стран) не соответствует указанным критериям. Более того, текущее состояние дел в наиболее развитых странах, которые исторически принято называть капиталистическими, предельно отдалено от того, что подразумевается под капитализмом в классическом понимании данного термина, и является продуктом чрезмерного государственного вмешательства в экономику. Для внесения позитивных изменений и повышения уровня свободы в обществе, развития частного бизнеса и повышения эффективности функционирования государства необходимо отказаться от текущей налоговой идеологии и неуступчиво следовать простым, но предельно четким принципам, рассмотренным в данной статье.

²⁵ *Drenkard S.* Overreaching on Obesity; Governments Consider New Taxes on Soda and Candy // <http://taxfoundation.org/sites/taxfoundation.org/files/docs/sr196.pdf>

Симонян Александра Сергеевна¹

КРИТИКА БЮРОКРАТИИ В ИСТОРИИ ПОЛИТИКО- ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Автор обращает внимание на особенности российской бюрократии. Это явление существует долгие годы и, очевидно, будет существовать и далее, до изобретения обществом иного механизма управления. Тема данной работы представляется чрезвычайно актуальной, поскольку критика существующей бюрократии — первый шаг на пути к ее совершенствованию. Целью работы является рассмотрение основных концепций, критикующих бюрократию, проведение их анализа и выявление общих черт. Автор определяет понятие «бюрократия» и обнаруживает ее основные черты. В результате анализа форм и этапов развития этого института читателям предоставляется возможность определить его перспективы как в России, так и для всего мира.

CRITICISM OF BUREAUCRACY IN THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL THOUGHT. The author pays attention to fea-

---

¹ Ассистент Института экономики и права им. Ф. фон Хайека.
E-mail: inst@dlsfund.com

tures of the Russian bureaucracy. This phenomenon has existed for many years and, obviously, will exist and further, to the invention of society of other control mechanism. The subject of this work is extremely actual, as criticism of existing bureaucracy — the first step on the way to its improvement. The purpose of work is consideration of the main concepts of criticizing bureaucracy, carrying out their analysis and identification of common features. The author defines the concept of “bureaucracy” and finds her main features. As a result of the analysis of forms and stages of development of this institute, readers are given the opportunity to define its prospects, both in Russia, and for the whole world.

Вводные замечания

Критика — не только суд над прошлым и настоящим, но и предсказание будущего — пророчество.
(Дмитрий Мережковский)

Бюрократия... Когда мы слышим это слово, сразу возникают такие ассоциации: государство, чиновники, управление, администрация, власть, правительство. И действительно, с возникновением древнейших государств почти сразу стал формироваться чиновничий аппарат. Механизм для всех цивилизаций очень похож: сначала выдвигается единоличный правитель с командой своих близких единомышленников, затем он начинает делегировать свои полномочия отдельным деятелям; с разрастанием территорий и усложнением социальных и политических механизмов таких людей становится все больше и больше, формируется определенная структура и иерархия. Конечно, в зависимости от местности существовали всевозможные различия, разные формы бюрократии. Но важно то, что бюрократия

существует уже многие тысячелетия, с момента возникновения государственности в ее разных проявлениях.

Как и любое дрящееся событие или явление, бюрократия подвергалась и будет подвергаться критике. Итак, что же такое критика? Критика состоит из нескольких элементов. Во-первых, это выявление недостатков рассматриваемого объекта (в данном случае это концепция бюрократического устройства администрации), возможно, некоторых заблуждений концепции, а также выявление ее достоинств. Критика, чтобы не превратиться в простое критиканство, должна быть аргументированной, объективной и конструктивной. Отсюда второй элемент критики — предложения по модернизации объекта или выдвижение новых идей, для замены существующих порядков. Только в таком случае критика будет эффективной, приведет к прогрессу общества и его отдельных систем.

Как мы видим из истории, с развитием политико-правовой мысли постоянно возникали новые теории и концепции, в том числе и благодаря критике предыдущих (основные концепции будут рассмотрены далее). В частности, будут рассмотрены особенности развития российского бюрократизма: в имперской России и в советский период. Бюрократия существует уже долгие годы и, очевидно, будет существовать до изобретения другого механизма управления делами государства. Соответственно, тема данной работы представляется чрезвычайно актуальной, ведь критика существующего, тем более давно укоренившегося порядка есть первые шаги на пути к идеалу. Целью работы являются рассмотрение существующих на данный момент основных концепций, критикующих бюрократию, проведение анализа этих концепций, выявление общих для них черт. Основная задача данного исследования — определение понятия «бюрократия», выявление негативных и позитивных черт бюрократии. По средствам анализа форм и этапов развития бюрократии, критических концепций нам представляется возможным определить перспективы данного института, как для России, так и для мира.

Явление бюрократии

Понятие бюрократии

В обыденном понимании бюрократия ассоциируется с чем-то негативным, архаичным, отсталым. Во многом это связано с негативным опытом СССР в этой области, хотя то же самое можно сказать и о современной России. Такое положение вещей является вполне обоснованным, ведь обыватели определяют различные явления общественной жизни, основываясь на тех его проявлениях, которые непосредственно касаются его жизни. В свою очередь, запоминаются гораздо лучше только негативные моменты. Ко всему прочему, население обычно не пытается посмотреть вглубь явления, понять его суть. Таким образом, формируется исключительно негативное одностороннее понятие о бюрократии. Конечно, другая ситуация царит в научной среде. Попробуем определить основные подходы к определению понятия бюрократии.

Обратимся к самому термину, его происхождению. Впервые термин «бюрократия» был введен в употребление в 1745 году Винсеном де Гурне² (1712–1759, французский государственный деятель и экономист³). Слово происходит от французского *bureau*, означающего как «стол», так и «учреждение», и греческого *κράτος* — власть, управление. Таким образом, первоначально бюрократия обозначала власть чиновников, особенно правительственных. Как мы видим, сейчас значение этого термина расширилось и применяется почти ко всем организациям, даже в коммерческой сфере. В общем можно сказать, что Гурне приписывал бюрократии негативные черты, например неэффективность и волокиту.

² Гидденс Э. Социология // Интернет-ресурс: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/gidd/09.php

³ Бизнес-словарь // Интернет-ресурс: www.businessvoc.ru/bv/TermWin.asp?theme=&word_id=3017

Советская наука также давала коннотации только с негативными чертами бюрократии. Во-первых, сразу определяется «круг поисков» — форма социальной организации, причем они могут быть как политическими, так и экономическими и идеологическими. Во-вторых, говорится о существовании бюрократии, исключительно негативном существе, по мнению Н.В. Новикова:

- отрыв решений центра не только от воли народа, но и от воли большинства членов организации;
- форма подавляет содержание;
- подчинение правил и задач функционирования целям сохранения и даже укрепления организации⁴.

Подход Паркинсона также во многом похож на подход Маркса: «Человек в основании пирамиды полагает, что людям наверху виднее. Но те жутко заняты и полагают, что вопрос тщательно изучен в нижних эшелонах — там у людей для этого есть время». Это весьма удивительно, ведь Паркинсон был противником коммунизма, но, видимо, бюрократия представлялась злом для всех: и для «капиталистов», и для «коммунистов». Но стоит заметить, что они понимали бюрократию только в связке со всеми негативными чертами, хотя сам термин совсем не предполагает этого, он лишь констатирует существование власти специально подготовленных для этого людей — бюрократов или чиновников (универсальное слово-заменитель для обидного для некоторых «бюрократ»).

Перейдем к определениям, которые дает современная наука. Например, бюрократия — структура организации, для которой характерны: четкая управленческая иерархия, правила и стандарты, показатели оценки работы, принципы найма, основывающиеся на компетенции работника⁵. То есть бюрократия — это лишь тип организации, определение дает только механизм ее работы без каких-либо оценок, привязки к идеологии и так далее.

Выбивается из общего контекста определение, которое дает Макс Вебер. Он определяет бюрократию как идеальную рациональную организацию.

⁴ Большая Советская Энциклопедия – [www-документ] //http://bse.sci-lib.com/article002597.html

⁵ Понятие бюрократии – [www-документ] //http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RB8wuqwgyo9

Несколько другое определение дает Людвиг фон Мизес в своей книге «Бюрократия». Бюрократическое управление — управление такими делами, которые невозможно контролировать при помощи экономического расчета⁶.

*Воистину чудесные дела:
Возносятся безмозглые тела,
А родовая знатность вознесла.
(Авиценна)*

Модели бюрократии

Как и любое социальное и политическое явление, бюрократия, бюрократическая модель управления развивалась поступательно и изменялась в зависимости от исторических реалий той или иной эпохи или цивилизации. Рассмотрим основные модели (исторические этапы) бюрократии. Говоря о развитии бюрократии, можно выделить две основные модели: азиатскую и европейскую⁷. Азиатская модель (также известная как имперская) является более ранней по сравнению с европейской и представляла собой естественное продолжение родовых отношений, крайне развитых в восточном обществе и по сей день. А наличие родовых отношений во власти означает ее патриархализм, то есть «чистый» вид традиционной власти⁸. Со временем он преобразовался в патримониализм, когда правитель в какой-то степени свободен от власти обычаев и традиций и его власть приобретает личный характер. Логичным последствием становится то, что высокое положение того или иного чиновника воспринимается как милость правителя; кроме того, власть первого условна: она

⁶ Мизес Л. фон. Бюрократия. – Челябинск: Социум, 2006. С. 73.

⁷ Колесниченко З.П. О некоторых чертах психологического портрета российской бюрократии // Историческая психология, психология, социальная психология. 2004. С. 346.

⁸ Типы легитимации политической власти // Интернет-ресурс: www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1120883&subID=100006010,100072270,100072286#text

ограничена волей государя, а чиновник – лишь его слуга. В любой момент чиновник мог лишиться всего: положения, статуса, влияния – так как все это зависело лишь от (не) расположения главы государства к конкретной персоне⁹.

Китайскую бюрократию можно назвать идеальной представительницей данного типа. В Китае такая модель получила наибольшее развитие. Итак, перечислим основные характеристики азиатской модели, существовавшей в Китае.

Начнем с того, что государство в представлении китайцев было большой семьей, главой которой был император, а подданные имели статус простых «членов семьи». Согласно этому, император обладал правом собственности на всю землю в государстве, а чиновники выступали в качестве управляющих его собственностью.

Необходимо заметить, что эта система действительно оказалась весьма эффективной: она существовала более двух тысяч лет. Возможно, так произошло благодаря своеобразному соотношению власти императора и бюрократии. Так, несмотря на значительную роль бюрократии в жизни государства (она просто не могла не играть заметной роли из-за объема служащих), бюрократия оставалась лишь штатом слуг при государе и не осознавала себя классом, некой общностью людей, объединенных общими интересами и схожим социальным положением. Такое положение обеспечивалось рядом мер по разобщению чиновников и их интересов, например:

- отсутствие у чиновников узкой специализации (принцип похожий на сталинское «незаменимых нет»);
- призрачность перспектив продвижения по служебной вертикали;
- жесткие меры по предотвращению неформальных отношений в среде чиновников: личная дружба, браки с женщинами из числа местных жителей, приобретение собственности, находящейся под юрисдикцией чиновника;
- небольшое жалованье, что заставляло чиновников выживать из населения все ресурсы (в том числе и в личную

пользу). Это, в свою очередь, превращало бюрократов в нарушителей закона со всеми сопутствующими последствиями – страхом разоблачения, неуверенностью даже в ближайшем своем будущем, возможностью держать его «на крючке» и т. п.;

- наличие секретной полиции для контроля высшей и средней бюрократии, практика связи императора непосредственно с низшим эшелонем бюрократии, отсутствие должности главы правительства, назначение всех должностей лично императором¹⁰.

Как мы видим, система, контролирующая бюрократов, была весьма жесткой. Это говорит о том, что правители Китая понимали опасность, которая исходила от сплоченной и недостаточно контролируемой бюрократической системы. На примере китайской модели можно сделать вывод о том, что в азиатской модели публичной службы как таковой не существовало. Огромный штат чиновников был создан и существовал ради обеспечения нужд центральной власти, нужд самой бюрократии, но не для блага людей.

Теперь обратимся к европейской модели бюрократии. Для нее характерны несколько другие черты. Отличия объясняются тем, что европейский социум, а значит, и государственность формировались в направлении противоречий естественным (родовым) отношениям, разрушая их¹¹. Взамен им пришло позитивное право с его четкими предписаниями. Во-первых, функция бюрократии состояла не только в служении правителю и своим интересам, но и в отправлении необходимых для всех слоев общества публично-властных функций¹². Бюрократия европейской модели являлась «истинной» бюрократией, в отличие от ее азиатского аналога, представлявшего собой лишь часть черт, присущих бюрократии. В азиатской бюрократии не было главного – бюрократии как сплоченной общности людей с определенным

⁹ Исторические модели бюрократической культуры // Интернет-ресурс: www.myakushkin.ru/content/view/136/114/

¹⁰ *Оболонский А.И.* Гражданская служба. – М., 2004. С. 15.

¹¹ *Колесниченко З.П.* О некоторых чертах психологического портрета российской бюрократии // Историческая психология, психиатрия, социальная психология. 2004. С. 347.

¹² *Оболонский А.И.*, С. 17.

родом занятий, деятельностью в сфере управления делами государства. Во-вторых, модели отличаются степенью независимости бюрократов в системе: в европейской модели чиновник получал некоторую независимость с помощью контракта (договора)¹³, в азиатской модели таковой просто не существовало. Таким образом, договор, описывая права и обязанности чиновника, ограждал бюрократов от произвола правителя и закона.

История бюрократии в России

Бюрократическая система в России начала по времени формироваться почти параллельно с западной (как мы выяснили, относящейся к так называемой европейской модели), но, несмотря на это, первая приобрела в основном черты азиатской модели¹⁴. Начало формирования бюрократии связано со становлением единого государства, «собираанием земель русских». Необходимость аппарата чиновников обуславливается увеличением территории и количества населения. Ведь при таких условиях появляется множество проблем с управлением, приспособлением власти к новым условиям. Этому и призвана бюрократия.

Главными представителями бюрократии на Руси были бояре, объединенные в Боярскую думу, которая просуществовала с X века до времен Петра I. В целом Дума до конца XVII века просуществовала примерно в таком виде: «Легитимное правительственное учреждение традиционного типа с определенным политическим влиянием, но без конституции, правительственный орган с широким кругом дел, но без развитой канцелярии, архива и делопроизводства»¹⁵. Мы видим характерные черты азиатской модели бюрократии:

– приверженность традициям: в Думу могли попасть лишь

представители знатных боярских родов. Хотя в Думу и попадали, благодаря своим личным качествам или заслугам перед государством, незнатные люди (думные дворяне и думные дьяки), но они не имели особого влияния;

- незначительность влияния на политику государства;
- отсутствие оформленного аппарата, а значит, отсутствие бюрократии как общности.

Это обеспечивало некую безопасность от посягательств на власть государя, то есть стабильность системы.

Поговорим о времени правления Ивана Грозного (1530–1584). В это время происходит формирование относительно самостоятельной административной (аппаратной) власти¹⁶. Теперь управленческая система преобразовалась из дворцово-вотчинной в общегосударственную, с широкой сетью органов по всей стране. Появились органы власти, специализирующиеся на определенной сфере жизни общества или государства, — приказы. Например, три важнейших: Посольский, Разрядный и Поместный приказы. Приказы были своеобразной революцией в системе государственной власти на Руси: до их учреждения не существовало отдельных органов «исполнительной» власти, укомплектованных штатом постоянных профессиональных чиновников-дьяков (появились в конце XV – начале XVI века)¹⁷. Как мы выяснили, в отличие от бояр, дьяки отличались сравнительно «низким» происхождением. Таким образом, вместе с приказной системой произошла смена основополагающих принципов бюрократии: родового принципа на принцип профессиональной пригодности. Теперь предпочтение отдавалось менее родовитым, но более подкованным в приказных делах претендентам. Как результат, среди представителей дьяческой корпорации чаще встречались чиновники, достигшие своего положения с помощью своих деловых качеств. Такие люди менее амбициозны, и у них меньше мотивов для оппозиции, организации заговоров. Но у приказной системы были и минусы. Во-первых, не существовало четкой спе-

¹³ Колесниченко З.П. О некоторых чертах психологического портрета российской бюрократии // Историческая психология, психиология, социальная психология. 2004. С. 347.

¹⁴ Макарин А.В. Бюрократия в системе политической власти. – СПб., 2000. С. 92.

¹⁵ Там же. С. 93.

¹⁶ Крючков Ю.А., Утенков В.М., Граждан В.Д. Государственная гражданская служба. – М., 2007. С. 51.

¹⁷ История российской монархии / Под ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2000. С. 20.

циализации полномочий и сфер деятельности приказов. Например, при Алексее Михайловиче функционировал приказ тайных дел, который ведал: секретными сношениями, перепиской царя, изготовлением грамот и соколиной охотой¹⁸. Как мы видим, последнее полномочие совершенно не соответствует наименованию приказа и возлагаемой на него миссии — регулирование «тайных дел» правителя и государства. Во-вторых, нередко отрасли одной деятельности дробились по разным приказам, например дела правосудия, военное дело, финансовое дело. Отсюда путаница как для граждан, так и для самих чиновников, неэффективность, волокита. Кроме того, «благодаря» такому порядку существовало излишнее количество приказов (в общей сложности их было 100, но одновременно существовало примерно 40¹⁹), что порождало различные трудности, например финансового характера. Каждому приказу давались города или области в кормление или доходные статьи. Значит, вся масса чиновничьих расходов выливалась в постоянно растущие налоги для граждан.

Со временем возникла необходимость в преобразовании приказной системы во что-то новое и более эффективное. Этому и послужила реформа Петра I, который принял знаменитую «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных» (1722 год)²⁰. Слово «статский» немецкого происхождения и означает «гражданский». По этому документу все государственные работники делились на три чина: воинские, статские и придворные, а также на 14 классов или рангов. Основным критерием служебной годности и продвижения по службе были знатность, личные способности, образование и заслуги. Характерной особенностью формирования российской бюрократии в это время (да в императорской России вообще) было то, что она имела ярко выраженный сословный характер: значительная часть чиновников были дворянами или становились таковыми в результате государственной службы, получая вместе с должностями определенное классное личное, а затем и потомственное дворянство.

Кроме того, Петр создал новую систему власти по за-

падному образцу: император, Сенат, коллегии, губернии, провинции, уезды, дистрикты. Эта система во многом похожа на европейскую, но не во всем. Ее существенным отличием было то, что гарантом эффективности всегда выступал лишь один человек — император²¹. В зависимости от управленческих, интеллектуальных, волевых качеств суверена система работала или слаженно и эффективно, или все шло непредсказуемым образом. Таким образом, отличие от европейских систем власти могло обернуться либо преимуществом, либо недостатком. Опять мы видим сходство с азиатской моделью бюрократии.

Примерно в таком виде с некоторыми изменениями система просуществовала до Революции 1917 года.

После революции Декретом ВЦИК и СНК от 24 ноября 1917 года прежняя бюрократическая система была ликвидирована²². После революции пришла Гражданская война, и стране была просто необходима четкая система организации власти, а самое главное — контроля, иначе стране грозили развал и разграбление интервентами. Базой для становления власти стал аппарат большевиков. В условиях разрухи ячейки большевистской партии продолжили свое существование, и постепенно партия срачивалась, подменяла собой Советы. В первые годы своего существования управленческий аппарат увеличился в пять раз²³; эта тенденция не нова для России: она имела место и в царской России. Такое увеличение штата привело к тому, что бюрократы заполонили государственные органы и все сферы жизни общества. Возможно, это явилось следствием отказа от капиталистической экономической системы: «рука рынка» была заменена «рукой бюрократа». А так как в основном люди не имели образования, то «качество» (компетентность, обеспечиваемая образованием) заменялось количеством чиновников.

Постепенно со стабилизацией жизни общества сформировался и правящий слой — номенклатура (от лат. перечень имен, наименований²⁴). В рамках номенклатуры существовала жесткая

¹⁸ Макарин А.В. Указ. соч. С. 94.

¹⁹ Крючков Ю.А., Утенков В.М., Граждан В.Д. Указ. соч. С. 31.

²⁰ Гражданская служба / Под ред. А.И. Оболонского. — М., 2004. С. 45.

²¹ Макарин А.В. Указ. соч. С. 105.

²² Гражданская служба / Под ред. А.И. Оболонского, С. 69.

²³ Крючков Ю.А., Утенков В.М., Граждан В.Д. С. 47.

²⁴ Макарин А.В. Указ. соч. С. 133.

иерархия. По сути, бюрократия стала единственным привилегированным «сословием» в СССР – ведь различные льготы в зависимости от занимаемого положения охватывали едва ли не все сферы жизни чиновников.

С 60-х годов несколько ослаб жесткий контроль со стороны силовых структур, и как следствие, чиновники начали злоупотреблять своей властью. Теперь она служила в качестве средства удовлетворения личных и корпоративных интересов бюрократии²⁵. К тому же продвижение по службе за личные качества стало редкостью, теперь это происходило за счет выслуги перед начальством (параллель с азиатской моделью). Номенклатурный принцип порождает должностную неразбериху, деспотию со стороны чиновников и безответственность кадров. Всё это привело к краху СССР сверху.

Советская государственность была разрушена, однако бюрократическая модель управления продолжила свое существование. На данный момент основными актами, регулирующими бюрократию в РФ, являются ФЗ от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 07.05.2013) «О системе государственной службы РФ» и ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 07.05.2013) «О государственной гражданской службе РФ». Также издаются различные подзаконные акты: Указы Президента РФ, акты министерств и ведомств, например, Приказ ГФС РФ от 01.04.2008 № 106 (ред. от 06.06.2011) «Об утверждении Положения об Управлении Государственной фельдъегерской службы РФ по федеральному округу». Согласно ФЗ № 58-ФЗ, государственная служба в РФ по горизонтали подразделяется на: государственную гражданскую службу, военную службу, правоохранительную службу. Государственная гражданская служба, собственно, и представляет собой бюрократию. По горизонтали она делится на службу в различных министерствах и ведомствах, а по вертикали – на федеральную государственную гражданскую службу и государственную гражданскую службу субъектов РФ.

По своей сути российская бюрократия относится к европейскому типу: государственные гражданские служащие

²⁵ Макарин А.В. Указ. соч. С. 135.

осуществляют деятельность на основании контракта, который описывает условия, гарантии службы; также бюрократия имеет четкую иерархическую структуру и представляет собой общность людей, сплоченных общими целями – осуществлением общественно полезных функций.

Критика бюрократии: основные работы

Сливки поднимаются кверху, пока не прокиснут.
(Лоуренс Питер)

*Человеку легче казаться достойным
той должности, которую он не занимает,
нежели той, в которой состоит.*
(Франсуа де Ларошфуко)

Бюрократия – это явление, как мы выяснили в главе 1, с обширной и долгой историей. Как и любое подобное явление, его пытались описать, понять его сущность и, конечно, подвергнуть критике (мы понимаем критику в широком смысле, добавляя к выявлению негативных черт еще и положительные черты рассматриваемого объекта). Имела место даже сатирическая критика, автором которой выступил Сирил Норткот Паркинсон (1909–1993) – историк, писатель, драматург, журналист и биограф. Паркинсон на примере британской бюрократии вывел так называемый Закон Паркинсона: любая работа увеличивается в объеме, чтобы заполнить все отпущенное на нее время. Применительно к бюрократической системе у закона есть две предпосылки:

- чиновники сами создают работу друг другу;
- перманентное увеличение числа работников в независимости от выполняемой работы, ее характера и объема. Причем увеличивается штат подчиненных.

Также Паркинсон предложил такое понятие, как «коэффициент бесполезности» (Coefficient of Inefficiency), то есть критическое количество членов органа или комитета, по достижении которого комитет становится полностью бесполезным. Он вывел

почти шутовскую формулу для вычисления такого количества и пришел к результату, лежащему «между 19,9 и 22,4 (десятые доли показывают частичное присутствие, то есть тех, кто посидел и ушел)».

Возможно, Паркинсон довольно метко определил черты и недостатки бюрократии, но его Законы не могут служить в качестве комплексного подхода к явлению бюрократии. Поэтому обратимся к авторам основных концепций бюрократии. Мы рассмотрим концепции Карла Маркса, Макса Вебера, Людвиг Мизеса.

Маркс о бюрократии

Обращение к проблемам бюрократии содержится в книге Карла Маркса «К критике гегелевской философии и права» (1844). Он солидарен в своих взглядах с Гегелем: чиновники понимаются как особое сословие, находящееся в одном ряду с пролетариатом и буржуазией. Бюрократия, по Марксу, является порождением капитализма и, соответственно, сочетает в себе все мыслимые негативные качества:

- подмену общественного интереса частным интересом власти и конкретного чиновника;
- органическую неспособность бюрократии решать подлинные проблемы;
- отсутствие у нее государственного разума, извращенное восприятие действительности, отрыв от нее;
- предвзятость, произвол, возрастающий по мере продвижения к вершине бюрократической иерархии;
- корпоративность;

Корпоративность Маркс считал неизбежным явлением. Ведь как ни крути, бюрократия – это корпорация (если не изначально, то впоследствии), в которой вырабатывается своя корпоративная этика, которой необходимо следовать, чтобы не оказаться выкинутым из системы.

- своекорыстие этой иерархии и карьеризм как образ ее жизни, и ее притязания на монопольную компетентность, формализм.

Более того, Маркс считал, что бюрократия – это паразит, в принципе неспособный быть ни выразителем разума, ни выразителем всеобщих интересов. Причина в том, что государство само задает интересы членов общества. Получается, что формально бюрократия поддерживает всеобщий интерес, а на самом деле она лишь исполняет волю высшего руководства. Маркс использует для бюрократии определение «формальный дух государства». Бюрократия теряет смысл своей деятельности, подменяя его на задачу сохранения устоев бюрократической системы.

Марксистский подход к исследованию бюрократии в макроэкономическом русле. Объектом исследования в марксизме было воздействие бюрократической системы на общество. Итак, по Марксу бюрократия есть исполнитель воли государства; кроме того, она представляет собой замкнутое общество внутри государства со своей корпоративной этикой. Учитывая размеры штата чиновников, можно говорить о «государстве в государстве», мнимом государстве.

Механизмы деятельности бюрократии были особым способом воплощения в жизнь властных решений. Причем бюрократии приписываются исключительно негативные черты. Если исходить из позиции Маркса, то представляется удивительным то, что бюрократия так долго просуществовала в качестве системы управления. Может быть, есть какое-то рациональное зерно в системе бюрократии? Попытаемся выяснить это на примере концепции рациональной бюрократии Макса Вебера.

Рациональная бюрократия Макса Вебера

Вебер отмечал, что в древних обществах уже существовали организации, подобные бюрократическим, но все же, по мнению Вебера, они не отвечали необходимым стандартам. Такие организации, в соответствии со своей классификацией, он отнес к традиционному типу. В рамках традиционного типа Вебер выделял патриархализм, патримониализм, султанизм и феодализм. Они различались степенью соотношения традиций и личной воли правителя. Так, патриархализм представляет собой крайнюю

форму традиционной власти, а феодализм – более позднюю, западную модель, при которой правитель мог передавать часть полномочий чиновникам. А чиновники рекрутировались из знати соответствующего региона.

Возникновение «настоящей» бюрократии Вебер связывал с формированием легального типа власти. Она, в свою очередь, складывается вместе с нормативной базой управления обществом. Наиболее развитой формой этого типа является рациональное государство. Жизнь в таком государстве регламентируется нормативно-правовыми актами (основным является Конституция), принимаемыми политиками. Обычно это выборные должности, которые не являются бюрократами в полной мере, так как получили полномочия от избирателей (иной источник легитимности) и на них возложена несколько другая миссия. А бюрократия осуществляет исполнение и контроль над исполнением закона.

Итак, Вебер приходит к выводу, что только на современном этапе (начало XX века) бюрократическая система получила наибольшее развитие и в большей степени приблизилась к идеальному типу бюрократии. Под термином «идеальная бюрократия» понималась не самая совершенная, наилучшая, наиболее предпочтительная форма бюрократической системы, а лишь «чистая форма» бюрократической организации без каких-либо примесей традиций, как в патриархализме, или произвола правителя, как в султанизме. Так как такая форма бюрократии присуща рациональному государству, то ее также называют рациональной бюрократией. Вебер сформулировал черты, характеризующие рациональную бюрократию:

- наличие иерархии внутри бюрократической организации, исходя из которой и определяются служебные обязанности каждого бюрократа;
- образовательная подготовка будущих чиновников, компетентность чиновников не только в конкретной сфере деятельности, но и в общих процессуальных порядках и нормах;
- четкий регламент, определяющий поведение должностных лиц на всех уровнях иерархии;
- должностные лица получают за службу фиксированный должностной оклад;

- частная жизнь бюрократа отделена от служебной сферы, то есть исключены всякие неформальные отношения в бюрократической среде;
- ни один чиновник не обладает имущественным правом на те ресурсы, которыми распоряжается в связи со службой.

Хотя такой тип и назван Вебером «идеальным», в нем есть некоторые недостатки. Например, такая форма бюрократии ограничивает возможность личной инициативы, творчества при решении тех или иных задач. Сосредоточенность системы на формализованных, безличных правилах порождает засилье норм и инструкций. В судорожном стремлении следовать огромному количеству норм подлинные цели бюрократии начинают отходить на второй (если не на последний) план, а ведь этой целью было благо общества и граждан. Кроме того, по мнению Вебера, эффективность деятельности бюрократии во многом зависит от постоянного контроля над ней со стороны политиков. Иначе постепенно бюрократы скатываются на произвол при решении вопросов. Для предотвращения таких ситуаций необходима слаженная система подбора и обучения кадров. Кандидаты на пост чиновника должны обладать «идеальными» качествами. Вебер задается вопросом «каким надо быть человеку, дабы ему позволено было возложить руку на спицы колеса истории» и сразу дает ответ: «... Три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер». Страсть означала направленность деятельности на существо дела, глазомер – способность рационально оценивать ситуацию.

Таким образом, Вебер определил бюрократию как наиболее рациональное институциональное устройство для решения сложных задач управления в современном обществе, и основа ее рациональности состоит в обезличенности ее функционирования, что дает гарантии от произвола конкретных исполнителей.

Бюрократия Мизеса

Людвиг фон Мизес (1881–1973) – известный австрийский ученый – посвятил феномену бюрократии целую книгу

с одноименным названием — Бюрократия. Специфика рассмотрения явления бюрократии, ее критики обусловлена сферой научных интересов Мизеса: он был экономистом. Именно поэтому он вводит как антиподы такие понятия, как «управление во имя прибыли» и «бюрократическое управление». Мизес утверждает, что невозможно понять сущность бюрократии, не сравнив эти две модели. Основанием сравнения послужил критерий прибыли. Итак, субъектами управления во имя прибыли, конечно, являются граждане и предприниматели. Какими же чертами отличается такая модель управления? Во-первых, субъектом всегда движет цель получения прибыли, и все применяемые в этом случае механизмы направлены на ее максимизацию. Во-вторых, выбор той или иной сферы деятельности зависит исключительно от потребителя — ведь никакой предприниматель не будет рисковать деньгами, репутацией и т. д. ради производства товара, потребность в котором испытывает небольшая группа людей. Все деловые операции предварительно подвергаются тщательной оценке, все подсчеты фиксируются. Наконец, управленцы обладают некоторой свободой «творчества» — ведь в условиях конкуренции свежие идеи всегда необходимы. Это делает систему гибкой и восприимчивой к изменениям среды. Самое главное, для этого есть мотивация — собственный эгоистический интерес заставляет, к примеру, управляющего филиалом некой организации вести дела с усердием и внимательностью.

С другой стороны — бюрократический метод, которым пользуются правительственные и муниципальные учреждения. Мотива получения прибыли у чиновника нет — соответственно, нет такой мотивации, как при «управлении во имя прибыли». Работа бюрократической системы не может быть оценена бухгалтерами, просто в силу характера своей деятельности — деятельности по управлению государством, по удовлетворению нужд граждан. Например, нельзя посчитать в денежном эквиваленте, насколько хорошо поработало в этом месяце Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. В бюрократической системе нет возможности выбирать сферу деятельности, так как она обеспечивает все жизненно необходимые потребности общества и государства. И даже если эта деятельность не приносит до-

хода (так обычно и получается). Например, только государство может заниматься обороной, никакой капиталист за это не возьмется. Ни о какой свободе в рамках этой системы не может быть и речи, так как все должно следовать детально разработанным предписаниям и правилам. Также не существует связи между доходами и расходами, так как доходов, в общем-то, почти нет.

Таким образом, Мизес вывел определение бюрократического управления — «это метод, применяемый при ведении административных дел, результаты которых не имеют денежной ценности на рынке».

Современный этап

Да видим мы эти несовершенства не хуже критикующих! Но, видя несовершенства, мы должны последовательно их исправлять, а не делать бизнес на катастрофе.
(Валерий Зорькин)

Как мы выяснили, у бюрократии есть как положительные черты, так и недостатки, но так или иначе бюрократия существует до сих пор. Но она постепенно видоизменяется в силу новых идей, веяний, изменяющейся геополитической ситуации.

Само общество меняется: индустриальное сменяется постиндустриальным (в развитых странах уже сменилось). А рациональная бюрократия сменяется «поствеберовскими» моделями бюрократии²⁶. Эти модели соединяют в себе как достоинства предыдущей модели, так и новые черты. Например, такие черты бюрократии Вебера: профессиональная специализация, иерархический принцип, специальное образование для подготовки новых кадров, получение должностного оклада, четкая регламентация правил поведения в среде чиновников. Но наряду с достоинствами существуют и недостатки (рассматривались в главе 2). Постепенно население начинает терять доверие к чиновникам,

²⁶ Исторические модели бюрократической культуры// Интернет-ресурс: www.myakushkin.ru/content/view/136/114/

возникает спрос на что-то новое, а как известно, спрос рождает предложение.

Первая из новых концепций это – концепция «нового государственного менеджмента»²⁷. Это направление получило широкое распространение, во многих странах проводятся исследования. Например, в Англии и даже в Новой Зеландии с чиновниками среднего звена заключаются контракты на определенный срок, имеющие целью достижение конкретных результатов. Продление контракта зависит от достижения поставленных целей. Перевод на контрактную основу (маркетизация) части структур государственной службы принес положительные результаты: повысилась эффективность, понизилась цена управленческих услуг, сократилась численность бюрократии.

Другое направление – направление на «этизацию» бюрократии, то есть поворот к морально-этическим сторонам поведения государственных служащих. Одной из мер является введение кодексов поведения служащего²⁸.

Еще одна новация – концентрация внимания на населении. Гражданин переходит из статуса «управляемого» в статус «клиента» бюрократической системы. Благодаря этому снова стали актуальными права гражданина на участие в управлении, гласность деятельности бюрократической организации, ее близость к людям, доступ граждан к информации и т. п.

С правом на доступ к информации связана концепция электронного правительства. Оно представляет собой интернет-ресурс, содержащий информацию о получении услуг, документов, необходимых процедурах перед их получением и тому подобное. Взаимодействие может происходить на нескольких уровнях: государство и граждане, государство и юридические лица, государство и государственные служащие, между различными ветвями власти. Одновременно с обеспечением общедоступности информации для населения минимизируется общение заявителя с государством так постепенно можно существенно сократить количество чиновников, тем самым сократив расходы государства и граждан.

²⁷ Оболонский А.И. Указ. соч. С. 23.

²⁸ Там же. С. 24.

В 2007 году в РФ была утверждена концепция «электронное правительство». 10 сентября 2009 года было опубликовано Постановление Правительства РФ № 721 «О внесении изменений в федеральную целевую программу “Электронная Россия (2002–2010 годы)”». В новой редакции Программы практически отражены мероприятия, цели, показатели результативности, направленные на построение инфраструктуры электронного правительства России и реализацию Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года²⁹.

В РФ создан специальный портал «Государственные услуги», он содержит информацию о государственных услугах, предоставляемых органами исполнительной власти Российской Федерации, а также о возможности получения этих услуг, в том числе в электронном виде.

В последнее время на Западе происходит частичный пересмотр основных принципов бюрократической системы. Существует несколько основных направлений:

- поиск соотношения политических и профессиональных начал организации деятельности бюрократии;
- развитие «горизонтальных» отношений, в противовес «вертикальной» иерархической структуре рациональной бюрократии Вебера;
- сокращение штата администрации;
- «менеджеризация» и даже маркетизация значительной части госслужбы;
- распространение максимально возможной открытости, «отзывчивости» бюрократии на потребности и ожидания граждан;
- обращение к культурным и этическим сторонам службы чиновников³⁰.

²⁹ Постановление Правительства РФ от 10 сентября 2009 г. №721 // Интернет-ресурс: <http://government.ru/>

³⁰ Оболонский А.И. Указ. соч. С. 24.

Заключение

В рамках разговора о бюрократии мы рассмотрели две принципиально разные исторические модели бюрократии: азиатскую — более древнюю — и европейскую, свойственную современному этапу развития института бюрократии. Определить основные черты бюрократии пытались ученые разного толка: К. Маркс, М. Вебер, а также представитель австрийской экономической школы Людвиг фон Мизес. Авторы по-разному подходили к самому существованию рассматриваемого явления: так, Маркс понимал бюрократию как класс (наряду с пролетариатом и буржуазией), Мизес — как особый метод ведения дел, результаты которых невозможно выразить в денежном эквиваленте. Но неизменным для всех авторов было выделение негативных черт бюрократии — формализма, волокиты, отсутствия у чиновников творческой инициативы и мотивации, непреодолимого консерватизма.

Явление бюрократии имеет долгую историю и множество возможных путей развития и реформирования: концепция «нового государственного менеджмента», концепция «отзывчивой» бюрократии, поворот на «этизацию» бюрократии, сокращение штата администрации. Согласно мнению Роберта Михельса, ученика Макса Вебера, демократия, чтобы сохранить себя и достичь известной стабильности, вынуждена создавать организацию, а это связано с выделением элиты — активного меньшинства, которому массе придется доверять ввиду невозможности ее прямого контроля над этим меньшинством. Таким образом, явление бюрократии (в понимании Л. Мизеса — метод управления) представляется неизбежным и в некоторых сферах даже эффективным. Как говорилось выше, частую недовольство вызывает не сама по себе бюрократическая система, а объем ее присутствия в частной жизни общества.

Вспомним «железный закон олигархии» Р. Михельса: прямое господство масс технически невозможно, и потому любая социальная организация — даже если она начинается с демократии — вырождается во власть немногих избранных — олигархию. Чтобы избежать вырождения бюрократии в олигархию и одновременно получать положительные результаты от бюрократического метода, необходимо осуществлять планомерное сокращение интервенционизма государства, а тем самым и бюрократии в частную жизнь.

Содержание

Введение	5
Павел Валерьевич Усанов	
Что такое праксиология?	16
<i>Теория деятельности Л. фон Мизеса</i>	
<i>и Г.П. Щедровицкого</i>	31
Дмитрий Викторович Нефедов	
Экономические и правовые отношения	
в свете идей laissez-faire	42
1. <i>Вводные замечания</i>	43
2. <i>Правовые отношения</i>	45
3. <i>Экономические естественные отношения</i>	54
Юрий Владимирович Кузнецов	
Предпочтения и ценность:	
логическое разделение понятий	72
<i>Зачем Мизесу понадобилось</i>	
<i>понятие «удовлетворенности»</i>	73
<i>Логика отдельного действия: предпочтения</i>	79
<i>Логика оценки результатов действия: ценность</i>	82
<i>Предпочтения и ценность: логическое сопоставление</i>	84
<i>Заключение</i>	87
Александр Васильевич Ковалев	
Идеи австрийской школы в советской	
экономической литературе 1920-х годов	88
1. <i>Введение</i>	89
2. <i>Авторы и аргументы</i>	
2.1. <i>Экономический расчет при социализме</i>	90
2.2. <i>Роль относительных цен</i>	
<i>в распределении ресурсов</i>	95

2.3. Роль процента, кредитная эмиссия и теория цикла.....	98
3. Заключение.....	105
Андрей Павлович Заостровцев	
Россия: бегство от свободы.....	104
Глобальная конкурентоспособность: почему Россия проигрывает?.....	108
Россия: «экономика опричника».....	117
Что сказали бы австрийцы?.....	120
Дмитрий Яковлевич Травин	
Ловушки модернизации.....	125
Что такое «ловушка модернизации».....	127
Испанская ловушка, или ресурсное проклятие.....	129
Французская ловушка, или революции вместо демократии.....	131
Германская ловушка, или искусство подчиняться.....	134
Российская ловушка, или земля вместо денег.....	137
Рынок и бюрократия в военном деле.....	140
Выводы.....	146
Александр Александрович Раквиашвили	
Либертарианская нетолерантность.....	147
Источники противоречий в либертарианском мировоззрении.....	150
Принципы поиска и отбора секулярных предпосылок теории.....	153
Секулярная аксиоматика.....	158
Владимир Александрович Четвернин	
Понятие права: конкурирующие парадигмы.....	161
Понимание правового.....	165
Понимание нормативности.....	169
Право как социальный институт (система институтов)...	173
Право и свобода.....	174
Краткие определения: Принцип права.....	175

Функция права.....	179
Структура права как социального института.....	181
Историческая типология цивилизаций.....	186
Отличие права от морали.....	195
Почему человек должен подчиняться праву?.....	196
Права человека.....	203

Ирина Александровна Макарова

Экономическая обоснованность правового регулирования налогов.....	206
Теоретические основания.....	207
2. Механизм действия экономического основания налогов: практические выводы.....	212
Налог на роскошь.....	215
Налог на бездетность.....	218
Транспортный налог.....	219
Налог на недвижимость.....	222

Кирилл Валерьевич Пестерев

Капитализм и налоги.....	225
---------------------------------	------------

Александра Сергеевна Симонян

Критика бюрократии в истории политико-правовой мысли.....	238
Вводные замечания.....	239
Явление бюрократии	
Понятие бюрократии.....	241
Модели бюрократии.....	243
История бюрократии в России.....	246
Критика бюрократии: основные работы.....	251
Маркс о бюрократии.....	252
Рациональная бюрократия Макса Вебера.....	253
Бюрократия Мизеса.....	255
Современный этап.....	257
Заключение.....	260

Сборник статей
Капитализм и свобода

Авторы: П. В. Усанов; Д. В. Нефедов; Ю. В. Кузнецов; А. В. Ковалев; А. П. Заостровцев; Д. Я. Травин; А. А. Раквиашвили; В. А. Четвернин; И. А. Макарова; К. В. Пестерев; А. С. Симонян

Корректор В.В. Вересиянова
Оригинал-макет М.А. Гунькин
Дизайн обложки М.А. Гунькин

Подписано в печать 25.03.2014. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 16,63
Тираж 200 экз. Заказ № 3802

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
191119 Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23

**ФОНД РАЗВИТИЯ
ЛИБЕРАЛЬНОЙ
НАУКИ**

Цель учрежденного в 2011 году Фонда - мобилизация интеллектуальных и финансовых ресурсов для всестороннего исследования современной экономики и права.

Его главная задача - обеспечение деятельности Института экономики и права им. Ф. фон Хайека, финансирование конференций, лекций, грантов, издание фундаментальных научных работ.

**НАСТОЯЩИЙ СБОРНИК ВЫШЕЛ ПРИ
ФИНАНСОВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ
ПОДДЕРЖКЕ ФРЛН**

**ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

им. Ф. фон Хайека

Институт Хайека - это место, где вы можете узнать много нового о том, как работает экономика и к чему приводит государственное вмешательство в рыночные процессы; место, где вы можете узнать о прогрессивных идеях в экономике, праве, политологии и истории.

Наша миссия - заложить интеллектуальные основы для движения к свободной экономике и свободному обществу.

WWW.DLSFUND.COM